

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

2/ АПРЕЛЬ 2019

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А. И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. В. КАДЫРОВ

Б. Т. КОЙЧУЕВ

Т. Т. МУРАТАЛИЕВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

В. И. ШАПОВАЛОВ

На первой обложке картина Светланы Сусловой «Дикая
яблоня». Холст. Масло.

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефон 62-16-05

e-mail: alekivanov38@mail.ru

СВЕТЛАНЕ ГЕОРГИЕВНЕ СУСЛОВОЙ

Трудно представить, что всегда молодая, красивая женщина, замечательный поэт и переводчик Светлана Суслowa, известная всему Кыргызстану и несущая бремя этой известности с легкостью и юмором, пришла к дате, знаменующей возраст, бремя прожитых лет.

Она – автор 14 сборников стихотворений и поэм, вышедших во Фрунзе и Москве. Многие из ее книг становились событиями в литературной истории Кыргызстана и заметными вехами в литературном процессе СССР.

Светлана Суслowa первой в русской поэзии Средней Азии с безупречной убедительностью дарования продемонстрировала внутренний мир героини второй половины века – юной и полной внутренней духовной красоты и силы. Так, книга «Концерт для скрипки с оркестром» – единый, как дыхание, эмоциональный организм мира юной женщины, полной любви к земле, детям, всему близкому и незащитному. И затем уникально близкая по настрою ее новая, итоговая книга «Синеглазая Азия», где в переключке названий с первым сборником – «Моей Азии» – утверждается единство души, биографии, сердечного воплощения образа кыргызской земли в русском мировоззрении. Здесь же ставшая знаменитой ее поэма «Ала-Кийиз» – образ многоцветного войлочного ковра, метафора картин и чувствований кыргызского мира, полного красок и воздуха Востока...

Стихи Светланы переводились на кыргызский, таджикский, китайский, английский, французский, немецкий, испанский, польский и другие языки. Ее поэзия популярна в широких кругах любителей литературы, ее читатели – значительная часть тех, кто воспитан на русской культуре.

Известный переводчик, она сумела донести до русскоязычной читательской аудитории неповторимое звучание лирики и поэм классиков национальной литературы. «Живым русским языком» (как писали критики) заговорили лирика Аалы Токомбаева и Алыкула Осмонова, романы в стихах Сооронбая

Джусуева, зазвучали монологи Ж. Мавлянова, М. Абылкасымовой, К. Жусупова, А. Молдокматова, Я. Шивазы, А. Токтомушева, Р. Шукурбекова, С. Шатманова и многих других. Суслова успешно переводила с уйгурского, арабского, таджикского, ей покорились прихотливая поэтика философских сур Султана бин Али аль Увейса и горькая афористичность «Рубайята» Омара Хайяма. В последнее время она увлеченно погрузилась в эпический мир эпоса «Манас», переводя многотомное повествование манасчи Жусупа Мамая.

Переводческое кредо Светланы Сусловой – органичное вживание в инациональный мир переводимой культуры, яркое его перевоплощение, слиянность собственной поэзии с мировым поэтическим хором. Талантливый поэт и переводчик здесь неразделимы.

Общество и государство по достоинству оценили масштаб творчества и общественной деятельности поэтессы. Нельзя не сказать о том, что С. Г. Суслова была членом Советского комитета защиты мира (с 1981 по 1991 год), что она лауреат Всесоюзной премии ВЛКСМ (Москва, 1982), заслуженный деятель культуры Кыргызской Республики (1995), почетный гражданин Астаны (1999), а в 2018 году она удостоена высшего почетного звания «Народный поэт Кыргызской Республики». Ей вручались высокие государственные награды – орден Дружбы Российской Федерации (2003) и орден «Данакер» Кыргызской Республики (2004), она награждалась Почетными грамотами Киргизской ССР и Верховного Совета СССР, общественными наградами разных стран.

Юбилей народного поэта и известного общественного деятеля Светланы Георгиевны Сусловой – значимая дата для литературы Кыргызстана, для всей многоязычной художественной культуры Средней Азии и поэзии России. Ее высокое многогранное творчество стало на стыке веков знаковым для разбросанной по регионам бескрайней империи культуры русского языка, объединяющей на этом языке народы новых государств, создающей неповторимую атмосферу человеческого доверия и взаимопонимания.

Многая и благая лета тебе, дорогая наша Светлана Георгиевна!

**Правление Национального Союза
писателей Кыргызстана
Редколлегия журнала
«Литературный Кыргызстан»**

ПРОЗА

Виктор Кадыров. Игра в войну. Повесть	6
Александр Крячун. Ограбление. Феоктиста. Рассказы	34
Владимир Лидский. Убить оловянного солдата. Повесть	43
Игорь Подгайный. Кто рядом с тобой. Рассказ	88

ПОЭЗИЯ

Светлана Суслова. Стихи последнего времени. Нечаянное. <i>Стихи</i>	114
Дмитрий Сагайдак. Время — назад. Стихи	126
Кристина Убайдуллаева. <i>Стихи</i>	129
Александр Кердан. <i>Стихи</i>	135
Талант Джолдошбеков. Весна. Стихи	143

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

Светлана Луговая. Я видела Ангела. Быль	146
Александр Зеличенко. Тельняшка. Жемчужина Андижана. Пропавший табун. Аарон-следователь. «Японец» на Памире. Кровь родная - не водица? Судьбу определил... «Макаров». <i>Детективные истории</i>	155

КУЛЬТУРА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вера Калмыкова. «...Мы надрез на граните, мы крохи запёкшейся крови...»	176
Елена Шнырева. Неувядающая сила цвета	185
Кратко об авторах	193

ПРОЗА

ВИКТОР КАДЫРОВ

Игра в войну

Повесть

Часть первая Ось и союзники

1.

В тот памятный день Эрик ненадолго забежал домой после школы, наскоро пообедал и отправился к своему другу.

В руках он нёс большую картонную коробку с настольной игрой «Ось и союзники». В игре воспроизводилось положение военной ситуации в 1942 году между фашистской Германией и Японией, носивших в игре название «Ось», и блоком трех стран – Советского Союза, Англии и Америки, представлявших «союзников». Стратегическая игра очень нравилась Эрику, хотя охотников играть в неё находилось мало – она требовала уйму времени и тщательного анализа тактики и стратегии армий, принимавших участие в сражениях Второй мировой войны. Не каждый подросток усидит на месте в течение пяти-шести часов! Иногда даже приходилось откладывать окончание игры на день-другой. Эрик хотел показать игру другу и надеялся, что тот станет его постоянным партнёром по игре.

Идя по улице, Эрик заметил, что ему навстречу движется шумная компания подростков. Они, громко смеясь, толкали друг друга и вели себя, как показалось Эрику, очень вызывающе. Он почувствовал себя неуверенно, хотя и продолжал идти вперёд. Каждый шаг давался ему с трудом, а в душе росло желание оказаться в другом месте.

Не выдержав напряжения, Эрик открыл первую попавшуюся на пути дверь и шагнул через порог.

До него донёсся слабый запах нафталина, смешанный с тонким ароматом благовонных палочек. Эрик огляделся: он очутился в магазине подержанных вещей. Приглушённый верхний свет светильников охватывал только центр комнаты, оставляя углы в полумраке. Напротив входа у стены стоял огромный буфет, низ которого украшали резные вазы с букетами цветов. Справа от буфета на Эрика из темноты смотрел деревянный дракон, сжимавший в своих мощных лапах большое зеркало. На тумбе буфета Эрик разглядел массу мелких вещей: вазочек, шкатулок, статуэток и прочих безделушек, бывших модными десятки, а возможно, и сотни лет назад.

Хотя Эрик и рассматривал с интересом комнату, всё же больше его занимало то, что происходит снаружи, на улице: не прошла ли мимо ватага подростков.

— Ищете что-нибудь особенное в подарок? — раздавшийся голос был тихим и несколько дребезжащим.

Эрик вздрогнул от неожиданности и оглянулся. Из полутени возникла высокая фигура худощавого старика. Длинное вытянутое лицо с большими выразительными глазами и расчёпанная седая шевелюра делали его похожим на умудрённого жизнью и возрастом льва.

— Я только посмотреть, — застенчиво пробормотал Эрик, прижимая к себе коробку с игрой.

Взгляд старика опустился на коробку.

— Тысяча девятьсот сорок второй год? — удивлённо спросил он, прочитав название игры. — В это время шла Великая Отечественная война!

Эрик кивнул утвердительно и пояснил:

— Это и есть война. Вторая мировая. В ней Германия и Япония воюют с Советским Союзом, Англией и Соединёнными Штатами Америки. Эту игру придумали американцы, она называется «Ось и союзники».

— И кто же побеждает в ней? — с иронией спросил старик. — Историческая справедливость торжествует?

— По-разному бывает, — отозвался Эрик. — Советский Союз слабый, за него сложно играть. Потом идут Англия и Америка. Германия и Япония самые сильные.

— Тем не менее они проиграли ту войну! — заметил старик. — А у вас, значит, по-разному бывает?

– Если я за Советский Союз играю, то непременно побеждаю, – похвастался Эрик. – Я знаю стратегию!

– Это правильно. Чтобы победить, необходимо знать стратегию и тактику. Тут ты прав, – согласился старик и, перехватив взгляд Эрика на входную дверь, спросил: – Кого-то ждёшь?

Эрик отрицательно замотал головой. С улицы донеслись смех и топот шумной ватаги подростков, проходящих мимо магазина. Старик понимающе посмотрел на Эрика.

– Обижают сверстники? – спросил он.

– Бывает, – потупился Эрик.

– Ты же только что говорил, что знаешь стратегию? – насмешливо сказал старик. – Жизнь ведь тоже игра.

– Отступление – иногда хорошая тактика, – возразил Эрик. – Это сохраняет силы для дальнейшего развития.

– А ты мне нравишься, стратег, – улыбнулся старик. – Пойдём, угощу тебя чаем. Сегодня клиентов нет, скучно мне одному. Тебя как зовут?

2.

Старик усадил Эрика в кресло за небольшой столик. Кресло со львиными головами на подлокотниках и резным верхом напоминало королевский трон.

– Я – Илья Петрович, – говорил между тем гостеприимный хозяин. – Учёный, профессор, специалист по древним культурам. В своё время объездил весь мир, изучая историю нашей цивилизации. Теперь годы уже не те, чтобы отправляться в дальние экспедиции. Когда я вышел в отставку, то открыл этот антикварный салон. У меня друзья по всему свету, они шлют мне артефакты из самых разных мест нашей планеты.

Профессор заварил чай и разлил его в чашечки, сквозь стенки которых просвечивало тёмное золото напитка. Эрик осторожно, едва касаясь кончиками пальцев, удерживал чашку за изящно изогнутую ручку, боясь сломать её неосторожным движением.

– Расскажи-ка мне о своих проблемах, Эрик, – попросил Илья Петрович, усаживаясь напротив.

Вид старика и его тихий голос вызывали у Эрика доверие, и он дал волю своим чувствам. Тут были и обида на сверстников, не прощающих его недостатки, и досада на свою неуклюжесть и слабоволие, и претензии ко всему белому свету, что

все вокруг не понимают его и всё идет не так, как ему хочется. Эрик был невысокого роста, при построении на уроках физкультуры стоял третьим с конца шеренги и, несмотря на свою подвижность, из-за лишнего веса бегал не так быстро, чтобы быть лидером в футболе или хоккее, как того ему очень хотелось.

— Да ты — несчастный человек! — то ли в шутку, то ли всерьёз воскликнул Илья Петрович, терпеливо выслушав «жалобную песнь» подростка.

Эрик обречённо кивнул головой.

— И никто не хочет с тобой играть?

— У них другие интересы... Я люблю играть в «Ось и союзники», но нужно часов пять или шесть просидеть над игрой, а все хотят побегать, мяч погонять.

Профессор задумчиво посмотрел на коробку, приютившуюся между Эриком и подлокотником кресла.

— Что ты знаешь о сражениях сорок второго года? Вряд ли ты серьёзно интересовался той войной.

— Я наизусть помню, где и сколько единиц техники и пехоты каждой воюющей державы находится на карте! — гордо сказал Эрик.

Илья Петрович усмехнулся:

— И этого достаточно, чтобы победить Германию и Японию? Воспроизвести Сталинградскую битву или разгромить японский флот в битве за Мидуэй?

Эрик непонимающе уставился на старика.

— Первый раз слышишь о них? А ведь именно эти сражения в тысяча девятьсот сорок втором году изменили весь ход Второй мировой войны! Сталинградская битва развеяла миф о непобедимости гитлеровской армии, заставила Турцию и Японию отказаться от вторжения в Советский Союз. Поражение японского флота на атолле Мидуэй тоже способствовало этому. Уже потом случились Курская дуга и Арденнское сражение, Хиросима и Нагасаки...

— В августе сорок пятого года американцы сбросили атомные бомбы на японские города, — сказал Эрик. — Я знаю об этом. И островок Мидуэй есть на карте игры. Там стоят американские авианосцы и пехота.

Профессор одобряюще кивнул подростку и задумался о чём-то.

— Эрик, удивительно, что ты зашёл именно ко мне в магазин, — наконец произнёс он и стал объяснять: — Видишь ли,

я – историк. Мой конёк – древние цивилизации, но и новейшая история меня тоже интересует. Я, кстати, часто размышлял о том, что было бы, если бы события развивались по-другому. Например, если бы Гитлер не отказался от высадки на Британские острова, то на одного противника у него было бы меньше. Неизвестно, чем бы тогда закончился его поход на Советский Союз! Америке тоже пришлось бы несладко в этом случае, она бы в одиночку воевала против Японии и Германии. Не забудь, что Гитлера поддерживали и другие страны. Например, Италия, Болгария, да практически вся Европа! Колоссальная мощь!

– Германия и Япония – это зло! – горячо сказал Эрик. – Они хотели уничтожить часть человечества, а оставшихся людей превратить в своих рабов! Добро должно было победить!

Улыбка осветила аскетичное лицо Ильи Петровича.

– Конечно, в твоих сказках добро обязательно побеждает зло, – кивнул он. – Так и должно быть. Но в жизни, к сожалению, как и в твоей игре, часто бывает наоборот. И нередко проливается немало крови во имя добра и правды... – Старик махнул рукой, словно отгоняя от себя тяжёлые мысли. – Знаешь, что, Эрик? Научи меня этой игре! Ты же говорил, что ситуация в ней подобна той, которая была во Второй мировой войне в сорок втором году, не так ли?

– Весной тысяча девятьсот сорок второго года, – уточнил подросток.

3.

Недолго думая, Эрик вытащил из коробки сложенную вчетверо картонную карту мира. Развёрнутая, она заняла весь стол. Илья Петрович с интересом рассматривал её.

Эрик, вынимая другие принадлежности игры, давал старику пояснения по карте и самой игре:

– Тут значки с чёрным крестом – это территории, принадлежащие немцам и захваченные ими. Круг с солнцем – владения Японии. Красная звезда с серпом и молотом – территория Советского Союза. Кружок с красной точкой – зоны, которые контролирует Великобритания. Белая звезда в синем круге – символ Соединённых Штатов Америки. Серые зоны – нейтральные. А это пехота, – Эрик показал Илье Петровичу миниатюрную фигурку солдата. – Они разного цвета: чёрные – немцы, оранжевые – японцы, тёмно-бордовые – советская пехота, светло-коричневые – англичане и зелёные – американцы.

Эрик выставлял фигурки на карту по памяти.

— Это орудия ПВО, артиллерия, бомбардировщики, истребители, — перечислял он, показывая фигурки профессору. — Танки, подводные лодки, эсминцы, авианосцы. Посмотрите, какой красивый крейсер у японцев! — Эрик протянул фигурку корабля Илье Петровичу.

Тот, подслеповато прищурившись, покрутил фигурку в руках и вернул её подростку. Эрик поставил кораблик где-то в Тихом океане.

— Мидуэй, — прочитал профессор название близлежащего островка. — Тогда это один из четырёх японских крейсеров, принимавших участие в битве за этот остров.

— Каждая боевая единица имеет свою цену и может быть куплена за имеющиеся у державы денежные средства, — продолжал говорить Эрик, пропустив замечание старика мимо ушей. — Авианосец, например, стоит четырнадцать единиц, а линкор — двадцать. Кроме того, силы у всех разные: в атаке одни, в обороне другие. Так, истребитель в атаке имеет мощь три единицы, а в обороне — четыре... Да вы всё поймёте по ходу игры! — успокоил он профессора, видя, что тот растерян. — Хотя правил и правда очень много. У каждой боевой единицы свой ход. Пехота может передвигаться только через одну зону, а бомбардировщик через шесть. Он ведь должен совершать налёты и бомбить! Танк ходит через две зоны... Не беспокойтесь, я буду вам подсказывать. В игре главное — сделать правильный выбор: какие зоны атаковать, как распределить свои силы, на что потратить свои ресурсы. За каждый раунд нужно провести все возможные наземные, воздушные и морские сражения. Сначала действуют страны Оси, потом союзники. В игре есть главные города. У союзников: Москва, Ленинград, Лондон, Вашингтон, Сан-Франциско и Калькутта. У стран Оси: Берлин, Париж, Рим, Шанхай, Манила и Токио. Выигрывает тот, в чьих руках окажутся хотя бы девять главных городов.

4.

Илья Петрович беспомощно смотрел на карту мира, уставленную разноцветными фигурками. Сложные правила игры не задержались в его памяти.

Зоны Тихого океана сплошь были заняты оранжевыми кораблями японцев. На островах и прибрежных зонах Юго-Восточной Азии господствовали наземные войска Империи Вос-

ходящего Солнца. Европа чернела немецкими крестами. Они же покрывали часть Северной Африки. Британцы располагались на своих островах, да ещё в Индии и Египте. Американцы были далеко от театра военных действий. Красная Армия одна противостояла немецкому нашествию на восток. Ситуация выглядела совершенно безнадёжной для союзников.

— И всё же они победили, — пробормотал профессор и спросил: — А как ведётся бой?

— Вот специальная линейка боя, — сказал Эрик, показывая прямоугольный кусок картона. — На ней указана сила каждой военной единицы. С одной стороны выстраивается атакующая армия, с другой — обороняющаяся. Игрок бросает кубик за каждое своё боевое соединение, которое участвует в атаке. Если выпадет цифра, равная силе этого соединения или меньше, то противник теряет столько боевых единиц, сколько составляют мощь атакующего соединения. Если выпадает большая цифра, то это означает промах. Потом бросает свой кубик обороняющийся игрок.

Илья Петрович сокрушённо покачал головой:

— Как же ты всё это запомнил, Эрик?

Подросток улыбнулся:

— На самом деле я вам даже половины правил ещё не рассказал. Сейчас начнём играть, и вы разберётесь! Не так сложно, как кажется сначала.

— Хорошо, — согласился профессор и предложил: — Давай я буду играть за Ось. Посмотрю, как ты сможешь спасти Советский Союз и союзников от поражения. Судя по карте, дела у них плохи.

Эрик кивнул головой:

— Если ходить не думая, то Советский Союз, а за ним и Англия быстро потеряют столицы и не смогут больше пополнять свои армии. Тогда страны Оси непременно выиграют войну.

Профессор ещё раз внимательно посмотрел на карту.

— Ну, что же, если вспомнить историю, то мне нужно наступать немецкой армией на Кавказ. Там нефть и газ, — размышлял вслух Илья Петрович. — Если я его завоюю, то Советский Союз потеряет источник топлива и горючего, а я, кроме того, получу за эту территорию немалые деньги! Можно, конечно, двигаться на Москву и Ленинград, чтобы как можно быстрее вывести Советский Союз из игры. В сорок втором году Гитлеру

не удался этот план, но ведь здесь всё зависит от простого броска кубика!

— Если вы нападёте на Англию, то ослабите свои силы на материке, — предупредил его Эрик. — Советский Союз начнёт наступление.

Илья Петрович покачал в нерешительности своей седой головой.

— Трудно на что-нибудь решиться, — сказал он. — Тогда, в сорок втором году, у каждой державы был генеральный штаб, который разрабатывал боевые операции, а тут я один должен принимать решения!

Профессор перевёл взгляд с Европы на Африку.

— В сорок втором немецкая армия «Африка» успешно продвигалась вперёд. Ею руководил генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель, личность весьма выдающаяся. От одного его имени британцы в страхе покидали свои позиции. «Лис пустыни» — такое прозвище получил Роммель от британцев, — говорил Илья Петрович, выставляя фигурки солдат, танков и артиллерии на линейку боевых действий. — Я начну отсюда. Посмотрим, сможет ли кубик повторить успех знаменитого полководца?

Эрик выстроил на линии обороны британские войска, находящиеся в Северной Африке.

Профессор подбросил кубик и с интересом наблюдал, как он перекачивается, упав на пол.

— Один, — сказал он, увидев выпавшую цифру.

— Попали, — Эрик убрал фишку из-под фигурки британского солдата. — Фишки отмечают количество пехоты в этой зоне. Вроде как количество жизней в компьютерной игре. Бросайте кубик за каждую боевую единицу на линейке.

Профессор вновь взял кубик и, покрутив его в зажатой ладони, кинул на стол.

— Три, — сказал он, и с линии огня исчез британский танк. — Пока мне везёт, — констатировал старик и в очередной раз метнул кубик.

Эрик убрал в сторону артиллерию и кинул кубик в свою очередь, объяснив сопернику по игре:

— Убитые единицы всё равно участвуют в обороне. Они же до вашего попадания могли произвести выстрел.

Однако сделанные Эриком броски кубика не увенчались успехом.

Илья Петрович улыбнулся.

– Ситуация повторяет историю, – сказал он довольно. Игра начинала нравиться ему.

– Если ваш Роммель такой выдающийся полководец, то почему немцы проиграли в Африке? – спросил Эрик.

– Во-первых, генерал-фельдмаршал заболел амёбной дизентерией и вынужден был вернуться в Европу на лечение. Тогда-то британцы и перешли в контрнаступление, отбросив немцев на тысячу километров на запад. А во-вторых, союзники высадились в Марокко и Алжире, напав на немецкую армию с тыла.

– Я так и планировал: направить английский десант в Африку, – сказал Эрик.

– Это были американо-британские войска, – заметил профессор. – Роммель сильно потрепал их, несмотря на численное превосходство союзников. Но в конечном итоге победа была не на стороне немцев.

– Вы должны провести все возможные операции на всех фронтах, – напомнил ему Эрик. – И за Японию тоже.

5.

Илья Петрович перевёл взгляд на Тихий океан. Преимущество японского флота на море было очевидным.

– Что же, попробуем взять у американцев Мидуэй и Гавайи, – решил он и добавил: – Тогда это обернулось полным поражением японцев, сейчас это зависит от глупого кубика.

Профессор поставил рядом с американской базой фигурку японского авианосца.

– У американцев там было три авианосца и двести пятьдесят три самолёта на них. У японцев четыре авианосца и двести сорок восемь палубных самолётов. Кроме того, с каждой стороны участвовало в сражении несколько крейсеров, эсминцев и прочих кораблей. Итак, высылаю бомбардировщики на атаку базы! – объявил старик, выставив на линейку боя фигурку самолётника.

– Воздушный бой! – радостно воскликнул Эрик, выставив напротив свои фигурки авианосца, истребителя и бомбардировщика.

Профессор, зажав кубик в руке, в упор посмотрел на Эрика.

– Первый удар нанесли японцы: тридцать шесть торпедоносцев, тридцать шесть бомбардировщиков в сопровождении тридцати шести истребителей, всего сто восемь самолётов,

— торжественным голосом произнёс он. — Их встретили двадцать пять американских истребителей, из которых только четыре вернулись на базу.

Он выпустил кубик из рук. Тот покатился по поверхности стола и замер, демонстрируя белую точку на чёрной верхней грани.

Эрик убрал в сторону свой истребитель.

Его ответный бросок не дал никакого результата.

— Не расстраивайся. Знаешь, сколько раз пытались американцы атаковать японскую эскадру? — спросил Илья Петрович. — Более десяти раз! И каждая атака была провальной — они потеряли сто пятьдесят самолётов, не нанеся при этом серьёзных повреждений японским кораблям! Японцы же потопили американский авианосец и один эсминец. Более трёхсот американцев погибли в том сражении...

— Как же им удалось выиграть битву?!

— Американцы дрались до последнего, — сказал профессор. — Командиры эскадрилий убеждали пилотов, что даже если останется один самолёт, то всё равно есть шанс на победу! В общем-то, так оно и произошло. Когда все японские самолёты находились на авианосцах для загрузки боеприпасов, несколько американских бомбардировщиков прорвались и сумели сбросить бомбы на палубы кораблей. Представь, в этот момент на палубах были снаряды, бомбы, торпеды, которые привешивали к самолётам. Огонь практически мгновенно охватил три авианосца, уничтожив и все самолёты на них! От взрывов и пожара не спасся никто: ни моряки, ни пилоты. Четвёртый японский авианосец и тяжёлый крейсер погибли спустя несколько часов после основной битвы. Только за один день было уничтожено двести сорок восемь самолётов и больше трёх тысяч людей — для японцев это был полный провал!

Эрик вздрогнул, услышав далёкий звук взрыва. Он испуганно огляделся по сторонам. В комнате всё было спокойно. Внимание подростка на миг задержалось на стеклянном черепе, стоявшем на небольшой подставке в правом углу комнаты. Казалось, что глазницы черепа излучают красноватый свет. Или это были отсветы светильника?

Затем слух Эрика уловил слабый рокот. Он исходил от карты мира, лежащей на столе. Взгляд Эрика устремился на источник нового звука.

Глаза его расширились от изумления: над картой летели крошечные самолёты! Тихий гул их моторов напоминал гуде-

ние мини-вентилятора. А под самолётами плескалось самое настоящее море! Миниатюрные волны на несколько мгновений поднимались над морской поверхностью, увенчанные микроскопической шапкой пены, и вновь исчезали в мятущейся синеве. Эрик испугался, что морская вода выплеснется на ковёр на полу комнаты. Но море существовало лишь в пределах карты.

– Бросай кубик! – словно издалека донёсся до Эрика голос профессора. – Почему ты медлишь?

Эрик заметил на море несколько кораблей. Он детально знал все фигурки игры и безошибочно определил по очертаниям, что это японские авианосцы. Они утратили свой оранжевый цвет и стали настоящими кораблями, только уменьшенными до фигурок игры. На их палубах стояли самолёты, вокруг которых суетились какие-то точки. Видимо, это были люди. Американские бомбардировщики вплотную приблизились к кораблям. Навстречу им с авианосцев устремились истребители.

– Бросай! – вновь услышал Эрик и тут же разжал кулак с кубиком.

– Три! – торжественно объявил Илья Петрович.

Эрик увидел, как бомба разорвалась прямо на палубе одного из авианосцев среди самолётов и людей. Звук от взрыва был похож на хлопок лопнувшего воздушного шарика. Огонь охватил весь корабль. Над ним поднялся чёрный дымок.

Эрик с трудом оторвал взгляд от сражения и поднял испуганные глаза на профессора. Неужели старик не замечает, что на карте творится что-то невообразимое?! Фигурки ожили! Бой происходил по-настоящему!

Илья Петрович же, очевидно, не видел перед собой ничего необычного. Старик метнул свой кубик, казалось, прямо в море, и сказал:

– Два! Твой авианосец получил повреждение! Еще одна двойка выпала! Убирай свой истребитель и бросай кубик! Битва продолжается!

По горящим глазам старика Эрик понял, что тот захвачен азартом игры.

«Может быть, мне всё это почудилось?» – подумал Эрик, вновь со страхом переведя взгляд на игру.

К его удивлению, перед ним была обычная картонная карта, уставленная пластмассовыми фигурками военных соединений.

– Давай, твоя очередь, – торопил его Илья Петрович, не давая возможности подумать о случившемся. – Обороняйся! У меня остался ещё один авианосец!

Эрик бросил кубик и, затаив дыхание, следил, как он перекачивается с грани на грань. «Двойка», «шестёрка», «пять»... кубик замер на мгновение на остром ребре.

«Пять или один?» – успел подумать Эрик. «Пять» – означало промах, «один» – поражение цели.

– Один! – вскричал профессор и констатировал: – Четыре прямых попадания тысячефунтовыми бомбами! Взорвались все снаряды на борту, пожар превратил корабль в пылающий костёр!

Эрик расширенными глазами смотрел на вновь ожившую карту, где вокруг горящего авианосца взмывали ввысь столбы воды от разрывов сбрасываемых бомб. Бомбардировщики, один за другим, проносились над кораблём, освобождаясь от своего груза.

Внезапно яркий синий свет ослепил Эрика. В следующее мгновение он увидел над собой синее небо, а внизу пронёсся бушующий океан. Эрик с ужасом осознал, что сидит за штурвалом самолёта. Ощущение было такое, словно на него надели очки виртуальной реальности и он очутился внутри компьютерной игры. Грохот взрывов и рёв мотора оглушили его.

Эрик завертел головой, пытаясь понять, что происходит вокруг. Впереди, чуть левее, на расстоянии около ста метров летел американский самолет. Эрик видел белые звезды в синем кругу на его крыльях.

Неожиданно в поле зрения появился ещё один самолёт. Он шёл на большой скорости наперерез американскому бомбардировщику. На его крыльях и фюзеляже на тёмно-зелёном фоне выделялись большие красные круги. Прежде чем Эрик понял, что это японский истребитель, его пальцы сами нажали на гашетку пулемёта. Сквозь гул мотора до него донёсся треск выстрелов спаренного пулемёта. Японский истребитель попытался сделать вираж, но внезапно, вспыхнув, завертелся, падая вниз. За ним потянулся шлейф дыма.

За спиной Эрика заработал другой пулемёт. Он оглянулся. Сзади него сидел стрелок и стрелял по догоняющему их новому противнику.

В следующее мгновение голова Эрика закружилась, перед глазами горизонт резко ушёл куда-то вверх, сделал обо-

рот вокруг него, вызвав тошноту, и опять выровнялся. Во время манёвра тело налилось свинцом и его с силой вдавило в сиденье. Эрик догадался, что не он сам управляет самолётом, а пилот, в тело которого он каким-то образом попал. Краем глаза он увидел, как один из американских самолётов, летящих рядом, дёрнулся и круто пошёл вниз навстречу морской стихии.

Эрик глянул вперёд и похолодел от ужаса. Прямо в лоб ему нёсся японский истребитель. Скорость сближения была огромной. Оба пулемёта, установленные на крыльях истребителя, озарялись вспышками выстрелов.

Эрик налёг на штурвал, пытаясь уйти от столкновения, но руки пилота мёртвой хваткой удерживали курс самолёта, одновременно нажимая на гашетку спаренного пулемёта. Ни один из противников не желал отворачивать в сторону. Казалось, ещё несколько секунд, и самолёты столкнутся лоб в лоб. Эрик уже различал лицо японского пилота, наполовину скрытое тёмными очками.

«Что будет, если мой пилот погибнет?» – только и успел подумать Эрик, как яркое пламя перед носом самолёта ослепило его. Японский истребитель взорвался, разлетевшись на куски. Видимо, в последний момент пуля угодила в его бензобак или в боеприпасы.

Эрика опять вдавило в кресло. Самолёт, ведомый чьей-то опытной рукой, резко ушёл вниз, уклоняясь от горящих обломков японского истребителя, летевших навстречу с огромной скоростью.

Уставший от напряжения Эрик зажмурился. Когда он вновь открыл глаза, перед ним красным огнём сверкали глазницы стеклянного черепа.

6.

Не в силах произнести ни слова, Эрик поднял руку и указал на череп. Илья Петрович, заинтригованный взволнованным видом подростка, обернулся в указанном направлении.

– Что это такое, чёрт возьми! – воскликнул старик и, встав со стула, подошёл к стойке в углу комнаты.

Профессор осторожно взял череп и осмотрел его со всех сторон.

– Похоже, в его глазницах установлены линзы, – сказал он.

И тут глазницы черепа погасли.

— Не понимаю, чертовщина какая-то! — сказал Илья Петрович, поворачиваясь к подростку. — Этот череп мне прислал друг из Мексики. По всей вероятности, его сделали майя — таинственный народ, бесследно исчезнувший в глубокой древности. Череп у меня находится сравнительно давно, но я и не знал, что он может светиться!

Эрик бросил быстрый взгляд на карту. Она была плоской, усеянной пластмассовыми фишками и фигурками.

— Илья Петрович, здесь... только что было... настоящее море... и настоящее сражение! — волнение мешало Эрику говорить.

— Расскажи-ка мне всё, что я пропустил, — приказал ему старик, усаживаясь напротив с черепом в руках.

Когда Эрик поведал о том, что видел и пережил, Илья Петрович задумался.

— Странно, что твои видения совпадают с канувшей в Лету историей, — наконец сказал он. — Хотя под воздействием моих рассказов тебе могло что угодно представиться!

— Но это было настолько реально! Я видел, как горели самолёты, как люди бросались в море с пылающего авианосца! Это было ужасно!

— У тебя, очевидно, очень богатое воображение, Эрик! — попытался успокоить его профессор.

— Но этот череп, Илья Петрович... Он меня пугает! Он светился, когда у меня были видения!

Профессор покрутил в руках древний артефакт, еще раз осмотрел его, а затем встал и отнёс череп на место.

— Я читал, что хрустальные черепа обладают магическими свойствами, — сказал он. — Колдуны и шаманы индейцев майя использовали их во время ритуальных обрядов, наряду с галлюциногенными грибами и ядом жаб. Все эти средства вызывали сильные изменения сознания человека, и тогда он, по поверьям индейцев, мог видеть будущее или открывать сокровенные тайны. Но в магическую силу черепов я никогда не верил.

— Может быть, я заболел, — сказал Эрик. — И поэтому у меня появились галлюцинации?

— Возможно, вполне возможно... — задумчиво согласился Илья Петрович, а потом заявил: — Мы с тобой, как настоящие учёные, должны провести эксперимент. Предположим, что череп каким-то образом влияет на твоё сознание и у вас с ним незримая связь, что-то наподобие одной частоты, одной вол-

ны. И поэтому у тебя начинаются видения. Мои слова и игра, возможно, служат катализаторами этого эффекта. Ты готов начать испытания?

Эрик испуганно посмотрел на череп. Тёмные провалы глазниц, казалось, мрачно смотрели на него, также ожидая ответа.

Эрик отрицательно замотал головой:

– Ни за что, Илья Петрович! Я боюсь!

– Неизвестность – вот что пугает людей больше всего! – сказал Илья Петрович. – Ты же был в 3D кинотеатре? Представь, что сейчас ты увидишь объёмный фильм, так что нет причин волноваться!

Напрасно Эрик успокаивал себя, что ничего ужасного не может произойти. Стоило ему только взглянуть на череп, как внутри всё сжималось и начинало трепетать от страха.

– А какой эксперимент вы хотите провести? – спросил он, чтобы потянуть время.

– Для начала мы должны убедиться, что между свечением черепа и твоими видениями на самом деле существует связь, – сказал профессор.

– Мы продолжим игру?

– Конечно! Только подай мне знак, когда у тебя начнутся видения.

Эрик неохотно кивнул головой.

7.

Профессор осмотрел расположение немецких соединений на карте Европы.

– В июле сорок второго года началось наступление на Сталинград, – сказал он. – У тебя на карте он даже не отмечен. За четыре месяца упорных боёв немцам удалось войти в город, но итог для вермахта оказался плачевным: советские войска, перейдя в контрнаступление, зажали немецкую армию в «котёл». В конце концов фельдмаршалу Паулюсу пришлось сдаться в плен. С этого дня вермахту не удавалась больше ни одна крупная операция.

Илья Петрович в задумчивости повертел кубик в руке.

– Если я начну действовать в этом направлении, то ситуация в игре может быть схожей, – рассуждал он вслух. – Тогда ты увидишь самую кровавую битву в истории человечества. Около пятисот тысяч человек потеряла Красная Армия. Вермахт лишился такого же количества живой силы – трёхсот

тысяч немецких солдат и офицеров плюс более двухсот тысяч человек из союзных Германии армий. Вид этой бойни был бы тяжким испытанием для тебя. Нужно выбрать другую зону действий, например под Курском.

Профессор поднялся и перенёс подставку с древним артефактом поближе к столу с игрой. Теперь хрустальный чекреп стал третьим молчаливым участником боевых операций, которые разыгрывались на картонной карте мира.

Эрик со страхом смотрел в его тёмные глазницы, предвставляя, что они могут вспыхнуть красным светом. «Цвет крови!» — мелькнуло в его голове. Он изо всех сил вцепился в подлокотники кресла.

— Не пойти ли мне вперед танками? — продолжал размышлять старик. — У тебя в игре они все одинаковые, но на деле это было далеко не так!

— Советский Т-34 — лучший средний танк Второй мировой войны! — сказал Эрик. — Ему не было равных!

Профессор задумчиво покачал головой:

— У Т-34 была слабая пушка. Она могла поразить «Тигра» или «Пантеру» лишь с расстояния от двухсот до ста метров, тогда как пушка «Тигра» была опасна «тридцатьчетверке» даже с двух километров!

— Но они же победили!

— Как ни странно, да. Советские танки были подвижнее немецких. Они набрасывались на «Тигров», как свора волков на добычу.

— Ходите, Илья Петрович, я не могу больше ждать, — взмолился Эрик. От волнения на его лбу выступили капельки пота.

— Хорошо, — согласился профессор, выставляя на линейку боя фигурки танков, артиллерии, пехоты и авиации.

— Произведём массированный налёт на Красную Армию! — объявил он. — А ты знаешь, Эрик, что в Курском сражении принимали участие более двух миллионов человек, больше десяти тысяч танков и самоходных орудий, тысячи самолётов? Это была грандиозная битва! Она должна была окончательно сокрушить сопротивление советских войск, а закончилась полным провалом для немцев...

— У меня в этой зоне стоят орудия ПВО... — прервал его Эрик, но не договорил, потому что ему в уши ударила мощная звуковая волна — смесь скрежета металла, грохота взрывов, визга летящих снарядов, треска выстрелов, рёва многочисленных моторов.

8.

Перед глазами Эрика возникла панорама боя, наполовину затянутая чёрным пологом дыма, сквозь который пронеслись самолёты, сражаясь друг с другом и сбрасывая бомбы на землю. А там, внизу, творилось что-то невообразимое: множество танков ползли друг на друга, насккивали один на другой. Их дула изрыгали огонь, от выстрелов в упор сворачивало башни, лопалась броня. Земля сотрясалась от нескончаемых разрывов снарядов. От горящих танков в небо поднимались столбы чёрного дыма.

Эрик, словно бестелесный дух, парил над этой битвой. От какофонии заложило уши. Он почти физически ощущал волну ненависти и жгучее дыхание смерти, смешанные с едким запахом дыма и пороха, царившие над этим пространством.

Эрик закричал от охватившего его ужаса.

– Что ты видишь? – он едва расслышал голос профессора.

«Это всего лишь видение!» – мелькнуло в голове подростка, и он попытался успокоиться.

– Бой, я вижу грандиозное сражение, – прошептал он, зажав уши руками. – От этого шума у меня болят уши!

– Да, тогда стоял такой грохот, что перепонки лопались и из ушей текла кровь! Бросай кубик, Эрик! – сквозь невыносимый шум прорвался призыв Ильи Петровича.

Эрик, зажмурившись, почувствовал, что в ладонь вложил кубик, и бросил его.

– Два! – услышал он, и всё стихло.

– Ты выиграл сражение! – довольным голосом объявил профессор. – Каким-то непостижимым образом кубик повторяет ситуацию, которая была во Второй мировой войне! По теории вероятности шанс этого явления крайне невелик. Не управляет ли поведением кубика наш хрустальный череп? Тогда он не только может воздействовать на твоё сознание, но и на предметы!

Эрик слушал старика вполуха, переводя взгляд с карты на стоящий напротив хрустальный череп. Тот уже не светился и был тёмным.

На лбу подростка выступил пот, и чувствовал он себя неважно. В ушах продолжало звенеть.

– Как ты, Эрик? – спросил Илья Петрович, видя состояние подростка.

– Почему череп влияет только на меня? – вместо ответа спросил Эрик. – Неужели вы ничего не видели и не слышали? Профессор пожал плечами:

– Возможно, у вас с ним одна волна. Пока что всё происходящее для меня – тайна.

– А если это магия? – предположил Эрик. – Может ли череп влиять на события в прошлом? Вы же сами говорили, что советские танки были намного слабее немецких. Может быть, выпади у меня другая цифра, немцы бы победили?

– То есть ты хочешь сказать, что наша с тобой игра повлияла на исход Второй мировой войны? – с усмешкой проговорил Илья Петрович. – Чушь! Скорее всего, информацию о сражениях наш хрустальный череп черпает из моего мозга!

– Интересно, можно ли с помощью него заглянуть в будущее? – спросил Эрик.

– Индейцы майя верили в это, – отмахнулся профессор. Некоторое время он обдумывал дальнейшие действия, а потом сказал:

– Могу предположить, что этот артефакт испускает излучение, под воздействием которого возникают голографические картины прямо в твоей голове! Давай проведем ещё один эксперимент?

Эрик отрицательно покачал головой.

– Вы не представляете себе, Илья Петрович, что там творилось, – сказал он. – Я не буду больше играть в эту игру!

Эрик поспешно собрал фигурки игры в коробку и сунул туда же сложенную карту мира.

– Извините меня, профессор, я и так задержался у вас слишком долго! – с этими словами он решительно двинулся к выходу.

– Я надеюсь, мы ещё встретимся! – услышал он слова Ильи Петровича.

Оглянувшись, Эрик увидел, как старик ставит подставку с хрустальным черепом на прежнее место в углу комнаты.

Эрик кивнул на прощание, и дверь захлопнулась за ним.

Часть вторая

Хрустальный череп

1.

Танк со скрежетом надвигался на Эрика. Он понимал, что нужно бежать, прятаться, но от страха еле волочил ноги.

«Сейчас раздастся пулемётная очередь», – подумал Эрик.

Он с трудом сделал несколько шагов назад и остановился, беспомощно глядя на приближающуюся машину.

Танк внезапно замер, и крышка его люка откинулась. Из неё высунулся человеческий череп со светящимися красными глазницами, следом показался и весь скелет. Он устроился на башне танка и потряс сомкнутыми вместе кистями, словно играя в кости. Посмотрев на Эрика, скелет метнул что-то к его ногам.

Опустив взгляд, Эрик увидел чёрный кубик и белую точку на верхней грани.

– Попал! – захохотал череп, лязгая своими челюстями.

«Этого не может быть! – подумал Эрик. – Я погиб!»

От отчаяния он проснулся.

Было ещё темно. Эрик лежал на смятой простыне, мокрой от пота, а подушку он нащупал на краю кровати. Эрику стало вдруг очень холодно. Он встал, ища одеяло. Оно валялось на полу.

Эрик снова лёг в постель, укутавшись в одеяло с головой, но вскоре стало трудно дышать, и он высунул нос наружу.

С тех пор как Эрик поспешно покинул магазин Ильи Петровича, каждую ночь ему снились кошмары: война и этот противный череп!

Эрик прислушался. В доме было тихо, родители спали. Лишь тихое постукивание электронных часов нарушало тишину. Днём их совершенно не замечаешь, а ночью по всей квартире разносится: «Тук-тук-тук!», так громко порой, что уснуть невозможно!

Эрик вдруг задумался: а светится ли череп наяву в тот момент, когда снится ему?

Он поёжился, представив, как в темноте антикварного магазина возникает свечение, идущее от хрустального черепа. А

красные лучи, бьющие из пустых глазниц, рыскают по углам в поисках его, Эрика. Неужели у них действительно одна частота, как говорит профессор?

Эрик мысленно перенёсся в антикварный салон. Сквозь мрак неясно проступали контуры большого буфета и дракона с зеркалом. Призрачный, холодный свет шёл от стойки в углу, на которой стоял череп. Эрик представил себе, как подходит к стойке и протягивает руки, чтобы взять страшный предмет. Он оказывается очень тяжёлым. Эрик напрягает силы и приподнимает его. Глазницы черепа внезапно загораются красным светом. Эрик в ужасе швыряет его на пол, и череп с треском рассыпается на сотню мелких переливающихся осколков. Свечение исчезает, и всё вокруг погружается в кромешную тьму...

Устав от тяжёлых дум, Эрик в конце концов заснул и увидел необычный сон.

Теперь он находился в большом зале, в центре которого стоял массивный стол. Вокруг стола было несколько человек в военной форме. Эрик сразу понял, что это офицеры различных держав. Их форма была такого же цвета, как и в игре: чёрная, оранжевая, тёмно-бордовая, светло-коричневая и зелёная. Офицеры склонились над картой мира из игры «Ось и союзники», расстеленной на столе, и передвигали фигурки своих войск и техники, поочерёдно кидая на стол свои кубики.

Бросив взгляд на карту, Эрик оценил положение каждой из держав. Немецкие войска чёрной тучей расползлись по всей Европе и заняли главные города Советского Союза: Москву и Ленинград. Даже в Сибири стояли немецкие танки. Боевые соединения Красной Армии остались лишь на Дальнем Востоке, в Маньчжурии и Китае. Такое же плачевное положение было и в Великобритании. Лондон и все Британские острова были оккупированы немецкими войсками. «Юнион Джек» развивался только над Индией, да и там остались лишь пехота, несколько самолётов и два корабля.

Из союзников сравнительно неплохо выглядели американцы – их флот доминировал в Тихом океане, а в Юго-Восточной Азии их войска сильно потеснили японцев. Если бы американцы не захватили Шанхай и Манилу, входившие в список главных городов, то игра была бы уже окончена победой Германии и стран Оси.

Эрик посмотрел на военачальников. Советские и британские офицеры держались достойно, хоть их армиям и при-

ходило туго. Они лишились возможности пополнять свои ресурсы – их главные города пали. Надежда была лишь на помощь Америки.

Эрик перевёл взгляд на офицеров в чёрном и вздрогнул, увидев в руках немецкого генерала хрустальный череп. Прежде чем сделать очередной ход, генерал поглаживал череп, словно призывая его на помощь, и только потом бросал кубик. Ему явно везло.

Офицер в чёрной форме передвинул свои войска на карте и посмотрел в упор на Эрика.

– Теперь твой ход, мальчик, – сказал генерал. – Посмотрим, сможешь ли ты протянуть соломинку утопающим.

Стоящие вокруг стола повернули головы и уставились на Эрика. Кто-то смотрел с надеждой, кто-то с высокомерной усмешкой.

У Эрика подкосились ноги – от него зависят судьбы реальных людей?!

И он проснулся.

2.

Эрик открыл дверь в антикварный магазин. Смесь знакомых запахов окутала его, а дребезжащий голос хозяина пригласил внутрь.

В магазине ничего не изменилось. Буфет и деревянный дракон с зеркалом были на своих местах. Эрик с опаской посмотрел в угол – на подставке вместо хрустального черепа красовалась китайская ваза.

– Я убрал его, – сказал Илья Петрович, перехватив взгляд подростка. – Теперь он для меня – особая ценность.

Хозяин усадил Эрика на кресло.

– Ну, что на сей раз привело тебя сюда?

Эрик стал рассказывать о своих странных снах.

Профессор слушал его молча, задумчиво подперев подбородок ладонью правой руки.

– Вполне вероятно, что во всём виновато твоё пылкое воображение. Ты слишком впечатлительный, Эрик, – сказал профессор. – Но также можно предположить, что кто-то вынуждает тебя продолжить начатую нами игру. Почему? Возможно, она должна быть завершена.

Илья Петрович поднялся со стула, прошёл к входной двери и повесил с наружной стороны табличку «Закрыто». Затем он вернулся на своё место.

– Эрик, немецкий генерал из твоего последнего сна, у которого был в руках череп, очень похож на существовавшего на самом деле! – заявил профессор. – На рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера – одного из самых жестоких убийц в истории человечества. На его совести уничтожение более десяти миллионов людей в созданных им лагерях смерти! И кстати, рейхсфюрер верил в оккультные науки, и у него хранился один из тринадцати известных на сегодня хрустальных черепов майя.

– Так вы думаете, что череп из вашего магазина принадлежал этому Гиммлеру?! – Эрик даже подскочил от волнения.

– Вряд ли, – покачал головой профессор. – Не так давно в Баварии, на юге Германии, обнаружили хрустальный череп со сломанной нижней челюстью. Предполагают, что это тот самый череп из коллекции рейхсфюрера.

Илья Петрович откинулся на спинку стула и посмотрел на Эрика:

– Продолжим нашу партию?

– Моя игра осталась дома.

– Так неси её сюда! Не будем терять времени!

3.

Эрик, развернув карту на столе, вопросительно посмотрел на профессора:

– Мне восстановить нашу игру или расставить войска так, как они были в моём сне?

– Мы должны продолжить свою игру, – ответил Илья Петрович. – Во сне ты видел лишь один из возможных вариантов развития событий.

Эрик начал уверенно расставлять фигурки на карте.

– Неужели ты всё помнишь? – удивился профессор.

– Это не так уж и сложно, – заметил Эрик. – Я запомнил, какой у каждой державы был в тот момент ресурс. Я знаю, сколько и какой военной техники было тогда в каждой зоне...

Профессор окинул взглядом расположение армий на карте.

– Япония потеряла Манилу, Шанхай под угрозой захвата, – сказал он. – Ты подготовил морской десант американских и британских войск для высадки в Европе. Надо признать, что, освободив Париж, ты будешь всего лишь в шаге от победы. Пока всё соответствует истории. Попробую помешать открытию Западного фронта. – Профессор задумчиво посмотрел на Эрика и продолжил: – Высадка американского десанта в райо-

не пляжа «Омаха» – трагическая страница в Книге Судеб многих тысяч американцев. Представь себе низкую облачность, мешающую бомбардировщикам союзников поражать наземные цели; шторм на море, не позволяющий десантным кораблям приблизиться к берегу, и шквальный пулемётный огонь с немецких укреплений, косивший солдат сотнями, ведь им негде было укрыться на пустынном пляже! Плавающие танки и пехота самостоятельно должны были добираться до берега. Большая часть техники сразу пошла ко дну, другие пытались выбраться, но это смогли сделать лишь единицы. Солдаты, уходя с головой под воду вместе с тяжёлым обмундированием, бросали оружие и боеприпасы, спасая свои жизни. Многие из тех, кто вышел из воды на пляж, оказались безоружными. Они стали лёгкой мишенью для немцев.

Эрик слушал Илью Петровича, вцепившись в подлокотники кресла. Он испуганно переводил взгляд с профессора на хрустальный череп. Картины того, о чём сейчас рассказывал профессор, ярко вспыхивали в мозгу подростка, и он боялся, что вот-вот перенесётся на поле сражения.

– Давай, сынок, начинай игру, твой ход! – голос старика вернул Эрика к реальности.

Эрик поставил на линейку боя свои десантные войска: пехоту, танки, артиллерию. Рядом выстроил корабли: линкоры и крейсера.

И тут вдруг звук взрыва потряс комнату. Эрик сполз с кресла на пол, боясь поднять голову. Рядом он увидел лежащего профессора. По его испуганным глазам Эрик понял, что взрыв прогремел на самом деле.

– Что произошло? – шёпотом спросил он Илью Петровича.

Тот ничего не ответил, лишь приподнял голову, осматриваясь.

4.

В магазине царил хаос: в стене зияла огромная дыра, пол был усеян обломками кирпичей и обвалившейся штукатуркой.

Из дыры доносились звуки боя.

Эрик поднялся, приблизился к пролому и осторожно выглянул наружу.

К звуку канонады прибавился шум прибоя. Свежий морской ветер, врывающийся в комнату из дыры в стене, смешивался с запахом дыма.

Эрик увидел песчаный берег моря, сплошь утыканный противодесантными стальными «ежами», похожими на трехпалые ладони, высунувшиеся из песка. Такие же «ежи» торчали из воды в прибрежной зоне.

Между заграждениями, подобно туче муравьёв, на берег двигалась людская масса. Трещали пулемёты, свистели пули, выхватывая из этой движущейся массы отдельных солдат, но лавина продолжала ползти вперёд. Кое-где в ней выделялись фигуры танков и самоходных установок, многие из которых, выбравшись из воды, тут же вязли в песке, беспомощно вращая колесами.

За песчаной полосой пляжа, там, куда стремилась вся эта масса людей и техники, тянулась вдоль линии берега невысокая гряда, откуда яростно стреляли пулемёты, грохали артиллерийские выстрелы и трещали автоматные очереди.

— Пляж «Омаха», шестое июня тысяча девятьсот сорок четвёртого года, — услышал Эрик позади себя хриплый голос профессора. — Самый напряженный участок высадки морского десанта союзников. Всего было пять зон высадки: две американские, две британские и одна канадская. В общей сложности сто пятьдесят шесть тысяч солдат и офицеров плюс сто девяносто пять тысяч моряков, почти три тысячи боевых и транспортных кораблей. В зоне «Омаха» американцы потеряли пятьдесят танков, десять транспортных кораблей и почти четыре тысячи человек!

Слова профессора были прерваны сильным скрежетом. Часть стены, в которой зияла дыра, с грохотом рухнула, а в образовавшемся проёме показался танк.

Илья Петрович оттащил Эрика в дальний угол комнаты. Оба в страхе наблюдали, как боевая машина развернулась, продолжая крушить стену, и двинулась дальше, похоронив под своими гусеницами старинный буфет и зеркало с драконом.

Ошарашенные, Эрик и профессор во все глаза смотрели вслед удалявшемуся в сторону немецких позиций танку и на открывшееся перед ними поле битвы.

5.

Мимо пролома пробегали солдаты в касках, обтянутых веревочной сеткой. Ноги, обутые в высокие ботинки, утопали в песке. За спинами солдат были ранцы, в руках винтовки. То

один, то другой солдат падал, сражённый вражеской пулей. Вскоре все они лежали ничком на песке, стараясь спастись от смертоносных пулемётных очередей.

Эрик закрыл глаза и представил, что нет никаких солдат и танков, что он сидит с профессором за игрой в магазине и вокруг тихо и спокойно.

По звукам выстрелов и разрывов снарядов он понимал, что война никуда не исчезла.

Эрик почувствовал, как рука профессора сильно сжала его плечо.

— Если это видение, — услышал он голос старика, — то как оно могло разрушить стену и переломать мою мебель?

Рядом ухнуло, пол ушёл из-под ног, и Эрик с профессором разом упали навзничь.

— Вы так и будете валяться здесь и ждать, пока вас убьют?! — услышал Эрик незнакомый голос.

Он открыл глаза и увидел лежащего на земле неподалёку от пролома молодого американского офицера.

— Вставайте же и сделайте что-нибудь! Вперёд!

Офицер вскочил на ноги и побежал, увлекая за собой солдат в атаку на немецкие укрепления.

Эрик видел, как десятки солдат падали на песок, оставаясь лежать неподвижно, но офицер продолжал бежать, а люди следовали за ним.

— Бросай кубик! — прямо в ухо Эрику прокричал профессор.

Эрик обернулся к столу: игра была на месте. Он подбежал к ней, схватил кубик и бросил.

— Шесть! — разочарованно вскрикнул Илья Петрович.

Цифра «шесть» означала промах для американской пехоты. Эрик метнул кубик за артиллерию.

— Два!

Над головами что-то грохнуло, и на них посыпалась штукатурка с потолка.

— Бросай за линкоры и крейсера! — закричал профессор, перекрывая гул, доносившийся снаружи.

— Опять попал! — обрадовался Эрик. — Теперь за авиацию!

И снова удача была на его стороне.

— Теперь ваша очередь, профессор.

Илья Петрович нерешительно бросил свой кубик и с напряжением смотрел за его движением.

– Один! – в отчаянии воскликнул он. – Почему немцам так везёт?! Хотя бы выпало «шесть» или «пять»!

Несколько пуль просвистело над их головами.

– Эрик, бери карту, перенесём её на пол! – крикнул Илья Петрович.

Часть оставшейся стены защищала их от огня с немецких укреплений. Но оттуда не видно было передовой линии боя. Эрик высунул голову наружу и отыскивал глазами фигурку американского лейтенанта.

– Он ещё жив, – радостно сообщил подросток профессору.

Илья Петрович сидел на полу. Его седая грива растрепалась, глаза горели мрачным огнём.

– Что происходит? – спросил он у Эрика. – Я же предполагал, что ты видишь голографические картины! В прошлые разы ты мог легко выходить из них.

– Я пробовал выйти из видения, но ничего не получается, – обречённо проговорил Эрик.

Прогремел очередной взрыв.

– Его убьют? – спросил Эрик профессора.

– Кого? А, этого молодого лейтенанта? Скорее всего. Я же говорил, здесь погибли четыре тысячи солдат и офицеров! – ответил старик. – Что значит для Истории судьба одного человека? Эрик, мы должны продолжить игру! Не знаю, влияет ли она на события, но, мне кажется, что вернуться назад можно, только закончив игру!

Эрик кивнул и схватил кубик.

6.

Мощный взрыв разрушил остатки стены, за которой прятались игроки. Эрик оказался сидящим посреди пляжа «Омахи». Справа и слева от руин комнаты бежали солдаты. Их передовая линия уже поднялась на холмы, и там шла рукопашная битва.

Эрик огляделся в поисках профессора. На том месте, где сидел Илья Петрович, возвышалась гора обломков.

Мальчика захлестнуло отчаяние. Он вскочил и бросился разбирать груды битого кирпича, плача и не обращая внимания на происходящее вокруг него сражение.

Внезапно неподалеку от себя Эрик заметил стойку с хрустальным черепом. Мальчик совершенно забыл о его присутствии. Как череп смог уцелеть при таких разрушениях?!

Эрик перехватил горящий взгляд древнего артефакта, и мгновенная волна ярости накатила на него. Это череп виноват во всех их бедах!

Не раздумывая, Эрик кинулся к стойке, схватил череп, который оказался довольно тяжёлым, и с размаху швырнул его на бетонный пол.

Ему показалось, что само пространство раскололось на мелкие кусочки и разлетелось в разные стороны. Потом в глазах потемнело, и Эрик потерял сознание.

Спустя какое-то время он очнулся и открыл глаза.

Эрик с удивлением озирался вокруг: он находился в антикварном магазине Ильи Петровича, и всё там было таким же, как и прежде. Стены были целы, как и старинный буфет, и дракон с зеркалом. Эрик не верил своим глазам.

Потом он увидел профессора, вошедшего из соседнего помещения.

— Пришёл в себя? — спросил старик, заметив, что мальчик пошевелился. — Представляешь, хрустальный череп разбился на две половинки! Видимо, кто-то случайно задел стойку и он упал.

Илья Петрович сел напротив Эрика.

— Всё же это было наваждение, — сказал он. — Видишь, мой магазин цел и невредим! Все разрушения были только в наших головах! Воображение — самое мощное оружие человека! Вся человеческая цивилизация была создана мечтаниями и фантазией. Я думаю, что наша с тобой игра тут ни при чём. Видения создавал хрустальный череп. Он разбился, и наваждение исчезло. Можно попробовать склеить череп и продолжить эксперименты над ним.

Эрик молчал, понемногу приходя в себя от пережитого. Он подумал о том, что, возможно, это древний артефакт ставил опыты над ними, а не наоборот.

Эрик прикрыл глаза. Перед ним продолжали бежать бесконечной рекой солдаты в касках, с ружьями наперевес. Они спотыкались, падали, вновь поднимались и продолжали бежать за молодым офицером. В ушах Эрика до сих пор стоял шум битвы. Он чувствовал запах пороха и гари, который, казалось, навсегда въелся в его кожу и одежду.

— Сколько американцев погибло в той войне? — спросил он профессора.

— Более четырехсот тысяч солдат и офицеров.

— А немцев?

— Почти семь с половиной миллионов, включая и мирное население, — ответил профессор и, не дожидаясь нового вопроса, сказал: — Япония потеряла два с половиной миллиона человек, но больше всего пострадал Советский Союз, — погибло двадцать семь миллионов, из которых семнадцать миллионов — простые жители. Ведь основные боевые действия шли на нашей земле. Благодаря усилиям всех народов Советского Союза и других стран, которые боролись с фашистами, удалось тогда победить это зло. Молодому поколению нужно знать об их подвигах.

Эрик вспомнил, как видел в ожившей игре советских солдат, бросавшихся с гранатами под немецкие танки на Курской дуге. В памяти всплыли и слова командиров американских эскадрилий: «Если останется хотя бы один самолёт, у нас будет шанс поразить цель!» Советские танкисты и американские лётчики знали, что впереди их ждёт смерть, но ни один из них не дрогнул и не повернул назад. Эрик подумал, что такие люди не могли проиграть в той войне. И ни их игра с профессором, ни броски кубиков не могли ничего значить. Игра и хрустальный череп древних индейцев лишь позволили Эрику понять, что такое война. И это вовсе не стратегическая игра, с захватом территорий и покупкой новых военных резервов, которая ему так нравилась, а самый настоящий ад.

Вряд ли он вновь раскроет карту и начнёт новую игру. Ведь полной уверенности в том, что нет связи между детской игрой и тем, что творится в реальном мире, у Эрика всё же не было.

...Он вышел из магазина и замер на мгновение: приближалась шумная компания ребят. Мелькнула мысль, а не вернуться ли назад и подождать, пока не пройдут сверстники. Но после всего пережитого мир вокруг казался таким чудесным и прекрасным. Эрик выпрямился и улыбаясь пошёл им навстречу.

АЛЕКСАНДР КРЯЧУН

Рассказы

Ограбление

В отделение милиции вбежала библиотекарь Гуля. Очки на её красивом лице скособочились и делали его косым. Она задыхалась. Руки у неё дрожали. Дежурный милиционер налил ей стакан воды и сказал:

— Гуля, что случилось? Убили кого-то? — по состоянию взволнованной девушки ничего другого нельзя было подумать.

— Как могли! Осквернить Храм умов! Выставить стекло. Украсть самое святое — печатное слово. Это хуже, чем преступление — это уничтожение культуры!

— Успокойся, Гульнара! Расскажи по порядку — что случилось?

— Ограбили. Библиотеку ограбили. Выставили стекло. Залезли и украли!

— Что украли?

— Как что? Книги, конечно. Там больше ничего нет. Посагнули на Храм знаний! Варвары! — Гуля не могла успокоиться. Стакан в дрожащей руке бился о её зубы.

Старшина Марока, который стоял облокотившись о стену, подошёл к библиотекарше и, тронув её за плечо, сказал:

— Пройдём в кабинет. Напиши заявление, и отправимся с тобой на место преступления.

Руки у Гули всё ещё дрожали. Капли чернил падали на лист бумаги и конопатили его мелкими кляксами. Марока продиктовал текст заявления. Библиотекарша написала подробно, как обнаружила взлом. Поставила дату и расписалась.

— Всё! Теперь по закону. Пошли на место.

Ворота во двор библиотеки когда-то были окрашены. Сейчас же цвет глухого забора определить было невозможно. Пыль с дороги, которую поднимали редкие машины, копыта ослов и колёса бричек, плотно въелась в старые доски.

— Показывай и рассказывай, как всё было, — Марока обратился к Гуле, когда та вынула ключи и начала отпирать огромный замок, веса в котором было не менее двух кило.

— Я сегодня пришла рано, потому что иногда мою полы в библиотеке. Помощников нет, всё приходится делать самой. Услыхала шум во дворе. Быстро открыла ворота, но никого не увидела, но были слышны всплеск в арыке и треск кустов. Увидела стекло, прислонённое к стенке, и поняла, что были воры. Сразу побежала в милицию.

— Это хорошо, что ничего не трогала. Ты спугнула их, и они не успели вставить стекло обратно, — сделал вывод старшина. — В котором часу ты начала открывать ворота?

— Вообще-то я работаю с десяти утра, а пришла сегодня в восемь.

— А в обычные дни когда приходишь?

— Я живу рядом. Без пяти минут десять обычно открываю библиотеку.

— Всё ясно!

Рядом с библиотекой протекал арык. Ограды в этом месте не было. Берег полого уходил в серую воду. На другой стороне густо росли кусты колючего шиповника и длинные жгуты хмеля, образовав зелёную непроходимую мешанину. Но среди этих кущей четко просматривалась тёмная дыра, из которой тянулся к воде мокрый след. Старшина составил схему места происшествия: нарисовал берег арыка, контур здания библиотеки. Замерил рулеткой расстояние до арыка — вышло три метра.

— Уходили по воде, чтобы собака не взяла след, — думал он вслух.

— Что, теперь не найдут книги? — Гулю мало интересовала поимка грабителей. Ей нужно было найти пропавшие тома.

— Мне нужен список похищенных книг. Авторы и названия, — сказал сыщик.

— Да, да. Я сейчас. Я быстро.

— Можешь не торопиться. Внимательно осмотри помещение. Может быть, что-то и другое похищено. Мне всё равно нужно не менее часа, чтобы осмотреть место преступления.

Гуля ушла в библиотеку, а старшина, достав огромную лупу, начал обследовать оконную раму. Гнёзда для гвоздей, которые держали стекло, были сильно разработаны, и старшина сразу сделал вывод: стекло вынимали и вставляли не один раз!

Марока не оканчивал даже никаких юридических курсов. Он от природы был сметлив и даже не знал, что способ раскрытия преступлений, которым он пользовался, называется «метод дедукции».

Обойдя по мостику канал, старшина легко нашёл свежие следы, оставленные на выходе из кустов.

-- Не получилось «концы в воду», -- довольно подумал Марока. Он присел на корточки и плотницким метром тщательно обмерил улики.

К нему подошла Гуля.

-- Вот, товарищ старшина, список похищенной книги. Больше ничего не пропало.

-- Что, только одна книга? -- почти разочарованно произнёс сыщик.

-- Так точно! Одна книга! -- Гуля сама себе удивилась, что ответила по-военному. И это очень понравилось старшине, прошедшему всю Отечественную войну.

-- Ги де Мопассан. «Милый друг». Рассказы, - прочитал Марока, - а о чём он пишет? Про войну? Про индейцев? Какого цвета обложка?

-- Нет! В этой книге в основном...-- Гуля немного смутилась, -- ну про то, что нельзя читать детям. А цвет у неё зелёный. Она очень потрепана. Взрослые подписчики по несколько раз читали.

-- Всё ясно!

Старшина уже всё вычислил. Он даже знал, где искать воров и книгу. На старой ферме, за мостом, у местных мальчишек было что-то вроде штаба. Там они мастерили поджиги, делали рогатки, обсуждали планы набегов на колхозную бахчу и, значит, -- читали запретные книги.

-- Гуля, не уходи из библиотеки. Я скоро вернусь.

Марока знал тайные подходы к ферме и пошёл кружным путём, который вывел его к месту сбора мальчишек. Ещё издали он увидел, что его предположение оправдалось: вся поселковая ватага была в сборе. В оконном проёме без рамы виднелись жёлтые головы предполагаемых преступников.

Старшина через кусты прокрался к оконному отверстию, выглянул из-за угла. На соломе лежали восемь пацанов, а самый старший держал в руках потрёпанную книгу в зелёной обложке и читал: «...короче говоря, плутовка так пленила меня, что в один прекрасный день я отправился к её хозяину и предложил ему сделку: он уступает мне служанку, а я продаю ему вороную кобылу Кокот...»

Никто даже не услышал, как старшина Марока подошёл сзади и скомандовал:

— Все лицом в солому. Руки за голову. Похищенное сдать.

Этот момент в жизни пацанов останется как одна из трагических минут. Нет, не потому, что Марока их вычислил и поймал, а потому, что некоторым нужно будет ждать ещё несколько лет «до шестнадцати», чтобы узнать продолжение истории — состоится ли обмен девушки на кобылу?

Старшина не стал замерять ступни ног, чтобы определить истинных грабителей. Он построил всю ватагу и привёл в библиотеку.

— Гуля, вот твоя пропажа! — он положил на стол книгу, — проведи беседу, а уж потом проведу я!

Старшина Марока прочитал лекцию о вреде воровства. Мальчишки сознались, что постоянно брали запретные книги, забираясь в библиотеку, и тем же путём возвращали их после того, как прочитывали. Гуля была восхищена их поступками и забрала заявление из милиции. Кроме старшины и библиотекарши, об ограблении в посёлке больше никто не узнал.

Как только нарушители были отпущены, старшина наклонился к девушке и сказал:

— Гуля... ты... меня... это... запиши в читатели. И дай эту книгу. Ну, этого Мопассана. Уж очень интересно, наверное, пишет, если ради неё на преступление пошли.

Он лукавил. Ему самому не терпелось узнать: поменяет ли хозяин девушку на кобылу или нет.

Феоктиста

Добротный выбеленный дом стоял вторым после моста в нашем переулке. Из дома, мимо сарая, сколоченного из посеревшего горбыля, иногда проходила худая высокая старуха в цветном фартуке поверх синего платья, ложилась животом на пологий берег арыка, опускала правую руку в воду и дол-

го копошилась, нащупывая потайную заглушку у трубы, чтобы пустить колхозную воду в свой частный огород.

Имя у этой бабушки было довольно странное для современного звучания – Феоктиста. Но её так никто не называл, а звали просто «бабушка старенькая», потому что у неё была дочь с обиходным именем «бабушка молодая».

Эта старушка больше всего походила на призрак, чем на живого человека. Со стороны нашего, ребячьего возраста, ей было столько лет, что таких цифр мы ещё не изучали в школе. Когда смотрели фильм «Александр Невский», мой друг Юрка Свиридов показал на одну из женщин в экране и сказал: «Смотрите, это же наша «бабушка старенькая», только молодая!» Все засмеялись шутке. Мы знали, что никак не может наша соседка быть в кино. Ведь во времена Александра Невского фильмов ещё не снимали.

Еле заметная хромота у Феоктисты смазывалась старческим шарканьем. Мало кто знал, что хромала бабушка из-за пулевого ранения в ногу, которое получила от полицаев, когда еще до революции расклеивала прокламации. Красивая, с черной длинной косой, дочь потомственного казака, она своим властным характером ввела в трепет даже полиция, который её допрашивал. Не показывая боли, Феоктиста спокойно переносила допрос. Жандарм, который хотел прибить её косы гвоздём к столу, не успел увернуться и получил оглушительный удар в ухо. Молодую казачку сослали в дальние казахстанские степи, в глинобитный убогий кишлак Талды-Курган. Потом Феоктисту мотала судьба по Средней Азии, пока она не осела в нашем селе, которое принимало всех: бывших каторжан, революционеров, бродяг, бывших басмачей, репрессированных, а после войны и отвоевавших штрафников.

Её хладнокровие и невозмутимость не смог даже унять первый муж. Он был жестоким человеком, и только смерть избавила женщину от его тяжёлого характера. Обмыв тело и возложив недавнего супруга во гроб, она пританцовывая шла во главе похоронной процессии, не скрывая удовольствия на своём красивом лице. Когда закончились речи, сопровождающие погребальный ритуал, и были вбиты гвозди в сухие доски елового гроба, села на крышку домовины и с несвойственной ей злобой изрекла: «Чтобы ты никогда не поднялся из гроба!»

Все были шокированы выходкой вдовы, но, зная характер Феоктисты, сглотнули молча её сатанинский поступок. Была

бы она предана анафеме, но в Бога не веровала – революционный дух не позволял ей осенять себя крестом. Если бы её красавец-отец узнал о её богоотступничестве – не избежать бы ей горячей порки гибкой нагайкой по революционному заду.

Она, статная, надменная, с жадными до жизни большими глазами, не желала оставаться вдовствующей. Свободный мужчина нашёлся быстро. Пришёл к её дому и пал к сапожкам казачки, будто к туфелькам царствующей особы. Выбора у Феоктисты не было. Её дочь от первого мужа – тихая, скромная девица, будто бы не ею рождённая, была принята новым избранником как родная.

Вторая дочь родилась быстро. Росла ещё быстрее. Это была уже точная копия своенравной мамы. Для отца же падчерица была ближе, чем родная дочь. В тринадцать лет та вдруг исчезла. Мать не слишком горевала, вспоминая свою бесшабашную юность. Знала – дочь ушла искать приключения на часть своего тела, по которому «зря не ходила казацкая нагайка». И совсем не была удивлена, когда непутёвая её кровинка объявилась в составе гремевшего на весь Советский Союз Самаркандского музыкально-драматического театра. Танцевала она с самой «богиней танца» -- Тамарой Ханум. Надышавшись свободой, танцами и славой, побывав в жёнах областного прокурора, вернулась «блудная дочь» под крыло мамы. Прошлую свою жизнь, оставшуюся за опущенными занавесами театров, она выплёскивала в постоянных загулах, шокируя скромных жителей села выходками, от которых даже Феоктиста теряла дар речи, не находя слов возразить дочери. Та, обнажив красивое тело, могла прогуляться по людной улице, вызывая всеобщее смущение. Спокойно уйти в сад и лечь совершенно голой на изящное азиатское покрывало под фруктовым деревом, вкушая ароматные плоды персиков. Никаких чувств и почтения к матери и отцу она не питала.

Жизнь для Феоктисты всегда была испытанием. Она не была фанатично любящей женой и мамой. Чувствовала, что судьба ей готовила совсем другое, неземное испытание, потому что Бог, наверное, знал -- земные трудности его раба перенесёт улыбаясь. Забрал вскоре у антихриста-казачки второго мужа и обеих дочерей, оставив внуков. Она же, ходившая в обнимку со смертью, часто звала её. Но, видимо, жизнь не хотела даже приближать гибельного конца. Перевалили години Феоктисты за вековую отметину.

Когда стукнуло 102 года, она начала задумываться всерьёз о Боге. Нет, не потому что в ней проснулась вера к нему. Она желала верить во Всевышнего, но не получалось у неё. Живя столько лет без веры, она не могла в одночасье преклонить колени и целовать крест. С трудом начала вспоминать молитвы, выученные в детстве. Шептала по ночам слова Божьи в пустой, обезличенный тёмный угол выбеленной хаты и просила чуждого ей Господа прибрать её, вероотступницу, к себе.

Съездила она однажды в церковь, которая находилась за полста километров. Прихожане приняли её как свою. Ведь куда бабкам ещё ходить, как не в храм, размусоливать распятия и просить Всевышнего о прощении и скором избавлении от тягот земных. Но Феоктиста прошла лишь к лавке, купила свечек. И пожелала уточнить правила ухода в «мир иной»:

— Мне бы узнать, как хоронить и что для этого нужно, чтобы в обитель небесную попасть?

Монашка, укутанная в чёрное платье, с личиком, будто смазанным горелым воском, спросила её:

— Тебе, сестра, для кого? Кем был покойничек? Грешил ли? И по делам его земным венчик выбирать надо, и разрешительную молитву, чтобы священник правильную дал о прощении всех согрешений.

Не сказала, конечно, Феоктиста, что для себя спрашивала. Ответила только, будто исповедь сочиняя:

— Грешил он. Сильно грешил. Но в конец прощение попросить у Бога хотел. Какой мне взять?

— Вот, сестра, — монашка протянула листок, — здесь и молитва, и венчик. По линеечке отрежешь ножничками. Молитву в руку вложишь, а венчик на лоб. Это как бы пропуск в небо.

Купила Феоктиста листочек. Отдала копейки. Завернула аккуратно в белый платок. Спрятала в сумку хозяйственную. Привезла домой и положила на самое дно сундука, под казачью одежду.

Несмотря на греховную жизнь и непочтение к Богу, берегла она в сундуке своём старом этот венчик из атласной бумаги, будто пропуск в Рай. Хотелось ей перед Богом оправдаться и по возможности получить не очень страшную участь после своей кончины, чем-то отличимую от земной. Вынимала она по ночам святую бумагу, неумело крестилась и сбивчиво шеп-

тала молитвы. Внукам своим — детям старшей дочери — она ничего не говорила о своём желании, но правнукам открылась и просила похоронить её обязательно в том самом венчике и в казачьей одежде, которая хранилась с того далёкого времени, когда была она черноволося и молода.

Умерла Феоктиста летом. Августовские ночи были тихи и покойны, как сама усопшая. Лежала она будто кусок серого дерева, одетая в казачье одеяние, пахнущее нафталином. Бешмет и кафтан были великоваты, но тонкие ладошки правнучки Лиды подтолкнули лишнюю ткань под худую спину. И вытянулось тело Феоктисты, приобретя былую стать. Острое лицо выражало смирение и покаяние. Внуки готовились достойно проводить патриарха рода. Правнуки же крутились рядом, без особого понимания о предстоящем пути своей «старой бабушки».

Народу шествовало за гробом, обитым красным ситцем, много. На могилу поставили железную тумбу со звездой. Никто не крестился, да и не умели.

Про венчик и разрешительную молитву, скрученную в трубочку, вспомнили только к вечеру, когда начали прибирать поминальный стол.

Внучка сильно расстроилась, когда ей дети рассказали о желании прабабушки. Открыли сундук. Под ворохом довольно дорогих старых вещей венчик, завёрнутый в белую бязь, лежал на самом дне. Исправить нельзя было ничего. Закрыли ларь и ушли. Никто в эту ночь не остался ночевать в пустом печальном доме.

Утром раздался крик внучки Феоктисты — Лены:

— Воры! Воры лазили к бабушке!

Окно было распахнуто. На подоконнике -- пыльный след. Не совсем чёткий, но человеческий. Сундук стоял открытым. Дорогие вещи были не тронуты. Белый бязевый платочек валялся на полу. Венчик исчез.

В милицию заявлять не стали — ведь пропала-то всего глянцева бумажка, называемая «венчиком», да несколько предложений молитвы, набранных старославянской вязью на листочке. Долго потом не ходили в тот дом.

На девятый день, когда пришли на кладбище, увидели, что звезда над железной тумбой отломана. А на неулежавшейся могиле размытые следы, похожие на те, что были на подоконнике...

-- Попала ли Феоктиста в Рай? – это событие ставилось под сомнение. С таким характером прямая дорога в Ад. Где её душа мечется, не ведомо никому. Родственники до сих пор с трепетом ожидают её возвращения. И каждый неведомый след, оставленный даже на пыльной крышке платяного шкафа, воспринимают как послание с того света от своей необузданной родственницы.

ВЛАДИМИР ЛИДСКИЙ

УБИТЬ ОЛОВЯННОГО СОЛДАТИКА

Повесть

Первым убили Касымхана, буднично и как бы между прочим; случилось это в 1932 году в Оше.

Вечером, перед ужином, дверь его камеры отворилась, внутрь вошёл офицер, и Чанышев встал ему навстречу. Офицер быстро вынул из кобуры пистолет и, не говоря ни слова, выстрелил Касымхану в лицо. Тот повалился, и расстрельщик вздрогнул, услышав гулкий звук ударившегося о бетон затылка. Сделав короткий шаг, он выстрелил ещё, и кожа лба Чанышева обуглилась от прикосновения пороховых крупинок. Офицер вложил пистолет в кобуру, тронул подошвой сапога безжизненное тело жертвы и вышел из камеры. Спустя несколько минут двое солдат заняли место офицера, мельком оглядели помещение и, ухватив труп за ноги, равнодушно выволокли его в коридор.

Утром начальник тюрьмы недрогнувшей рукой вывел строки секретного донесения: «... застрелен при попытке к бегству...»

Спустя пять лет в дом директора МТС села Большой Аксу Уйгурского района Алма-Атинской области Ходжамиарова ворвались люди с топорами. самого Мухтара не оказалось дома, и пришельцы обрушили свои смертоносные орудия на головы его жены и девятилетней дочери. Это было в начале года, в январе, а в ноябре, после празднования двадцатой годовщины Великой революции, похмельного Ходжамиарова, ставшего к тому времени уже председателем Джаркентского горсовета, арестовали чекисты. Следствие длилось одиннадцать месяцев, и за это время Мухтар не раз пожалел о том, что родители дали ему жизнь. Его обвинили в руководстве уй-

гурской националистической организацией и связях с английской разведкой, после чего «тройка» УНКВД вынесла ему расстрельный приговор. Взвод пришлых стрелков, выписанных из области, споро выполнил приказ: Ходжамиарова вывезли на окраину Джаркента и приказали спуститься к каменистому берегу Усека. В последние минуты он видел вдалеке тысячелетние вершины Джунгарского Алатау, незыблемые, как само мироздание, и ощущал не страх, а недоумение — оттого, что его, равного этим горам, через минуту превратят в пыль, которую камни даже не заметят. Упав в едва струящуюся мелкую воду одновременно с винтовочным залпом, он ещё успел увидеть дрожащее в колыханиях зноя пустое небо, и спустя мгновение река закрыла его стекленеющие глаза.

Чуть раньше Мухтара погиб студент Алма-Атинской высшей коммунистической сельхозшколы Газиз Ушурбакиев. Его тоже расстреляли — за сотрудничество с японской разведкой. Вместе с тремя известными деятелями эсеро-меньшевистского блока, занимавшими когда-то высокие посты в первых Советах и даже в Исполнительном комитете, Ушурбакиева вывели в один из внутренних двориков Алма-Атинского централа и поставили к щербатой кирпичной стене. От страха он обмочился, и когда грянули выстрелы, упал в глину двора — прямо во влагу своего смертного безумия...

К началу 1921 года атаман Дутов прочно обосновался в Западном Китае.

Воинство его после известных событий было интернировано и расположилось на окраине крохотного городка Суйдин, в 45 верстах от русской границы. Городок стоял на кульджинском тракте и всем видом своим сообщал не привыкшему к китайским контрастам путнику, проходившему случаем сквозь него, о своей богатой истории, набегах, разрушениях и восстаниях недовольных убогою жизнью аборигенов. Полвека назад или чуть более того случился тут мусульманский бунт, который кипел и клекотал лет пятнадцать, а водителем его и непримиримым вождём был военачальник Мухаммед Биянху, непокорный сын легендарного народа хуэй-цзу. Следы давнего бунта и по сию пору оставались ещё на лице городка, отчего казакам Дутова, ежеутренне с тоскою озирающим серые окрестности, казалось, что жизнь их в этом захолустье через год-другой придёт к своему логическому концу, ибо какие перспективы могли сулить им немощёные улицы, саманные дувалы, понурые ишаки, грязные арбы, груды зловонного мусора и

пыльные тополя, выдавшие, казалось, в иные времена ещё не такое запустение, да фанзы, скосившиеся набок, — с кривенькими оконцами, обшарпанными дверьми и покрытыми соломою полусгнившими крышами...

Придя в Суйдин, казаки разместились в казармах русского консульства, а те, кому не хватило места, поселились в вырытых неподалёку землянках. Глиняная стена, местами осыпавшаяся, отделяла русских от расположения местного пограничного гарнизона, где стояли белёные мазанки и был устроен просторный плац, на котором китайские солдаты весь день, прерываясь лишь на обед и короткий отдых, маршировали да отрабатывали приёмы штыковой атаки или рукопашной схватки.

Сам атаман нашёл себе жильё верстах в двух от казарм и снимал его за весьма скромную плату. Впрочем, платить там было особо и не за что — укрывище атамана являло собой небольшую глинобитную фанзу с двумя крохотными комнатками, одна из которых использовалась как канцелярия, а другая — как спальня и столовая. Полы в фанзе, нужно заметить ради справедливости, были деревянные, что делало её немного комфортабельнее иных сартовских жилищ, где полом обычно служила утоптанная и отполированная до глянца глина. Обстановка в комнатках была самая простая, если не сказать убогая, — в одной располагались железная кровать с никелированными спинками и плотно придвинутый к стене, укрытый чистою рогожкой широкий стол, за которым атаман имел обыкновение трапезничать со своей супругой Шурочкой. Над столом висело неровное окно, выходящее на двор, в дальнем конце которого среди зыбкой тени старого тополя стоял ещё домик, в котором бессменно обретались атаманские фельдъегери и вестовые. Возле домика был устроен навес и коновязь, — здесь в ожидании дневных забот дремали обычно лошади хозяина. В другой — ближней — комнатке фанзы также возле небольшого оконца стоял письменный стол китайской работы, весьма преклонного, судя по видимым признакам, возраста, каковой мог исчисляться, вполне вероятно, даже и двумя сотнями лет. Стол казался абсолютной ценностью в бедном жилище атамана, и случись тут каким-то невероятным случаем заезжий антиквар, он назвал бы это произведение мебельного искусства роскошным, если бы не его плачевное и расстроенное состояние. Рядом со столом вдоль стен теснились потемневшие от времени кособокие сту-

ля, спинки которых были украшены бамбуковой плетёнкой, а в углу на небольшой этажерке стояла бронзовая ваза какой-то никем не означенной династии.

Сидя за своим отполированным временем столом, Дутов писал приказы по войскам и воззвания к казакам; следовало ему написать ещё и письмо для генерала Бакича, коего считал он прежде верным другом, — жизнь развела давних соратников, и обидно было атаману, что общая судьба, общая воинская доблесть да общая ненависть к разрушителям России погибли под руинами банальной склоки из-за серебра да властных претензий. Письмо писать вовсе не хотелось, атаман устал и думал о том, что день, слава Богу, уже клонится к вечеру, солнце готовится уйти в туманную ложбину стремительно синеющих вдалеке предгорий и ему можно с относительно спокойной совестью, — потому как дела всё же не доделаны, — отойти ко сну.

Задумавшись, он перебирал бумаги, лежащие на роскошной полировке, и пальцы его бесцельно бродили по столешнице в поисках какого-то, может быть, действительно существующего смысла: распоряжения, установления, служебные записки, начатое и брошенное письмо генералу Бакичу... атаман уже ничего не хотел, и день был явно окончен, но руки его всё продолжали машинально двигаться, а мысли — ясные, чёткие, весь вечер упрямо искавшие точных формулировок и убедительных доводов — не желали дремать. Он взял лежавшую в стопке бумаг тонкую книжицу, а лучше бы сказать — брошюру, отпечатанную на грубой бумаге и украшенную блёклою обложкою. То был дипломатический отчёт прошлого века, извлечение из «Известий Туркестанского отдела Русского географического общества», изданный в Ташкенте уже в новое время, но ещё до переворота. Брошюрку презентовал Дутову секретарь российского консульства в Кульдже Загорский, радатель интернированных русских, — ради украшения атаманского досуга, а может, и ради какого-то своего дальнего резону. Атаман в день дарения, помнится, совершил ответный жест — преподнёс другу старинного оловянного солдатика — для его коллекции, и солдатик-то был не простой, уникальный, происходивший чуть ли не из Лефортово — очень старый, петровских ещё времён и, думается, имевший серьёзную музейную цену...

Дутов перелистал читанную уже как-то брошюрку. В ней подробно рассказывалось о повстанцах народа хуэй-цзу, по-

уже получившего именование «дунгане», и о том, как в конце 60-х прошлого, давно ушедшего, но оставившего по себе недобрую память XIX века, четыре правительственные армии затопили кровью восставших провинцию Шеньси и двинулись неостановимым, казалось, потоком вперёд, забирая в чудовищные клещи пока ещё не покорённую провинцию Ганьси. В соединениях хуэй-цзу царила растерянность, разгром следовал за разгромом, хотя воины сражались отчаянно и храбро — падали и разрушались крепости, а измученные долгими осадами гарнизоны сдавались на милость победителя, пылали подожжённые деревни, повстанцев резали, словно скот на императорских бойнях, и уже измена становилась банальным явлением...

Тут и появился бешеный Биянху, в то время предводитель огромного партизанского войска. Несмотря на молодость, Мухаммед Аюбдарын, как звали его по-мусульмански, был опытным и закалённым бойцом, — десять лет назад, ещё до начала восстания, будучи пятнадцатилетним подростком, он уже командовал отрядом фанатично преданных ему воинов, громивших китайцев по всем направлениям. Во время отступления в Ганьси озлобившиеся хуэй-цзу, теснимые превосходящими силами врага, постоянно огрызались своими арьергардами и даже решались на отчаянные контратаки, но цинские войска упорно гнали их вглубь провинции, и в конце концов Биянху вынужден был закрепиться в цитадели Цзиньцзипу, которая долгое время стояла непоколебимо, отражая все нападения вражеских солдат.

Но осада была столь долгой, что в крепости вскоре не осталось продуктов. Сначала повстанцы получали по одному цзиню хлеба, а потом им пришлось питаться травой, листьями и уличной падалью. Дошло до того, что люди стали есть землю и мелкую кремниевую гальку, становясь при этом стойкими, словно камень, и сражались, к ужасу врага, без потерь, ибо удары оружия не причиняли им вреда, а только высекали из них искры. Однако запасы кремня в крепости вскоре иссякли, и люди стали поедать друг друга. Начались измены и позорные сделки с неприятелем, а в декабре 1870-го восемь тысяч воинов гарнизона, включая постоянных насельников крепости, сражавшихся бок о бок с повстанцами, смирились со своим поражением и сдались. И только Биянху со своими верными бойцами не сдался...

Дутов положил брошюру на стол, грузно поднялся. Кликнул вестового, спросил воды... умыться на ночь и спать... Завтра ждут новые дела, новые заботы...

И бытовые проблемы надо же решать: снабжения почти никакого нет, китайские власти, пообещав ещё весной поддерживать хлебом и углем, не исполнили обещаний, игумен Иона, поставленный при консульстве, по слухам, проворачивает за спиной командования какие-то махинации, денег в казне совсем нет, люди недоедают, смотрят на сторону, продают сёдла и оставшийся ещё у немногих нехитрый скarb, кое-кто хочет вернуться... Отговаривать бесполезно, разве отговоришь тех, кому снятся по ночам родные станицы? Но ведь большевики церемониться не станут, интересно им вникать в твои желания, мечты, и кому какое дело до того, что ты хочешь пахать землю и ни во что не влезать?... Да и сражаться насильно не заставишь... только с кем тогда идти в новый поход, с кем воевать против узурпаторов?

Шурочка уже дважды звала; атаман вышел на двор, умылся, вернувшись в дом, пересёк свою убогую канцелярию, украшенную роскошной полировкой старинного стола, темнеющего в углу гигантским агатом, и шагнул в спальню. Шурочка, дожидаясь его, сидела под керосиновой лампой с каким-то романом, он подошёл к ней вплотную, обнял, нежно поцеловал в душистый затылок...

Тьма за окном была плотной и густой, где-то в глубине её звякнула конская упряжь, и послышался глухой, увязающий в ночной вате голос фельдъегеря Лопатина... атаман замер на мгновение перед этой чужой ночью, и сердце его как-то против воли, откликаясь на тоскливый зов бесконечного мира, дрогнуло и часто-часто забилося...

Касымхан Чанышев, как было известно всему Джаркенту, происходил из старинного княжеского рода и имел богатых родственников не только в Семиречье, но даже и в китайской Кульдже. Совсем юным был он на Великой войне, а осенью 1917 года дезертировал и начал искать пути к спасению. Происхождение диктовало ему короткую смертную дорогу, но он не хотел погибнуть и решил стать в ряды своих потенциальных убийц. Большевики были ненавистны ему. Сломав устоявшийся уклад, порвав вековые связи и разрушив древнюю иерархию, которая в Туркестане всегда ценилась выше денег, они лишили его родовых привилегий, власти, да ещё навязали

чуждую, неясную ему идеологию. Но инстинкт самосохранения оказался у Касымхана сильнее классовой ненависти; понимая, что волей-неволей придётся ему шагать в ногу с новой властью, начал он активно действовать и, что называется, втираться в доверие. Через короткое время, очень короткое даже по тем баснословным временам, — когда вчерашний изгой уже назавтра становился вершителем судеб, — он стал начальником джаркентской милиции, но то было не назначение, а самозахват.

Касымхан был князем и действовал как настоящий князь.

В начале 1918 года в Джаркенте квартировал 6-й Оренбургский полк, который являлся фактически щитом и защитой города от новомодных течений. Далёкое эхо петроградского переворота хоть и докатилось до азиатских окраин свергнутой империи, но ещё не прозвучало в полную силу, и потому царили здесь пока ещё относительный порядок, шаткий покой и старые установления. Но в марте полк ушёл в Оренбург, и председатель Джаркентской городской думы Анастасий Загорский оказался перед лицом новых опасностей, имея в качестве оборонительной силы только три с половиной десятка необстрелянных и привыкших жить сибаритами в сонной азиатской глуши милиционеров.

Касымхан, почувствовав слабость уездного начальника, вошёл в сговор с управленческим писарем, таким же, видно, как и он, сорви-головой и таким же ниспровергателем устоев; вдвоём они быстро организовали безжалостную банду из 78 человек, решительным штурмом овладели стоявшими практически без охраны казармами и складами с оружием, после чего объявили город находящимся под властью их красного отряда. Тогда же городские чиновники, влиятельные общественные деятели и офицеры были блокированы молниеносными арестами и заключены в местную тюрьму.

Касымхан теми днями пребывал в какой-то неистовой эйфории, метался по городу, отдавая приказы и распоряжения, и в конце концов дошёл до того, что потребовал вывести на тюремный двор председателя Городской думы и управляющего Джаркентским уездом Загорского ради показательного расстреливания. Загорский, когда его выводили, вцепился в дверь своей камеры и отказался выходить, — один из бандитов, раздумав церемониться, дал ему хорошенько по зубам, и председатель Городской думы, увидев, как кровь из разбитой губы капает ему на галстук и грязнит батистовую манишку, неожи-

данно перестал сопротивляться и покорно вышел в тюремный коридор.

Чанышев думал лично убить его и, когда часовые поставили Загорского в углу двора, вынул из кобуры свой антрацитовый люгер, привезённый недавно с Великой войны, и направил его в сторону председателя. Убить главного человека в уезде Касымхан хотел быстро, походя, почти на бегу, демонстративно показывая всем, как он усекает властную верхушку и сам по праву сильного становится на место убитого. Это был такой, в его понимании, сакральный акт, что-то вроде жертвоприношения: ритуальной кровью нужно было освятить начало новой дороги. Свита Касымхана и часовые, которые вывели Загорского из камеры, приготовились, мельком глянув на расстрелянного, быстро отправиться дальше по своим делам, но тут произошла заминка. Чанышев, как и было сказано, небрежно вынул из кобуры свой трофейный люгер, выставил вперёд руку, цепляя мушкой широкий лоб смертника, и резко, даже не вглядываясь особо в мутный силуэт стоящего впереди человека, нажал на курок.

Осечка!

Кто-то рядом неодобрительно хмыкнул.

Касымхан снова нажал на курок, и опять раздался сухой щелчок.

Чанышев тряхнул пистолет, словно бы желая сместить в нём какие-то неправильно зацепившиеся друг за друга части, глянул раздражённо на своих поделщиков и поднёс оружие к глазам, надеясь распознать неполадку сразу и безоговорочно. «Может, патроны?..» — неуверенно сказал один из часовых. Касымхан снова вскинул люгер и снова нажал на курок.

Осечка!

«Всё! — сказал суеверный Чанышев. — Ведите в камеру!»

Взмокшего Загорского отодрали от стенки и быстро увели. Касымхан плюнул, угрюмо поглядел на своих головорезов и, не говоря ни слова, тоже покинул тюремный двор...

И вот этот человек, волею судеб ставший начальником джаркентской милиции и купивший у новой власти вечную, как ему казалось, индульгенцию посредством гонений и убийств людей своего круга, так называемой белой кости, — человек, который думал, что его грехи, осуждаемые даже и Священной Книгой мусульман, окупятся когда-нибудь благою целью, к которой он стремился, всей душой своей желая возвращения старого строя, человек этот стал искать пути к практическому

осуществлению задуманного, — несмотря, между прочим, на то, что хотя бы просто помыслить о противоборстве с безжалостным чудовищем власти в новых условиях было опасно и, как говорится, чревато. Касымхан стал искать связей, знакомств, осторожно прощупывал людей, засылал верных гонцов на Волгу, Дон, в Китайский Туркестан, с большим трудом завязал отношения с Джунaid-ханом в Хорезме и с белогвардейцами Чимбайского края, проложил тропинки в Ферганскую долину и сумел снестись с Эргаш-баем, а потом даже с Мадамин-беком. Он пытался создать тайные ружейные схроны, таскал контрабанду — благо китайская граница была недалеко, не брезговал и опиумом. Дерзость и кураж его были фантастическими, он творил что хотел, лишь слегка оглядываясь на Джаркентскую ЧК, которую возглавляли такие зубры, как Суворов и Крейвис.

Касымхан знал, что час его ещё не пробил, но обязательно пробыёт, и уж тогда он вернёт себе княжеские привилегии. Только цену, непомерную цену своих достижений и стратегических побед не мог он заранее узнать, а коли узнал бы, то, может, и отказался б от оплаты да кончил свои земные дни в уютной норе домашней постели, окружённый внуками и правнуками, дожив, вполне вероятно, до мутных восьмидесятых, а то и, чем чёрт не шутит, до беспокойных девяностых... Но судьба человека способна на такие извороты, какие и не снились мудрецам, прорицателям и даже записным романистам, сиречь летописцам, кои во все века строчили сомнительные сочинения в наивной вере, что уж им-то эпоха точно раскрыла все тайны роковых событий и все последствия необдуманных поступков героев и тиранов. А нет! Разве угадаешь пулю, летящую к тебе на всех парах с той стороны, откуда манят, лишь слегка укрытые розовым туманом нечаянной радости, приятные поощрения и драгоценные сюрпризы?..

По всему Семиречью у Чанышева были доверенные люди; имея связи с самыми непримиримыми курбаши, кочующими по горам, и с небольшими подпольными организациями городов и городков, с людьми, которые и в самом деле были полны решимости продолжить борьбу с расползающимся по региону большевизмом, он тем не менее понимал, что сил всё-таки немного, слишком они разрозненны и разъединены. Туркестанская военная организация, по данным, имевшимся у Касымхана, ещё в январе 1919 года была разгромлена, осиповский мятеж захлебнулся в крови, а сам Осипов исчез

где-то за Чимганом. Правда, весной, по слухам, он вернулся в долину и осел в независимой пока Бухаре. Но с Бухарой у Чанышева связи не было. Единственной реальной силой, к тому же расположенной в непосредственной близости к Джаркенту, были дутовцы, и Касымхан стал искать подходы к атаману. Заручившись поддержкой начальства и поставив в известность Суворова и Крейвиса, Чанышев поехал в Кульджу, якобы к своему дяде-купцу, и остановился в его доме.

В Кульдже Касымхан встретился со старым знакомцем, бывшим городским головой Джаркента Миловским, которого просил прощупать возможности контакта и сотрудничества с Дутовым, прозрачно намекнув между прочим о существовании в Джаркенте готового ко всему подполья. Миловский сделал первые шаги, и через короткое время Касымхан попал в руки игумена Ионы.

Об игумене Чанышев слыхал и раньше, ибо информация с супротивной стороны границы для заинтересованного человека всегда была более-менее доступна, и при большом желании добыть её не представляло особых затруднений. Хитрый и изворотливый служитель культа, главный священник отряда атамана и правая его рука, а по некоторым данным — человек, близкий к его контрразведке, — был, согласно отзывам хорошо знающих его людей, личностью мутной и непредсказуемой. Официально он числился за российским консульством в Кульдже и даже имел внештатную должность личного уполномоченного атамана. В отряде его не любили за тёмные делишки, которые проворачивались за спиной атамана. Он был не лишён публицистического дара и приготавливал иной раз для Дутова пафосные докладные записки, в которых призывал к крестовому, основанному на религиозных принципах походу на Совдепию. Записки эти трактовали ситуацию в Туркестане и на Восточном фронте как достаточно благоприятную для немедленного вторжения, что со стороны выглядело, конечно, авантюрой. На словах игумен провозглашал нравственное самосовершенствование, обуздание страстей и витиевато выступал в том смысле, что водители армий, несущих свободу поработённому народу, должны быть путеводными звёздами на небосклоне демократии. На деле же хитрый поп пытался руководить атаманом, влиять на принимаемые им решения, более того, Чанышев знал это от своего человечка в разведке Туркфронта, — банально воровал.

К Дутову Иона прибилсь под Акмолинском, принесся в

войска оренбургскую святыню — чудотворную икону Табынской Божьей матери, оправленную в серебро и украшенную драгоценными камнями. Поговаривали, что богатое убранство иконы было приобретено по народной подписке и на щедрые купеческие дарования. Со временем украшения святыни были утрачены, и куда ж им было подеваться, коли Божья Матерь неотлучно находилась при игумене?

Словом, человек он был непростой, противоречивый, однако весьма влиятельный, и Чанышев сознавал, что пробиться к Дутову — с большой долей вероятности — можно будет лишь через него. При первой встрече в Кульдже, убеждая игумена в необходимости знакомства с атаманом, Чанышев напирал на возможность продуктивной координации действий и немедленного восстания в тылах Совдепии.

Такой подход к делу понравился отцу Ионе, и это было хорошо заметно по его довольной физиономии.

Заглядывая снизу в лицо Чанышева и прожигая его насковзь дьявольским взглядом, игумен вкрадчиво пробормотал: «Мне нравится ваше лицо, князь... я хорошо разбираюсь в людях и вижу, что такие глаза не могут лгать...» — «Я не князь, батюшка, — отвечал Касымхан, — я начальник джаркентской милиции». — «Нет... нет.. вы князь... я вижу это... вы меня не проведёте, — елеиным голосом возразил игумен, — просите и дано будет вам... будет, будет... вы ждите, а уж я изведу, дайте только срок...»

Ждать, однако, пришлось долго. То ли игумен, имея некие дальние смыслы, не торопился с выполнением обещания, то ли сам Дутов несильно стремился к новому контакту, опасаясь, как можно предположить, провокаций, и не очень доверяя грядущему знакомцу.

Устав ждать, Чанышев написал атаману письмо, где, между прочим, сообщал о своём негативном отношении к Советской власти, беззастенчиво ограбившей его семью, сетовал на утрату конфискованных фамильных владений — домов, садов, угодий и заверял атамана в своей преданности белому движению. В заключение Касымхан просил Дутова о встрече ради изложения плана по осуществлению восстания в Джаркенте.

Атаман на письмо не ответил.

Тогда Чанышев решил действовать самостоятельно. Окольными путями вышел он на давнего своего знакомого и товарища Аблайханова, служившего у атамана переводчиком.

Полковнику Аблайханову Дутов доверял безоговорочно, и этот контакт в отличие от предыдущего сработал без осечки...

Для Советов, как, впрочем, и для белого движения в целом атаман был знаковой фигурой. Выпускник Академии Генштаба, участник Русско-японской и Великой мировой, прославивший себя в Брусиловском прорыве, а после Февральской революции ставший атаманом Оренбургского казачьего войска и главой войскового правительства, — он был неординарным человеком. Большевикам было чего опасаться. Дутов стал первым мятежником, не признавшим Советскую власть на территории Оренбургского казачьего войска и создавшим проблемную зону между революционным центром и Сибирско-Туркестанским участком. Объявив большевикам войну, он принялся активно готовиться к реваншу. В его планах была не только Сибирь, главными стратегическими целями считал он Петроград и Москву. Казаки видели в нём одного из освободителей и вождей Белого движения, а большевистское руководство — опасного и амбициозного врага.

Бытиё казаков в Китае не было безоблачным, — глядя на дело с житейской точки зрения, сторонний наблюдатель мог назвать положение интернированных скорее бедственным, нежели нормальным, ибо у новых поселенцев не было почти ничего, а то, что оставалось, они продавали за бесценок ради пропитания. В отрядной казне оставались сущие копейки, на которые нельзя было приобрести даже фуража, отчего отрядные лошади слабели и гибли. Да и людям приходилось несладко, — конкурировать с китайцами в общедоступных работах было сложно, потому казаки и офицеры подражались на самый чёрный труд; выходя в массовом порядке на местные рисовые чеки, стояли они с утра до вечера по колено в воде и зарабатывали свои гроши, чтобы хоть как-то обеспечить ближайшие дни своего скудного бытия.

Несколько лучше складывалась жизнь в Чугучаке, где стоял большой отряд казаков под командой генерала Бакича. В течение месяца по прибытии в Китай Бакич ничего не знал о судьбе атамана и, полагая гибель его отряда безусловно свершившимся фактом, взял на себя всю ответственность за судьбу людей. Действовал он решительно и бесповоротно: конфисковал 243 пуда серебра, принадлежавшего Отдельной Семиреченской армии и хранившегося в Чугучаке, затем так же браво реквизировал 8 000 голов скота, закупленного для армии ещё Колчаком, ненавязчиво вытряхнул из купцов-сар-

Атаман Дутов обходит строй солдат

тов, имевших российское подданство, кое-какие излишки, и купцы рады были добровольно поделить с казаками, ибо в ином случае резкий Бакич мог просто не оставить им иного выбора. Решительные действия командира дали, разумеется, подавленным и отчаявшимся людям, потерявшим надежду, больше шансов и даже создали у них некую иллюзию относительной стабильности, но у Бакича имелись формальные начальники — Дутов и Анненков. С атаманом Анненковым противоречия были всегда и у всех; с Дутовым Бакича связывали приятельские и даже дружеские отношения, но мало казалось им споров о единоначалии и власти, они долго разбирались потом ещё и в деньгах. Отряд Бакича состоял из 10 000 человек, отряд Дутова — из тысячи, и атаман полагал, что серебро, конфискованное генералом в свою пользу, справедливее было бы распределить в соотношении один к десяти. К тому же Дутов вынужден был принять около шестисот бойцов разложившегося формирования Анненкова — деваться людям было некуда, и атаман не хотел их бросать...

Рассеяннo оглядев свои покои, Дутов сел за письменный стол.

Приказ по отряду? Листовки для распространения на сопредельной территории? Письмо игумену Ионе?

Мысли всё возвращались к генералу Бакичу. Неужели он

думал, что мы не нуждаемся? Неужели думал, что огородничеством, рыболовством или каторжной работой в рисовых чеках можно прокормить себя? Ладно скот... чёрт с ним... его и перегнуть-то с Чугучака непросто, но серебро! Серебром же можно было делиться, ведь оно принадлежит не одному генералу! Лично мне, думал атаман, ничего не надо, у меня есть смена белья, две-три плошки и даже самовар, я, слава Богу, пока не голодаю, но под моим началом люди! А уж за них я отвечаю в полной мере — перед небом и перед судом совести. Бакича надо, конечно, поставить на место и принудить его уважать субординацию; к тому же, продолжая наш спор о власти, мы не сможем выполнить свою освободительную миссию. Генерал, кроме всего прочего, не хочет, видите ли, участвовать в походе на Россию! Как? Как это возможно? Человек, в течение двадцати лет служивший в русской армии, с восемнадцатого года воевавший в армии Комуча? Бесстрашный и стойкий командир, в числе других возглавивший Голодный поход и сумевший вывести свой погибающий корпус из района боевых действий...

Атаман прикрыл глаза и уткнулся лицом в ладони. Осень 1919-го стала для него крахом всех надежд и отчаянной попыткой выйти из провального положения с честью и достоинством. В конце октября красные взяли Петропавловск и покатались раскалённой лавой вдоль линии Транссиба; озлобленные, искорёженные войной люди, — и не люди уже, а какие-то наделённые ещё остатками разума боевые машины, призванные и способные только убивать, — с покрытыми коростой лицами, с обмороженными багровыми руками, со звериным блеском в глазах... шли и шли вперёд, тесня белые войска к Ишиму и надеясь утопить их в ледяной глубине прихваченной морозцем реки. Атаман же, напротив, полагал создать здесь линию береговой обороны, чтобы обезопасить главные силы в районе Атбасараи Кокчетова...

... Отсюда мы атакуем фланги красных, и их наступление захлебнётся... Атаман тяжело вздохнул, припоминая свои оптимистические планы... Как же было страшно в те дни возле смертной воды Ишима, переливающейся за спиной расплавленным оловом... Информации не было, телеграфные линии красные специально взрывали, — поэтому слухи витали один страшнее другого, а директивы, сводки, приказы не поступали вовсе... Непролазная грязь, мокрый снег, по ночам — морозы... армия шла по расползающейся хляби без еды, одежды,

едва влача за собой остатки оружия и артиллерии... тиф! тиф косил людей направо-налево... лекарств — никаких, перевязочных средств — никаких, механического транспорта — не было, лишь гужевой, и больные, раненые лежат навалом на санях и возках... лошади падают от усталости и бескормицы... как я просил, вспоминал атаман, как просил Колчака прислать сапоги, шинели, полушубки, бельё, как молил о помощи, ведь не было ничего! и чем можно было воевать, когда даже патронов не хватало... мы бы удержали Ишим, мы бы не пятились на восток... но ждали напрасно... нас бросили, а 5-я армия красных всё наседала, мы решили отступать к Атбасару, и это позорное бегство было таким скорым и таким паническим, что мы оторвались от противника и потеряли прямой с ним контакт...

Около двух недель на фронте было спокойно, и войска получили небольшой отдых, но вскоре стало известно о падении Омска, и зыбучее болото разлагающейся белой армии вновь задышало, тяжело ворочаясь, и медленно, неуклюже двинулось с места. Красные рвались вперёд, и фронт кое-как держал только корпус Бакича. В целом же Оренбургская армия погибала, люди давно потеряли надежду и веру — не то что в победу, а хоть в передышку, просто в возможность остановиться, не подвергая себя смертной опасности... и все понимали — спасения нет, только гибель, но шли, упорно плелись вперёд, а лучше сказать — назад, пытаясь сберечь свои никому, даже самим себе, не нужные жизни... армии не было, — а был лишь обоз, бесконечно тянущийся по снежной степи и состоящий из таратаек, саней, повозок, кое-как слепленных и поставленных на какие-то кривые доски возков, тянущих тысячи завшивленных, сгорающих в тифозном бреду бойцов... Уж и обозом нельзя было назвать то сборище полутрупов, тащившихся ещё из последних сил в полном отъединении от реальности, — не понимая событий, приказов, возможностей и вовсе не желая понимать самой жизни... погибла армия! Не было в ней уже ничего, что держит в иных условиях массу людей, объединённых одной боевой целью, — оружия, артиллерии, машин, лошадей, мастерских, кухонь, походных лазаретов, обозных складов с медикаментами, фуражом да запасами продовольствия... на двести вёрст в ширину растянулся тот гибельный строй и на тысячу двести в длину... раздевали и грабили местных жителей в сёлах, изредка попадавших на пути, озлобляя и без того нищих сельчан и делая из них

большевистских приверженцев... Единственное, что ободрило людей в эти дни, — чудесное обретение Табынской Божией матери, с непамятных времён считавшейся святыней Урала, — в штаб армии принесли её несколько оборванных служителей культа во главе с игуменом Ионой, — и эти чернецы были похожи на обгоревшие спички, — тащились из последних сил, едва не валясь с ног от голода и усталости, и чёрные одежды висели на них, словно на остовах восставших из могил мертвецов... Табынская Божья мать! Свет небесный! Как приободрились бойцы, командиры! И, видя в этом событии благоволение Господне и Божий перст, уготовлялись к новым подвигам и новым свершениям...

И вовремя, ибо страшные события были рядом. Спустя неделю красные явились в тылу у атамана, обойдя Атбасар с севера и северо-запада, — и снова армия с трудом поднялась и через силу двинулась дальше — к краю земли; впереди шли казаки Дутова, в арьергарде оборонялся едва успевший выйти из города со штабом Бакич, на южном берегу Ишима прикрывали отступление отряды есаула Захарова; красные наседали, совершая дерзкие рейды и нахрапом вклиниваясь в линию непрочной обороны противника, белые озлобленно огрызались и продолжали тяжкое движение на восток... В конце концов большевики повторили атбасарский манёвр и обошли Акмолинск, отбив у Бакича часть обоза; небольшие группы казаков стали сдаваться, не видя возможности биться в отступление оружия...

Отступать было некуда: Бакич предлагал направиться к Семипалатинску на слияние с Сибирской армией, но в Семипалатинске вспыхнуло восстание большевистского подполья. Положение стало и вовсе отчаянным — красные пытались окружить отступающих, напирали с тыла, с флангов; стремительными маршами совершая дерзкие обходы, яростно набрасывались на авангарды. Оставался единственный путь: сбросив врага, двинуться на Каркаралинск, потом — на Сергиополь и далее — в Семиречье. Марш почти невозможный извечно гибельный, ведь, чтобы достичь цели, нужно было преодолеть страшную Голодную степь, — безводную, малонаселённую и зимой смертельно опасную своими морозами. Был ещё малый шанс сплотиться в районе Новониколаевска или Барнаула с Каппелем, но оба белогвардейских оплота вскоре пали под натиском противника...

И вот: последняя отчаянная возможность. Войска продол-

жали отступать; прошло немного времени, и эта раскалённая тифозным жаром лавина втекла в северные предместья Голодной степи и двинулась вперёд тяжёлой одышливой рекой, с трудом преодолевая занесённые снегом ледяные суглинки. Уже в начале пути люди гибли сотнями, тысячами, не выдерживая тех тягот и лишений, которыми испытывала их природа; не в силах двигаться дальше, бойцы присаживались на снег и уже не вставали более. По обочинам пробитой в снегу дороги люди лежали при смерти, напрасно протягивая руки к проходящим товарищам, — никто не хотел замечать остающихся, полагая, что и самому стоит лишь замедлить шаг, как смерть окажется совсем рядом... Лошади тянули с надрывом, и ещё счастлив был тот, чья заморённая кляча кое-как передвигала ноги, — иные животные не выдерживали пути и падали, увлекая с собой верховых да сворачивая повозки. Ночевать становились под открытым небом, ибо не было в степи ни дерева, ни холма, а только бесконечные, продуваемые ветрами дали; сгрудившись в кучи и пытаясь укрыться за своими дрогами, люди падали в снег и по-братски обнимали друг друга во сне до тех самых пор, пока не начинало светлеть серой грязной пасмурное небо, и тогда с ужасом обнаруживали многие в своих объятиях окоченевшие трупы товарищей.

И вставала над бивуаком зловещая тень, закрывающая собой полнеба, — то Жемчужная вошь, самовластная властительница войны праздновала свои тихие победы...

А то иной раз кромешной ночью из общей человеческой кучи являлся какой-нибудь безумный казак, мучимый лихорадкой и тифозным жаром, бросал шинелишку, населённую миррадами вшей, да и шёл в степную темь, не замечая мороза... И погибель грозила тогда бедняге в течение кратких минут — ещё шёл он по заснеженной целине, не внимая ни времени, ни пространству, воя звериным воем, подпевая гудящему на все лады ветру, который выстуживал угли его больного тела, — до тех пор, пока не падал наконец без сил в снежную постель и не засыпал в блаженной истоме, напрасно лелея свою последнюю обманную думу: вот просыпается он утром на своём хуторе... в окно светит солнце, лёгкий сквозняк колышет чистые занавески, и кладёт ему на лоб руку дорогая жена...

А реальное, не измышлённое утро начиналось с тяжкого пробуждения замученных людей, вовсе не отдохнувших за ночь, а напротив — смертельно уставших, голодных, едва сохраняющих в себе человеческое, да вдобавок потерявших

надежду и не понимающих, для чего нужно идти вперёд, для чего надо спасать свои никчёмные, сгорающие на степном ветру жизни... занимался серый морозный рассвет и засыпанные сухой позёмкой бойцы кое-как вставали, собираясь с силами и пытаясь заставить двигаться замёрзших коней, начинали шагать вперёд — то ли к спасению, то к гибели своей... вдруг отчаяние охватывало путников, когда замечали они со страхом приближение из-за мутного горизонта малого облачка, которое разрастаясь, превращалось постепенно в огромную тучу, закрывающую собой всё вокруг, — тогда снова на головы несчастных обрушивалась вернувшаяся ночная тьма и злобный буран начинал вспахивать заснеженную целину, люди становились незрячими — оттого, что в глазах у них крутилась только молочная взвесь, — и дышать было уж вовсе невозможно, ибо иссохшие глотки пилигримов насмерть обжигали холодные волны морозного смерча... прах, думал атаман, пытаюсь поддержать какого-то рядом оказавшегося казака, зимний прах и ледяной пепел! и где в этой преисподней то, что называется словом «я»? где песчинка, называемая душой, та самая, которая затерялась среди миллионов иных песчинок, рассеянных по враждебному свету? где тело моё на этой земле — посреди безбрежного человеческого хаоса, посреди всей этой бесформенной массы, копошащейся, куда-то ползущей, растекающейся в разные стороны, глухо звучащей среди миров, — массы, в которой невозможно сыскать отдельную личность, маленького, едва различимого в этом муравейнике отдельного человека — с его мечтами, мыслями или смыслами...

Дважды Касымхан виделся с атаманом, привозил ему оружие, оперативные известия, а увозил директивы и листовки. Дутов как-то сразу проникся к нему, быстро отбросив настороженность и невнимательно относясь к предостережениям Загорского, который убеждал атамана в коварстве Чанышева. Бывший председатель Городской думы, хорошо помня свой расстрел и события, которые последовали после захвата власти в Джаркенте самозванным командиром самозванного — якобы красногвардейского — отряда, уговаривал Дутова немедленно прекратить всякие сношения с подозрительным Князем, как прозвали его в стане атамана с лёгкой руки игумена Ионы. Статус Касымхана, кроме Аблайханова, никто не подтвердил, да и полковник мог свидетельствовать только о юных годах своего знакомого, — Чанышева никто не

знал; дядя его, живший в Кульдже, действительно был купцом и в самом деле скрепил своим словом информацию о благородном происхождении племянника, но... сомнений было больше, нежели неоспоримых фактов, и даже всемогущий поп Иона мог поклясться разве что честными глазами Чанышева, который не обманет, не предаст... В то же время благодаря всё тому же игумену было хорошо известно, что Князь тесно связан с Джаркентской ЧК, но как связан — никто не знал, и предполагалось, конечно, что Касымхан, окружённый со всех сторон опасностями, работает в логове врага. Правда, атаман — отчасти сам, отчасти при помощи своей контрразведки — несколько раз устраивал ему проверки, и Чанышев успешно их проходил, точно и чётко исполняя приказы Дутова. За Князем внимательно наблюдали люди игумена Ионы, водили Касымхана по Суйдину, Кульдже, незаметно сопровождали в горах, приграничье и даже на советской территории, но ничего, кроме контрабанды опиума, увидеть не могли. Чанышев встречался с подозрительными оборванцами, муллами, дервишами, купцами, с какими-то лощёными господами в аристократических костюмах и даже с военными, заходил в грязные харчевни, дорогие рестораны, китайские лавочки, бани, курильни, и людей, с которыми он имел контакты, пытались отследить, но слежка ни к чему не вела; игумен Иона думал даже, что Князь, может быть, связан с англичанами, японцами, однако и это не подтверждалось. В конце концов, с особым тщанием прочуpanный в разных направлениях Касымхан стал пользоваться безоговорочным доверием атамана, который в своих далеко идущих планах полагал Джаркентскую область в грядущем и скором антибольшевистском бунте заранее поверженной, поскольку боевую готовность местных милиционеров и свою собственную преданность белому движению Князь расписал так красочно и ярко, как только древние иконописцы, взывающие Бога, могли расписать мрачную и непритязательную жизнь евангельских насельников, — и сколь было на их кистях кипящего багрянца, охры, перламутра да лазури, столько и в словах Касымхана — уверенности, горячего нетерпения и куража...

Джаркенту в планах атамана отводилась первая строка, ибо этот заштатный городишко являлся ключом, отмыкавшим двери Семиречья, — Князь таким образом становился одной из главных фигур грядущего восстания.

Схема Дутова была достаточно простой и вполне осуще-

ствимой: сначала предполагалось силами Бакича захватить китайский Чугучак, возле коего стояла армия генерала, и смысл этой акции был в том, чтобы вернуть хранившееся там оружие, изъятое недавно при интернировании белых. Далее Бакич движется в направлении Лепсинска и Сергиополя, выбивает оттуда большевиков, а Дутов со своей тысячей идёт на запад, где, соединившись с основной ударной силой, штурмует Верный. Похожий план был у атамана весной 1920-го: овладев Джаркентом и Верным, он мог свободно маневрировать в сторону Хивы, Бухары, Ферганы и не останавливать движения вплоть до Каспия. В Семипалатинске и окрестных городах действовало белое подполье, тайно собирались оружие и боеприпасы; атаман лично писал листовки. По всему Семиречью набирали силу басмаческие летучие отряды, и лихие наездники с карамультуками наперевес успешно оперировали в горах и возле пограничных застав, принося немало хлопот чекистам, отрядам милиции и красногвардейским гарнизонам городков и посёлков. По сообщениям с мест, народ под большевиками глухо роптал, и достаточно было, по мнению атамана, лишь искры, чтобы всё вокруг вспыхнуло и запылало очистительным огнём.

Но Касымхан неожиданно выбыл из игры. В конце лета, пробираясь из Джаркента в Суйдин, он был остановлен отрядом красноармейцев на крутом подъёме из горной лощины. Небольшой, заросший тальником ручеёк, который, по сути, и был границей, уже виднелся невдалеке, — может быть, в километре, может, чуть далее, — Чанышев мог легко уйти, — в ту или иную сторону, — хорошенько прищпорив коня, но для этого нужно было рискнуть и повернуться спиной к красноармейцам, которые уж, конечно, станут преследовать его, полагая странным и подозрительным нахождение одинокого всадника на контрабандной тропе. Касымхан боялся смерти и не любил рисковать, он был молод и хорошо знал цену маленькому, вовсе не страшному на вид кусочку свинца, поэтому после первого окрика он покорно отпустил поводья и чуть приподнял влажные ладони. Конный разезд составляли семь или восемь молоденьких бойцов во главе с пожилым, на взгляд Касымхана, а на самом деле не достигшим ещё и сорока лет усатым командиром, лихо гарцевавшим на своей кобыле.

«Кто такой? — подъехав чуть ближе, дерзко спросил командир. — Куда путь держишь?»

Князь внимательно и цепко взгляделся в отряд. Всадники вооружены новыми трёхлинейками, держатся настороженно,

в глазах — тревога... командир медленно приближается, и лошадь его оступает на камнях... выхватить сейчас люгер, первый выстрел — в командира! затем в гущу его бойцов... но у них преимущество, — развернувшись, придётся скакать по ложине, а это значит попасть в прицелы винтовок... если прорываться сквозь них, фронтом, получается — вверх, на тропу, ведущую в гору, — вариант ещё хуже, тут живым точно не уйдёшь...

«Начальник Джаркентской милиции Касымхан Чанышев! — крикнул он громко и уверенно. — По служебной надобности!»

Командир разъезда, тронув поводья, подъехал вплотную. «Документы!» Чанышев медленно вынул из нагрудного кармана мандат. Командир взял ветхую бумагу, уже прохудившуюся на сгибах, развернул, вчитался, долго разбирал слова, шевеля губами и прищёпывая про себя, наконец, вздохнул, словно сожалея о чём-то, сложил бумагу, но не вернул её Касымхану, а уверенно убрал за пазуху. Бойцы разъезда подтянулись к своему командиру, стали за его спиной неровным полукругом, как волчья стая, обложившая жертву.

Князь подобрался, готовый ко всему.

«Оружие!» — приказал командир. Чанышев осторожно достал люгер. «Курджун!» — кивнул командир на перемётную суму, забирая пистолет. «Не имеешь права!» — злобно сказал Касымхан. «А ты поспорь! — отвечал командир. — Поспорь-ка давай со мной!..» И потащил курджун с шеи коня.

В курджуне обнаружили весьма странные вещицы — два маузера, маленький дамский браунинг, несколько коробок патронов, пулемётный затвор «Максима-Виккерса» образца 1895 года и холщовая лента на 250 патронов к нему; кроме того, на дне хранилища покоились исписанные лиловыми чернилами и испачканные крупными и мелкими кляксами бумаги, оказавшиеся к вящему изумлению командира разъезда серьёзными и опасными документами, явно намекающими на скорый грядущий расстрел везущего их курьера, — то были списки большевиков, занимавших ответственные посты в Джаркенте, Верном, Пишпеке, Нарыне, информация о работах трибуналов, ЧК, особых отделов, адреса ключевых фигур власти всего Восточного Туркестана, сведения о наличии и расположении в регионе воинских частей, гарнизонов, складов оружия и боеприпасов... Командир обомлел, с трудом разбирая крамольные бумаги... Через минуту Касымхана сняли

с коня, обыскали с особым тщанием, связали руки и пустили, развернувшись в сторону Джаркента, впереди разъезда...

В горах в это время бывает прохладно, но тот день оказался по-летнему знойным, и Князь шёл, обливаясь потом, — ему казалось, потеет он вовсе не от жары, а от страха и смертного ужаса, предчувствуя свой скорый бесславный конец. Он представил, как будет стоять через короткое время перед Суворовым, трепеща под его беспощадным взглядом, и пытался собраться с мыслями, чтобы затвердить для себя возможные ответы на трудные вопросы. Он знал, что церемониться с ним не будут и даже не станут запрашивать мнения Ташкента; что, впрочем, скажет Петерс, когда получит — может быть — запрос о его судьбе? он скажет одно слово — «расстрелять!» и разве станет всесильный полпред ВЧК в Туркестане раздумывать о каком-то рядовом агенте не сложившей ещё оружия контрреволюции? стоит ли терять время? к стенке и вся недолга!

Но он ошибался, он глубоко ошибался, — час его ещё не пробил, — только он не знал, что может сделать с человеком новая власть, — такое может сделать, что старой власти не снилось со всеми её тюрьмами, казематами и полчищами полицейских... он не знал, как новая власть умеет впиваться в человеческую душу и вынимать из неё все нравственные силы, как изощрённо и со знанием дела смешивает она человека с прахом и делает его маленькой деталькой, несущей, однако, миру смертельную обречённость. Этот государственный рок, это фатальное предопределение, всегда обязательное в финале любых споров с той силой, которая не от Бога, а напрямую — от чёрта, эта своевольная судьба, оказавшаяся в XX веке посильнее эдиповых судеб, — всё это вместе взятое сламывало не только одиночек, стойко стоящих на ветру эпохи, но и целые социальные слои, которым не было и не могло быть места в программе подчинения человека...

Ничего этого не знал Касымхан и думал уже, обречённо шагая по кремнистой дороге, что идёт напрямик к своей смерти — без привалов, без остановок, без передышек, идёт туда, где не важны уже и не имеют никакого значения ни Дутов, ни Суворов, ни игумен Иона, ни даже фантаσμαгоричный Петерс...

Ему представилось, будто он видит всю процессию сбоку и, может быть, даже сверху: караван коней, медленно идущих друг за другом, и слегка качающиеся в сёдлах молодые бойцы,

скуластые, черноглазые, во главе — широкоусый командир в сдвинутой на затылок фуражке, открывающей его мокрый лоб, и чуть впереди, но почти вровень с мордой командирской кобылы — он, Князь, — несущий потную свою гимнастёрку, словно рыцарские доспехи... маленький отряд всё идёт и идёт по высушенной летним зноем долине в окружении величественных скал, и кажется, что и не идёт, а как бы парит слегка над землёй, над бурой, безжизненной травой, над остролистым кустарником, и под жилистыми ногами коней — не горный камень, а прозрачные облака... подымаются, чередуясь, копыта, и выныривают тогда из облачной ваты новенькие подковы, показывая шляпки самодельных гвоздей... он оборачивается и с интересом, словно бы забыв о смертельной опасности, грозящей ему ещё издалека, но уже явно, всматривается в неровную живую ленту своего конвоя: кони медленно машут гигантскими крыльями, то открывая, то закрывая плавными движениями фигуры всадников, как бы похваляющихся своей особой азиатской посадкой... каурая кобыла командира особенно красива в этом невероятном полёте: несётся вперёд, что называется, на всех парусах, а лучше — на всех крыльях, и её круглые бока, влажные от горячего пота, отливают в закатных лучах красноватым червонным золотом!..

После небольшого отдыха, обычно в два, а порой и в три часа пополудни Дутов совершал небольшой вояж в казармы своих казаков, стоявших на отшибе верстах в двух от его жилья. Ехать нужно было пустырями, вдоль городской стены, — маршрут привычный, знакомый, лошадь сама несла хозяина по нужной дороге, атаман отвлекался обычно и, не глядя особо по сторонам, задумывался о чём-то своём...

Мысли, крутившиеся в последние дни вокруг Бакича, не оставляли и нынче: Бакич фактически предал, как, впрочем, предали Анненков, Щербаков... да все, на кого ещё совсем недавно он так рассчитывал — Бакич, выходит, захватил власть в отряде и реагировал на приказы атамана формально, отделиваясь при сношении с ним фельдгерской почтой ничего не значащими отписками, а то случались вопиющие случаи, когда и вовсе не реагировал... Правда, атаман сам в этом был повинен, — в начале января, вскоре после оставления Сергиополя, он провёл реорганизацию армии и добровольно отдал Бакичу и Анненкову бразды правления, став гражданским губернатором Семиречья. Преемники вели себя пренебрежительно, координации действий не было, оба фактически

присвоили материальные ценности армии, Бакич — серебро, Анненков — золото, и всё полетело к чёртовой матери. Особенно циничен был Анненков, который и раньше отличался самоуправством, и жалобы на него поступали от всех, ещё и во время ведения боевых действий. Это был такой маленький царёк, который вообще плохо поддавался командам и творил что хотел. Его люди беззастенчиво грабили беженцев, не стесняясь обирать даже и Оренбургскую армию, однако не только банальными грабежами прославился этот садист и убийца, порочивший своими действиями идею белого движения вообще, но и массовыми экзекуциями гражданского населения, зверскими расправами над офицерами и простыми казаками, каким-то невероятным образом умудрившимися вступить с ним в противоречие. Его бойцы с благословения, а порой и по наущению командира, усмиряя деревни, хутора или собственные подразделения, просто резали людей по всем направлениям их бранных тел, рубили шашками, вешали, закапывали и сжигали, девочек и женщин насиловали, и что говорить о врагах, коих просто размазывали по стенкам, случившимся рядом, или по земле в отсутствие таковых — при победе или пленении в бою... А Щербаков! Переведя лошадь на шаг, атаман глянул вдоль городской стены, машинально отметив про себя красоту древних камней, украшенных высокими снеговыми шапками, и поморщился от неприятных воспоминаний. Семиреченского войскового атамана генерала Щербакова Дутов также не раз обвинял в превышении власти, в невероятных жестокостях, в ненависти к крестьянам... случился у Дутова с ним в своё время — уже в Китае — острый конфликт, когда по рапорту атамана Щербаков угодил под арест, а выйдя, бросил своему оппоненту вызов на дуэль. Надо было убить предателя, думал Дутов, сонно покачиваясь в седле, надо было убить его на дуэли! не слушать своих офицеров, уговоривших его отложить поединок до возвращения на родину. Все бросили его в решающий миг, когда нужно было сначала обороняться, а потом наступать, отвоёвывая потерянное. План возвращения Семиречья был сорван, между прочим, именно Анненковым, который, бросив фронт и наплевав на согласование усилий, решил обойти красных через перевал Сельке... глупо, глупо всё получилось... нужно было штурмовать Верный и идти дальше... Семиречье было бы нашим! но Анненков в конце концов двинулся в Китай, к нему примкнул Щербаков... Бакич предпочёл действовать сам... На всех обида, горькая обида!

Как отвратительно повёл себя Анненков, когда полуживой отряд Дутова явился после Голодного похода в Семиречье... 10 тысяч измученных, поголовно больных тифом бойцов, и не бойцов уже, а ходячих — по преимуществу лежащих — полумертвецов, раздетых, голодных, не способных воевать... То ли от горьких воспоминаний да от застарелого, навеки просшего в его сердце отчаяния, то ли от холодного ветра и ярого морозца выступили на глазах атамана слёзы стыда, и он снова, в который уж раз, вспомнил страшную картину своего позора: длинная вереница обоза, теряющегося в степной беспредельности, жалкие повозки, едва продвигающиеся вперёд усилиями замороженных, бодающих вязкое пространство упрямыми лбами лошадей, заиндевелившие верблюды, словно бы напоказ выставляющие свои раздувшиеся от голода подбрюшья, укутанные кусками лежалого снега... на телегах, санях — беженцы — женщины, дети... кое-где виднеются ещё стоящие как будто на карауле колеблемые неровною дорогой винтовки, протыкающие штыками своими пласты мутной снеговой взвеси над головами несчастных... вот застывший в скорбном оцепенении на проезжающем возке пулемёт... а на обочине дороги, если эту разбитую колею можно называть дорогой, — брошенные снаряды и разбитые снарядные ящики, рассыпанные патроны и... трупы! множество трупов, замерзающих, коченеющих, застывших в последнем усилии подняться, двинуться и хотя бы ползти вслед за уходящим равнодушным обозом... потому что страшно оставаться покойнику в ледяной пустыне, куда в это время даже степной волк не ходит... Сколько людей потеряли! из 20 тысяч при начале похода осталось едва более половины, и те вряд ли выживут в тифозном пожаре... И вот Анненков не захотел принимать этот сброд, этот лазарет, пускай, дескать, подохнут, где найдётся им место, но не в моей армии! Сам же Дутов — и тут сердце атамана схватила цепкая, въедливая боль раскаяния и сожаления — сам он бросил своих бойцов, отбыв в Лепсинск на тёплое губернаторское место... а Анненков ждал только наступления весны, чтобы двинуть на юг и снова бросить едва оправившихся оренбуржцев в кровавую рубку! но они не хотели сражаться и только глухо роптали: мы не знаем атамана Анненкова, кто такой этот атаман? мы знаем атамана Дутова, он есть наш командующий и наш отец, люблю атаману Дутову! он хочет, знамо дело, отдохнуть, но и мы хотим отдохнуть, он водил нас, а мы кровь свою проливали за него... Анненкова мы не знаем и не признаём,

он нас за скотину держал, а ведь мы природные казаки, нам обидна такая аттестация... И молодой атаман, слыша хулы и поношения, очень возмутился и, вознамерившись искоренить крамолу, приказал: стоять смирно и слушать командира! не для того, дескать, я принял вас в разорении, голоде и под ярком Жемчужной вши, державшей ваше безотрадное войско в полном рабстве и униженном смирении, а для того, чтобы вы взяли в свои натруженные руки винтовки с примкнутыми штыками, уже обагрёнными в иных боях ядовитой кровью проклятых большевиков! Не для того взял я вас, сирых да убогих, чтобы кормить, поить да потакать вашим намереньям, а для того, чтобы вы дрались и зубами рвали изменников Отечества! Коли ж выне хотите драться, так я сыщу способ вас заставить! казацкою нагайкою и пуще того — маузером или трёхлинейкою будете вы у меня посылаемы в атаку! Крут и дерзок был своевольный атаман и вовсе не боялся крови — ни губителей отчизны, ни радетелей её, что и подтвердил немедленно показательным расстрелом десятка бунтовщиков; шутки в сторону, сказал он оренбуржцам, которым оставалось только ради убеждения взглянуть на зазря убитых товарищей своих, и они взглянули: окровавленные мертвецы, беспокойно раскинувшись, лежали под расстрельной стеной и на застывающих лицах их светились подобию улыбок...

Доведя до Джаркента, Чанышева сдали Суворову, но тот лишь мельком глянул на него и приказал посадить арестованного под замок. Два дня Князя держали в местной тюрьме, как раз в той камере, где сидел, совсем недавно посаженный им председатель Городской думы и управляющий Джаркентским уездом Анастасий Загорский. Касымхан думал, что его станут пытать и под пытками сразу добьются разоблачительных признаний. Он точно знал — добьются, потому что боялся не только смерти, но и боли... и тогда уже ему конец! Его не кормили, не выводили на двор, нужду он справлял в жестяную бочку, стоявшую в углу его узилища, и потому воздух вокруг был настолько сгущён, что хотя бы отчасти спастись от зловония можно было, лишь пластаясь в полу.

На третьи сутки он был вызван, и беседовал с ним Крейвис — зам Суворова, и потом зашёл ещё незнакомый человек, которого Крейвис отрекомендовал как ответственного сотрудника РВС Туркфронта Василия Давыдова. Спустя час после начала беседы явился Суворов, — пробежал глазами прото-

кол допроса и, по-свойски немного поговорив с Касымханом, подтвердил всё сказанное ранее Давыдовым и Крейвисом. «Мы могли бы вменить вам также, — добавил Суворов, — антибольшевистское восстание в Нарынском уезде, контакты с японцами в Синцзяне, сношения с контрреволюционным подпольем Семипалатинска и довольно активную переписку с Эргаш-баем. Но мы не станем этого делать. С вас достаточно и того, что есть. А чтоб вы были покойны, — он обернулся в дверях, выходя, — и могли всецело сосредоточены на деле, мы задержали ваших родителей, брата, жену и других родственников общим числом 11 человек».

Чанышев прикусил губу. Он думал, умрет один... а нет... за ним потянется семья. Как неосторожно, как глупо он попался... да и вообще, разве стоило влезать ему в эту авантюру с подпольем, с атаманом, с попыткой вернуть прежнюю жизнь, так неожиданно сбитую с привычного круга... хотя что ему привычный круг? успел ли он, будучи совсем ещё юным человеком, вкусить того быта и порядка, который был привычен его предкам? что он видел вообще за короткие годы юности? ничего не видел... он пытался спастись, мимикрировать, подстроиться под новые порядки... зачем, зачем полез в дело? надо было и дальше приспосабливаться, — только не биться за первые ряды, не пытаться играть первые роли... сидел бы сейчас в тёплом месте каким-нибудь писарем, конторщиком, писал бы закорючки на листах да щёлкал костяшками счётов... но разве это занятие для князя? Ведь я князь! И место моё — в аристократических салонах, среди изысканных дам и строгих офицеров, а не среди заморенного быдла, которое работает от зари до зари да молится на едва добытую горбушку хлеба... моё место — элита... неважно, какого общества... я — князь, я особенный человек, я пришёл в этот мир не для того, чтобы прозябать в нём, а для того, чтобы быть наверху — во всех смыслах. И неважно, какой ценой я этого достигну!..

Он глянул на Давыдова и Крейвиса. Крейвис что-то дописывал в протокол, Давыдов внимательно наблюдал за его царапающим и оставляющим большие и маленькие кляксы пером...

Проведав своих казаков и выйдя из дверей бывших казарм русского консульства, атаман с удовольствием вдохнул морозный воздух.

Возвращался он тем же путём, вдоль городской стены,

плотно укрытой слежавшимся снегом, атаман настороженно, но без страха поглядывал по сторонам. Загорский, помнится, предостерегал от подобных одиночных прогулок, особо напоминая на то, что это пустынное место весьма удобно для засады большевистских агентов, которым ничего не стоит подстрелить его даже и одной пулей... ни души вокруг, тишина мира, и только топот копыт, нарушая ночное безмолвие, отчётливо звучит посреди скованных морозом окрестностей... Атаман поднял голову: ясное небо, усыпанное светляками звёзд, покачивалось над ним, и ему показалось, что эта бесконечная тьма словно бы ластится к нему, широко раскрывая свои бархатные объятия. Он придержал коня... звёзды летели навстречу; небо, явно желая стать ближе к своему спутнику, и, может быть, прошептать ему важные слова, медленно спускалось к земле... сердце атамана сжалось, вспомнив ту ласковую бездну, которая когда-то уже нависала над ним, пугая своей обманной нежностью, — она парила, слегка колеблясь, над его конвоем и над всем отрядом, когда измученные, едва способные к сопротивлению люди, притиснувшись к скалам на узком карнизе, стояли в самой сердцевине пустынного мира, и страх смерти сжимал костлявою рукою их души...

Они вышли из Лепсинска глубокой ночью, узнав о паническом бегстве Анненкова и о крахе армии Бакича, прижатой большевиками к китайской границе. Связь была прекращена во все стороны, и дальнейшее сопротивление казалось атаману лишь бессмысленной тратой бойцов; вышли в спешке, не успев собрать лошадей конвоя, которые паслись в дальних предгорьях, и выходило так, что половине отряда предстояло идти пешком. Направление атаман назначил в Джунгарский Алатау, имея целью Синцзяньскую провинцию в долине Борталы, но не было туда иной дороги, кроме смертельного серпантина через ледниковый перевал Кара-Сарык. Этот перевал открывается для перехода только в июне, да и то сказать — не все ледники к тому времени успевают таять...

С отрядом шли семьи казаков — женщины, дети, и поначалу они весело шагали вперёд, несмотря на полуметровый снег, мешавший движению. Обратная сторона пути была чиста, красных, слава Богу, в видимой близости не наблюдалось, и это позволяло более-менее без опаски хоть и медленно, но передвигаться, не ожидая погони или нападения. Люди были подавлены и угнетены, однако упрямо шли и шли, понимая, что дорога — их единственная, хоть, может быть, и

обманчивая возможность скорого спасения. Каждый знал — в случае пленения никто не задержится на этой земле, и даже дети с женщинами будут поставлены без всякого суда рядом с мужчинами под дула безразличных к человеческим судьбам винтовок.

По долине и замерзшему руслу горной реки, неровному льду и ближним вершинам, которые казались издали большими и неприступными, а на деле — по мере движения к ним — становились холмами, люди шагали ещё с упрямым, а то даже и с молодецким задором, но по мере сгущения сумерек, усиления холода и подхода тьмы все потеряли боевой дух и приуныли. В путь накануне тронулись поспешно, опасаясь окружения Лепсинска красными, и не взяли с собой почти ничего, что могло бы служить подспорьем или хоть небольшой помощью в дороге. Казаки с семьями шли без продуктов, лошади — без фуража, не было речи об огне, так как деревья в пути совсем не встречалось... ничего не встречалось... только скалы и долгие пустые дали, засыпанные снегом, неприхотливо украшенные вылезающими кое-где на поверхность ветками засохших кустарников... Воды не было тоже, а жажда с голоду мучила нестерпимо, и тогда люди хватали обугленными губами колючий наст из-под копыт лошадей и остервенело жевали его, хрустя, словно стеклом, ледяными кусками... Ничего не успели взять — лишь винтовки, холодные пулемёты и драгоценную Табынскую Божью мать, заступницу сирых да убогих, которую несли на руках три монаха во главе с игуменом Ионой.

Дутов командовал двигаться в Сарканское ущелье, которое через небольшое время вывело отряд на узкую карнизную дорогу, покрытую льдом и слежавшимся снегом... люди, скрепившись кое-как в тщётных попытках побороть свой страх перед ледяною бездною, двинулись друг за другом и растянулись длинной цепочкой вдоль отвесной скалы — казаки в худых шинелишках, измученные бабы, уже отчаявшиеся прибрать свои размётанные ветром волосы, дети, подростки, в ужасе цепляющиеся за материнские юбки... и едва бредущие, навьюченные сверх меры лошади, а в конце процессии — раненые, словно бы плывущие на носилках, в тёмной глубине своих утлых челнов, ведомых верными долгу товарищами... Впереди шла Табынская икона, и моление игумена Ионы растворялось в морозном воздухе, не достигая желаемых небес, — этот полувдох-полувывдох, этот жалкий всхлип из-

мученной гортани мог быть поддержан лишь верой и почти несбыточной надеждой...

Так тянулись они три дня и на четвёртый вышли к перевалу Кара-Сарык, на немыслимую для человека высоту. Дорога стала совсем узкой, и путники, оскальзываясь на обледенелых камнях, срывались в пропасть, лошади теряли вьюки, и тогда приходилось снимать с обессиленных животных поклажу и нести её в руках. Люди из последних сил карабкались вверх и падали, будучи почти у цели... звуки их тонких голосов, полных недоумения и ужаса, летели, отражаясь от каменных громад и вскоре затихали вдали, в сумеречных снежных схронах... Перевал штурмовали двое суток, и, когда наконец вышли на вершину, поднялся буран. Ветер выл и сбивал с ног, засыпая путников ледяною крошкой, но казаки продолжали идти... маленький отряд, продираясь сквозь колющие заросли пурги, держался с трудом, и последние силы его уже были на исходе... Атаман отстал и, пытаясь крикнуть что-то вслед уходящим, едва приподнял руку ... редкая цепочка впереди идущих была похожа на вереницу осуждённых солдат, гонимыхна шпицрутены... и тут Дутову показалось, что за ним кто-то смотрит, — он поднял голову, но увидел не хмурое небо, занесённое вихрями вьюги, а самого себя, — как в перевернутом зеркале — крохотного, едва различимого посреди циклопических далей безлюдной пустыни, лишённой тепла, света, человеческого жилья и самого человека... вот он стоит в средоточии жизненных дорог, а кругом — сотни километров неизведанных далей: многометровые снежные сугробы и гигантские ледники, горящие под звёздами потусторонним голубым светом, тусклым и жидким, таким именно, каким горит он в покойнических всего мира... за дальней горной грядой — глухой лес, которому, быть может, не одна тысяча лет и, если лететь над ним в метельной круговерти, широко раскинув послушные руки, — так, как птицы раскидывают крылья, и смотреть вниз, то не увидишь, не увидишь, хоть прогляди все глаза ни одной прогалины, ни одной поляны, где могла бы разместиться пусть небольшая деревенька, — ни огня, ни дымка, ничего! лишь сплошной массив чёрно-зелёных сосновых макушек, слипшихся, спёкшихся в чудовищный конгломерат бездушной материи... а где-то здесь в этих безразмерных, тянущихся, как резина, и пугающих своей бесконечностью далях хранятся алмазы, золото, серебро, спят среди скал призрачные кристаллы — хрусталь, изумруды, аквамарины, а в тёплых душевых

укривищах земного чрева сонно покачивается маслянистая нефть... горы пронзают своими пиками высокие облака, пытаясь пробиться на аудиенцию к Создателю, и пустыни дышат раскалённым песком, океаны вздымают волны, поглощая безвольные суда, сравнимые в этих масштабах с жалкими ореховыми скорлупками, и внутри земного шара клокочет бело-оранжевая магма, которая когда-нибудь же погаснет, когда-нибудь же остынет...

... Атаман стоял на вершине скалы, сдуваемый с лица мира яростным ураганом, и видел себя песчинкой, не значимой ни для чего, ни для кого... пройдут годы, и, однако, как им пройти, если все мы живём на планете в один общий миг, впрочем, — пройдут годы, и какой-нибудь школьник, открыв учебник, наткнётся на фамилию Дутов... Иванов, Петров, Македонский... разве значимы для истории наши фамилии, которые старательно вписывают в свои кондуиты борзые летописцы, добровольно берущие на себя труд перебрать и поставить вранжир песчинки прошлого? а кто вспомнит безымянные песчинки, канувшие безвозвратно, беспamięтно... сотни миллиардов так называемых простых людей, которые только и знали в своей жизни, что пахать землю, строить дома, охотиться, прожигать жизнь посреди мрачных Эльсиноров или ходить в постылую службу... да и сами летописцы, выронив из слабеющих рук уже на краю общей бездны свои испачканные чернилами перья, оставят после себя лишь исписанные листы или вырубленные в скалах письма, которые всё равно не устоят перед временем...

Мир плыл перед атаманом... горы, отражаясь в его глазах, клубились, кренились; он качнулся и едва устоял на ногах... воздух был редок и сух и царапал глотку, словно наждак, — Дутов лишь открывал рот, пытаясь вздохнуть... так он стоял под ветром ещё с минуту, покачиваясь из стороны в сторону и ощущая странную невесомость грузного тела... наконец тьма стала напозать на него, пожирая и без того уже едва видимый мир, он чувствовал, что теперьклонится вперёд, вбок... снежная целина опрокинулась и ударила его в лицо влажною ледяною коркою! Атамана успели подхватить проводники-киргизы, случившиеся поблизости... авангард отряда тем временем спускался уже по супротивной стороне перевала, люди, преодолев первую террасу спуска, падали в снег и лежали под ураганным ветром без сил, лошади жались к скалам, нависавшим с подветренной стороны, и у них дрожали от напряжения

сбитые о лёд ноги... проводники опутали безжизненное тело атамана верёвками и стали осторожно спускать с карниза, туда, откуда протягивали руки верные казаки. Внизу его кое-как привели в чувство и с трудом усадили на лошадь. Люди были изнурены, обморожены и шатались от голода, но по команде игумена Ионы, взявшего вместе с другими монахами драгоценную Богородицу, через силу поднялись и двинулись вниз, к китайской стороне...

Пройдя около тридцати вёрст и вырвавшись наконец из зоны мёртвых снегов, путники стали замечать сухие места и редкую ещё на этой высоте неприхотливую травку, потом стали попадаться и едва оживающие кустарники, быстро и жадно поедаемые оголодавшими лошадьми, наконец трава стала гуще, и люди остановились, чтобы передохнуть и дать животным возможность нормально пастись, но остановка была недолгой, и вскоре пошли дальше, чтобы уж в совсем тёплом месте устроить полноценную днёвку.

Сделав ещё один переход и достигнув берега Борталы, снова стали – в сухом месте, посреди яркой травы и весёлых долинных цветов, умылись, напились чистой воды и легли прямо на тёплую землю; придя в себя, принялись по приказу Дутова строить из зелёных веток кушу для Богородицы, так как шла Страстная Седмица и как раз был Великий Четверг; вот игумен Иона и пропел воспоминание о тайной вечери и поведал об омовении Христом ног учеников, а потом призвал православных помянуть молитву Господа в Гефсиманском саду... бабы плакали, и даже казаки, оттаяв душой возле чудотворного образа, утирали глаза, а игумен в заключение рассказал о предательстве Иуды. Атаман истова и тоже в слезах целовал образ, за ним целовали другие, — так совпало, думал Дутов, что мы спаслись аккуратно на Пасху и, стало быть, жить нам теперь долго и счастливо...

Все, кто выжил в опасном походе, были измождены так, что порой не узнавали друг друга, — страшны были сожжённые морозом лица, сухие губы, безумные глаза!

И игумен Иона, чтобы ещё поднять дух едва избежавших гибели, пропел Табынской Спасительнице благодарственный тропарь: «Наста днесь пресветлый праздник, Пречистая Дево, честная Твоя Табынская иконы, Владычице, яже паче лучей солнечных возсия, от Источника приснотекущаго, Христа, Бога нашего, источаеши целебныя дары с верою к Тебе притекающим, Тябо Христос Помощницу людям Своим дарова, покры-

вати и спасти от всякия беды рабы Своя, едину Благословенную...»

На окрестных холмах собрались конные люди и с недоумением разглядывали оборванных людей, плачущих и целующих умиленно чёрную от времени доску с изображением ясноглазой Заступницы. И, понимая их страсти, видя голодную тоску и оборванное платье, неграмотные степняки понукали своих коней, подъезжали ближе и, вынимая из полосатых курдюжонов посыпанные кунжутом тандырные лепёшки, протягивали их неведомым пришлецам.

Тут с берега, из-за низкорослых зарослей ивняка, — в том месте, где река делала излучину, выехал пестро одетый всадник на низенькой кобылке с короткой саблей в руке; плечи его украшали блестящие погоны, в которых играли солнечные лучи, а на голове красовался цивильный котелок, снятый, по всей видимости, при содействии таможни с какого-нибудь эмигрантского приват-доцента. За офицером трусили экзотические китайские солдаты числом не менее десятка в шароварах и куртках, расшитых иероглифами; на головах у солдат были цветные тубетейки, прикрывавшие угольные волосы, прямые и блестящие, заплетённые, впрочем, в тугие косицы, весело прыгавшие по их узким спинам, в руках китайцы держали громадные ружья, среди которых можно было узнать только басмаческие карамульки, прочие же были отлиты, может быть, даже и в XVIII веке. Офицер, подъехав, спрыгнул с коня, браво салютнул Дутову своею почти детскою саблей, озорно блеснувшей полуденным золотом и отразившей на мгновение высокое небо, учтиво снял оказавшийся слегка порыжевшим в ближайшем рассмотрении котелок, поклонился и на ломаном русском языке предложил следовать за ним.

Приведя отряд атамана в городок Суйдин, он сдал людей другому, очевидно, старшему по званию офицеру, который торжественно встретил их в расположении бывших казарм русской миссии, и также на ломаном русском, оказавшимся, правда, значительно хуже языка предшественника, поздравил всех с благополучным прибытием, после чего зачитал приветствие правительства и вежливо попросил сдать оружие...

Атаман снова сидел за своим антикварным столом, перечитывая завещание, написанное им третьего дня. Перед началом решительных действий завещание было необходимо, а сами действия, по всей видимости, уже не за горами. Не всякий отважится писать духовную в 41 год, но атаман написал,

поскольку смутное время, по его мнению, ещё не закончилось и вряд ли закончится в близком будущем, посему позаботиться о своём скудном имуществе следует загодя. Каким бы ни было положение в Совдепии, думал атаман, я не стану сидеть тут без дела, разбирая местные склоки да занимаясь хозяйственными делами, ведь я не интендант, а боевой генерал! стало быть, судьбою назначено мне воевать русскую землю да погибнуть в конце концов за неё! Красные стягивают в Семиречье войска, справедливо боясь моих казаков, которые станут биться, да и китайцы, беспокоясь, проводят мобилизацию с целью создания в Синьцзяне буферной зоны, — чтоб не позволить мне интернироваться повторно в случае неудачи на советской земле... у китайцев свои интересы — они боятся интервенции большевиков... так не приду же я снова просить милости у китайских властей! соберу войско и двинусь походным маршем на свою землю... Махно и Врангель уже сплотились и вместе рубятся против врага, Дон и Кубань тоже с ними, и даже страны Антанты помогают добровольческой армии живой силой, оружием, продовольствием и медикаментами... Бухара с Афганистаном поддержат здесь... В Джаркенте — Чанышев... 200 штыков... оттуда мы и начнём, займём город и пойдём дальше на запад... Князь же не подведёт, Князь поможет... ну, а коли не суждено победить, так умру, по крайней мере, в своей земле!

Перед поездкой в Суйдин Касымхан съездил в Ташкент, где имел краткую встречу с Петерсом и Давыдовым, которые проинструктировали его и вручили 20 тысяч золотых рублей, выделенных Наркомфином. По возвращении Чанышев организовал ряд встреч уже в Джаркенте и путём недолгих переговоров сколотил боевую группу из контрабандистов, которых хорошо знал, — люди те не нуждались в рекомендациях, Касымхан делал с ними дела не первый год и мог положиться на каждого, как на самого себя. То была самая настоящая уйгурская банда, укоренённая в однородной религиозно-национальной почве и скованная круговой порукой прежних афер. Никто из них не отличался образованностью, напротив, все они в своём довольно уже зрелом возрасте оставались едва грамотными, однако физической силы, смелости и сноровки было им не занимать. Их легальная жизнь текла у всех на виду, в другой жизни знали они бешеные скачки по сторонам границы, мешки с опиумом, засады в узких ущельях и стремительные нападения на караваны. Князь выбрал пятерых

— Ходжамиарова, Ушурбакиева, братьев Байсмаковых и Кадырова. Лидером и авторитетом был у них Махмуд Ходжамиаров, хладнокровный, жестокий и беспощадный, прекрасный наездник, стрелок. Эти люди не имели идеологии и уж, конечно, не могли руководствоваться в своей жизни какими-либо философскими догматами, им было глубоко плевать на белых и красных; знали они лишь наживу, признавали лишь силу и с одинаковым равнодушием резали и человека, и скот...

Атаман вдруг подумал, что надо бы посоветовать Князю перевести семью в Кульджу — пока не поздно; начнётся заваруха, будет не до того, да и в целях безопасности это стоило сделать. Чанышев развил активную деятельность, постоянно ездит, шлёт донесения, недавно прислал в Чимпандзе полсотни винтовок... как бы это не стало заметным... ведь ЧК на той стороне не дремлет... Ждать нам как будто нечего, пора начинать! Выступим, едва восстанет Джаркентский гарнизон, одним маршем достигнем границы, Князь перережет телеграф, отправит гонцов в Баскунчи, Баргузир, Апсинск... дальше — вся территория наша, расширим движение в сторону Верного, через Пржевальск северным берегом Иссык-Куля — к Пишпеку... подожжём регион! Дальше подыдем Чугучак, ведь Бакич не подведёт, — как может подвести истинный патриот, брат по крови, такой же славянин, как и мы? То было у него минутное малодушие, короткое сомнение, ведь сколько мы воевали вместе! и сейчас ещё повоюем!.. пора, пора!..

Уже неделю Чанышев с боевиками сидел в Кульдже, в просторном особняке своего дяди. Всё было готово, но постоянно мешали какие-то обстоятельства. Прошлым разом, когда в Китай прибыли Ходжамиаров, Кадыров и один из братьев Байсмаковых, группе не удалось не то что доехать до Суйдина, а и даже немного продвинуться вдоль границы — в 3-м пехотном китайском полку поднялось восстание, город оцепили правительственные войска, и входы в него были перекрыты. Это было в начале января, и с исполнением миссии всё тянули, так как Чанышев никак не мог выбрать какой-то один, заведомо чистый вариант. Приехал связной из Джаркента с паническими новостями, сообщил, что Ташкент и Москва нервничают, — Дутов, по имеющимся данным, спешно готовится к выступлению, и, хотя понятно, что он сильно преувеличивает свои возможности, позволить ему осуществить задуманное никак нельзя. При этом связной, пряча глаза, передал жёсткий

ультиматум Петерса: провести акцию немедленно, в противном случае семья Чанышева будет расстреляна.

В то же время в Кульджу, к игумену Ионе приехал молодой киргиз и привёз бумагу, сплошь заляпанную мелкими и крупными кляксами; в бумаге говорилось о необходимости принять срочные меры к усиленной охране атамана Дутова, поскольку над головой его уже занесён карающий меч революционного возмездия; на словах киргиз достаточно внятно изложил обстоятельства дела, но игумен не верил — или делал вид, что не верил, — в ярости изорвал он бумагу, накричал на связного и отправил в дунганскую мечеть клясться в своих словах на Коране. Киргиз пробормотал древнее проклятие, слышанное им от прадеда, плюнул, развернулся и поскакал прочь, — не было у него приказа ездить в мечеть, а был приказ доставить донесение и объясниться устно, — вот он в сердцах, будучи сильно обиженным на попа, но, не желая перечить ему, ударил камчой по сапогу да и отправился восвояси.

За ужином атаман был задумчив, рассеян, на вопросы Шурочки отвечал невпопад, и примечала она, что его занимают какие-то тяжёлые мысли. Отчего-то пришёл ему в ум друг Загорский, который всегда был расположен к казакам и много помогал отряду. Загорского Дутов знал давно и помнил его ещё по Омску, где как-то в редкую минуту упадка духа сказал ему пророческую фразу: «А ведь мы с вами, Анастасий Прокопьевич, ещё встретимся в Китае...» Они сидели в штабном вагоне на большой узловой станции, дорога была парализована замершими паровозами, оставшимися без воды и угля, — как туши гигантских доисторических животных, стояли мёртвые машины, покрытые ледяными наростами ... по путям сновали солдаты, жгли костры возле вагонов... ветер приносил глухие звуки артиллерийских обстрелов... а они сидели в вагоне и ждали неизвестно чего... ещё жив был Колчак, и надежды белых ещё не угасли совсем... перрон, видневшийся вдалеке, заносило пургой, и в окне вагона метался снег, раздуваемый метелью... «а ведь мы с вами, Анастасий Прокопьевич, ещё встретимся в Китае...» И ведь встретились, встретились... А и тут беспокойно... Не раз Загорский пенял атаману на недостаточное внимание к вопросам безопасности, укоряя его в отсутствии надлежащей охраны, — Дутов был беспечен, как юнкер, и всегда отвечал Загорскому в том смысле, что, мол, двум смертям, милостивый государь, всё равно не бывать, а одной, как известно, — хоть выверни шкуру — не миновать... «Мне

ж цыганка ещё в юности нагадала, Анастасий Прокопьевич, — говорил атаман, снисходительно поглядывая на собеседника, — что я успешно пройду две войны... буду ранен, — да! но легко, и после большого поражения обрету большую победу... а главное, — вы же знаете, я — фаталист, что случится, тому, стало быть, и судьба...»

Проснувшись ещё до рассвета, Касымхан более не раздумывал; наступало время решительных действий. Отбросив сомнения, он поднял товарищей и приказал быстро собраться. Пойдут трое, решил он, — Махмуд Ходжамиаров, Газиз Ушурбакиев; третьим в группе будет он сам, остальные станут на линиях прикрытия. К дувалу атаманских фанз подойдём поздним вечером, прикидывал он, не ранее двадцати двух часов, — в это время входные ворота обычно не заперты и усиленные ночные караулы ещё не заступили на вахту. Атаман в это время не спит, ложится он поздно; в городе и в казармах всё стихнет и потеряет внимание. К атаману войдёт Ходжамиаров, имея при себе древний девятимиллиметровый наган образца 1878 года, оснащённый механизмом двойного действия, который позволяет стрелку производить выстрелы, не утруждая себя взводом курка; пули в его револьвере будут отравлены, чтобы даже при лёгком ранении достичь желаемой цели. Если получится, как задумано, отходить станем в Кульджу, а не на границу, главное — оторваться от неизбежной погони и сбить с толку преследователей, ведь они наверняка возьмут направление к советской границе... Касымхан несколько не сомневался в успехе предприятия. Страх и опасения, конечно, были, ведь предугадать ход событий в точности не мог никто, — случайности или неожиданные повороты судьбы могли помешать делу. Поэтому в квартиру Дутова пойдёт Ходжамиаров... моё дело, решал Касымхан, — всё просчитать, выстроить, обдумать... и потом, — кто на протяжении всего последнего времени, рискуя собственной шкурой, готовил почву для опасной работы? Кто без конца ездил к атаману и рисковал головой, бесщётное число раз нарушая границу, кого подозревали в причастности к спецслужбам Совдепии и кого проверяли?.. кто исполнял опасные, а порой провокационные акты, завоёвывая доверие дутовской контрразведки? кто целых четыре месяца ходил под плахой и кого положили в конце концов между молотом и наковальней? Хватит с меня, пожалуй, той славы, которая уже есть, главное — родители, родственники, а голову пускай теперь подставляют другие. Одно дело — в горах, в

ущельях, что называется на большой дороге, где всегда есть возможность манёвра, где, нанеся удар, прыгаешь на коня и летишь вдаль, выбирая тайные, лишь тебе одному ведомые тропы... и совсем другое дело — в тесной фанзе, в маленькой полутёмной комнате... неизвестно, как среагирует противник, кто вломится со двора или выскочит из мрака соседних комнат... да ведь в спальне, кажется, ещё его жена... бабу придётся убивать! Впрочем, Ходжамиаров справится с этим прекрасно, ему, думаю я, и не впервой... ибо знаем мы за ним разные делишки... ничего! справится! Махмуд ещё и не такое вертел... Ну, а коли провал — с улицы у меня всегда будет шанс уйти, чего не скажешь, конечно, об исполнителе, которому намного сложнее будет в случае чего выбраться из фанзы...

Что ж, последний намаз перед трудной работой, и — в путь! Аузубилляхи мина-шшайтани-рраджим — прибегаю к защите Аллаха от проклятого сатаны... Аллаху Акбар! И проговорив «таслим» — как и предписано каноном — сначала направо, а потом — налево, Касымхан встал и, бросив короткую команду поделщикам, решительно направился к коновязи.

Восход ещё не алел, но небо уже окрасилось предутренним золотом и тою нежною розовою краскою, какую приобретает кумыс в пиале, налитый путнику возле одинокой юрты и отражающий далёкое закатное солнце, споро уходящее за край жайлау...

Атаман снова перебрал бумаги, лежащие на столе... письма, приказы, воззвания... и опять попался ему на глаза дипломатический отчёт прошлого века, извлечение из «Известий Туркестанского отдела Русского географического общества», — взяв брошюру, он рассеянно полистал её и... втянулся.

Ещё до того как дунганский вождь Мухамед Биянху вступил в схватку с войсками правительства, повстанцы в Синьцзяне были разгромлены ходжой Бузрукханом и его ставленником Якуб-беком, получившим впоследствии именование Аталык Гази Бадаулет, что означает «защитник веры, счастливец». Сначала Якуб-бек упразднил Урумчийское дунганское султанство, а потом стал узурпатором Кашгара и двинулся на завоевание других городов Восточного Туркестана. Со временем хуэй-цзу оказались меж двух огней — с одной стороны их теснил Якуб-бек, с другой — правительственные войска. Но они стойко держали свои крепости и сдавались только в исключительных случаях под давлением голода, и то потому лишь, что китайцы обещали им полную и безоговорочную амнистию. Так

было, например, в Манасе, который оборонялся два года, но был сдан после того, как в крепости съели последних собак. Полководцы противника гарантировали гарнизону жизнь и свободу, но нарушили слово, зверски истребив полторы тысячи хуэй-цзу. Потом Биянху только отступал. К осени 1877 года, потеряв часть своих боевых соединений, он занял оборону в Кашгаре, куда тремя колоннами двинулись китайские войска. Биянху сражался как лев, но под натиском озлобленной армии противника вынужден был отступить в пределы Российской империи.

Горы встретили повстанцев враждебно. В ущельях уже властвовали ледяные ветра, перевалы были укрыты снежными сугробами...

...Дутов вспомнил свой гибельный зимний поход, совсем недавний, ещё не изгладившийся из памяти, и ему сделалось дурно, будто б он снова терял сознание от страшной «туте-ки» — горной болезни, которая мучает человека усталостью, апатией и болями во всём теле, а потом стесняет дыхание и разрывает сердце...

... Ему снова привиделось: он стоит по колено в снегу на тёмной скале, и за ним наблюдает некто, — он представил, как вглядывается, почти ослепший от сияния льда, в бездонную высь, но видит не хмурое небо, занесённое вихрями вьюги, а самого себя, — как в перевёрнутом зеркале — крохотного, едва различимого на гигантских пространствах безлюдной пустыни, лишённой тепла, света, человеческого жилья и самого человека... вот он стоит в средоточьи дорог, а кругом — сотни километров неизведанных далей: многометровые снежные сугробы и гигантские ледники, горящие под звёздами потусторонним голубым светом, тусклым и жидким, таким именно, каким горит он в покойницких всего мира... за дальней горной грядой — непроходимый лес, которому, быть может, не одна тысяча лет и, если лететь над ним в метельной круговерти, широко раскинув послушные руки, — так, как птицы раскидывают крылья, и смотреть вниз, то не увидишь, не увидишь, хоть прогляди все глаза ни одной прогалины, ни одной поляны, где могла б примоститься пусть маленькая деревня, — ни огня, ни дымка, ничего, лишь сплошной массив чёрно-зелёных сосновых макушек, слипшихся, спёкшихся в чудовищный конгломерат бездушной материи... и кругом — насколько хватает взгляда — снег, снег, и клубящиеся морозным паром, схваченные по берегам оковами льда незамерзающие реки...

в этом аду бредёт побеждённый, но не сломленный Биянху с остатками своего войска; у этой разбитой армии нет иного пути, только вверх, только к небу, только в объятия Аллаха и, достигнув узкого ущелья Чак-Мак, отряды хуэй-цзу попадают в засаду: преследовавшие их войска учиняют здесь равнодушную резню — ослабевших от голода и холода инсургентов режут методично и без остервенения, — не испытывая к ним уже ни ненависти, ни вражды...

Но небольшая часть армии во главе с вождём всё же вырывается из этой кровавой каши и, на последнем дыхании преодолев завьюженный перевал в районе укрепления Нарын, спускается на территорию Российской империи под покровительство военного губернатора Семиреченской области, наказного атамана Семиреченских казаков Герасима Колпаковского...

Генерал-лейтенант Колпаковский был человеком чести и сумел защитить поверженных: в рапорте на имя туркестанского генерал-губернатора он просил защитить беженцев и не выдавать их правителям Поднебесной.

Биянху не выдали, но манчжурские власти всё продолжали искать его голову и даже подсылали к нему убийц.

Атаман в волнении перевернул страницу.

«Военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант Колпаковский — Токмакскому уездному начальнику, от 27 ноября 1878 г.

В городе Верном ходят слухи, что во время пребывания здесь Мухамеда Аюбадарына (Биянху) с людьми своими состоящий при нем дунганин по имени Хоза посещал находившихся тут китайских чиновников и совещался с ними о чем-то; многими высказывается подозрение, что переговоры касались выдачи китайцам головы дарына.

Так как посещение упомянутым дунганином китайских чиновников составляет непреложный факт, то ничего нет невероятного в том, что таковое посещение имело содержанием высказанную цель. Сообщая вашему высокоблагородию об этом известии, предлагаю Вам предупредить Биянху о готовящемся против него коварстве...»

С улицы послышался приглушённый шум, атаман нехотя отложил брошюру и выглянул в окно. В темноте ничего не было видно, входные фонари едва светили. Спустя несколько минут шум приблизился, и Дутов услышал приглушённый разговор на крыльце. «Кто идёт и за какой надобностью?» —

спросил приказный конвойной сотни Василий Маслов. «Связной Чанышева — Ходжамиаров! — был ответ. — Срочный пакет Его превосходительству!» — «Атаман, кажись, почивают уже», — неуверенно произнёс Маслов. «А ты, братец, изволь доложить», — с напором сказал Ходжамиаров, голос которого был вполне знаком Дутову. Помявшись перед дверью, Маслов вошёл. «Письмо, Ваше превосходительство», — виновато доложил он.

Безотчётный страх охватил атамана.

«Пускай завтра придёт, так и передай... — сказал он часовому. — Нездоров нынче!» Маслов вышел, через некоторое время вернулся. «Они сообщают — дело срочная... ты думаешь, грит, мне больша дорога нужна? Упрямству, Ваше превосходительство!» — «Хорошо, пригласи», — скрепившись, велел атаман. Маслов вышел, вошёл Ходжамиаров — пыльный, небритый, в грязной тюбетейке и мятом халате, мотнул головой в сторону икон, лихо козырнул, подал пакет. Дутов пристально посмотрел в глаза гонца, но полумрак комнаты не позволил вчитаться: неразличимая бездонная глубь темнела в зрачках связного. Атаман вскрыл конверт. Махмуд настороженно огляделся. Дутов дрожащими руками раскрыл бумагу: «... хватит ждать... пора действовать... я готов... дайте команду...» — «А где Князь?» — вдруг отрывисто спросил атаман. «Захворал, Ваше превосходительство», — не моргнув глазом ответил Ходжамиаров. «Так я голос его слышал у ворот», — суетливо выглянул в окно Дутов. «Не извольте беспокоиться, Ваше превосходительство, он нынче ждёт вашу милость у себя». — «Вы что себе позволяете? — вскричал вдруг атаман, взъярившись и закипев. — Как это он ждёт мою милость у себя?..» Тут Ходжамиаров проворно нырнул правой рукой за полу халата и выхватил оттуда древний девятимиллиметровый наган образца 1878 года... мгновение... Махмуд увидел прямо перед собой перекошенное от ужаса лицо атамана, расширенные глаза, открытый рот и вздёрнутые в изумлении брови... Дутов приподнял левую ладонь, словно пытаясь заслониться от выстрела, и выставил перед собою кисть, растопылив пальцы... другая рука осталась у него на уровне живота, так как он имел обыкновение держать её у последней пуговицы кителя... перед ним, заслоняя всю комнату и даже фигуру Ходжамиарова, зияло дуло нагана, и чёрная мушка его мелко подрагивала глаз... вот стол сместился куда-то вниз, — атаман опустил голову и увидел в сумерках комнаты яркую вспышку, однов-

ременно услышав рокочущий взрыв выстрела... в этот момент дверь с грохотом распахнулась и в помещение ворвался урядник Василий Лопатин, стоявший в сенцах... Ходжамиаров, медленно рассекая револьвером тягучий застоявшийся воздух атаманского кабинета и ощущая непомерную тяжесть металла, повернул руку, — ему казалось, что медленно, а на самом деле движение осуществилось в доли секунды... повернул руку... с усилием, словно одолевая сопротивление какой-то тугой пружины, нажал на курок... барабан револьвера щёлкнул... Махмуд сделал дополнительное усилие, чуть поднял оружие и выстрелил Лопатину прямо в лоб! урядник с шумом повалился на пол... в это мгновение за окном мелькнула маленькая белая вспышка и раздался чуть приглушённый грохот — будто эхо в горах... краткое ругательство по-узбекски... крики, бряцание оружия... Ходжамиаров оглянулся и выстрелил в атамана ещё... Дутов накренился всем телом и, безуспешно пытаясь схватиться за край антикварного стола, рухнул головой в проём спальни... Махмуд выскочил наружу, споткнувшись на пороге о тело урядника, быстро перебежал двор, вылетел за ворота, где ему мгновенно подвели лошадь — убийцы впрыгнули в сёдла, бешено взмахнули камчами и — понеслись галопом, взметая клубы снежной позёмки!

Утром следующего дня атаман покинул сей мир. Пуля, пробив правую кисть, угодила ему в живот. Слепое ранение.

Загорский, приехавший почти одновременно с доктором и отцом Ионой, застал в кабинете Дутова большой беспорядок, лужи студенистой крови и разбросанные повсюду бумаги. У стены стояла принесённая ради исцеления, но не сумевшая свершить чуда икона Табынской Богородицы. В спальне рыдала Шурочка. Атамана уже унесли; в дверях маялся растерянный фельдегерь Лопатин, отец убитого Василия Лопатина...

Загорский поднял с пола брошюру с надорванными страницами... знакомая вещь! рассеянно полистал... дипломатический отчёт прошлого века, извлечение из «Известий Туркестанского отдела Русского географического общества»... «...после смерти в 1882 году Биянху не оставили в покое. Манчжурские эмиссары не раз засылались на сопредельные территории для разыскания и похищения останков легендарного вождя хуэй-цзу. Голову Биянху хотели видеть во дворце императора, а тело его предписывалось без жалости сжечь и развешать прах врага посреди вечных тянь-шаньских скал. И могила героя была найдена в свой час на одном из погостов

провинциального Пишпека, разрыта и разорена, но, к неудовольствию осквернителей праха, в ней не оказалось костей полководца, — им пришлось довольствоваться созерцанием сгнивших брёвен и разбитых камней...»

Атамана похоронили в два часа пополудни следующего дня при огромном стечении рыдающего народа. Отпевал вождя игумен Иона. Кладбище в Доржинке, что в четырёх километрах от Суйдина, со дня своего основания не знало ещё такого количества скорбящих.

А через два дня морозною ночью могила атамана была разрыта, тело же его — вышвырнуто и обезглавлено...

... Они остановились перед выходом из ущелья и всмотрелись в светлеющий горизонт; восход ещё не алел, но небо уже окрасилось предутренним золотом и тою нежною розовою краскою, какую приобретает кумыс в пиале, налитый путнику возле одинокой юрты и отражающий далёкое закатное солнце, споро уходящее за край жайлау... лошади в нетерпении плясали под ними; Князь ухватил покрепче испачканный глиною и засохшею сукровицей курждун, выставил его, бешено гикнул и с силой вонзил шпоры в бока лошади! Обезумевшая кобыла взвилась на дыбы с громким ржанием и, перебирая ногами в воздухе, стояла так ещё пару секунд, а потом скакнула в неистовстве и — понеслась! Следом за ней сорвались двое других верховых; всадники летели уже по советской земле, по новой земле нового мира — три чёрные тени, три страшных человека, опьянённых своею удаley, ледяным ветром и свободой бесконечной дали, неслись безумным галопом по снежному насту, подставляя обветренные лица пощёчинам выюги — с криками, воплями, улюлюканьем, нещадно хлеща камчами тугие бока лошадей... Князь то кричал, упиваясь скачкой, то плакал и, выставляя вперёд полосатый курждун с жуткой ношей, словно бы предъявлял миру особые, очень важные для него доказательства... мрачные горы стояли вокруг, впереди — насколько хватало взора — тянулась пустынная равнина... Князь оглянулся: в отдалении, справа и слева от него, видны были сумеречные фигуры поделщиков, а дальше, растягиваясь длинным чёрным хвостом в сторону китайской границы, неслись незнакомые мрачные всадники в серебряных кирасах и золотых шлемах с плюмажами... Князь несколько не удивился, только взгляделся внимательнее — его конвой поспевал за ним, и воины крепко сжимали в руках мечи, палаши, сабли и тяжёлые топоры; мелькали в неровном строю луки и колча-

ны со стрелами, боевые ножи, арканы и тяжёлые плети, строй был ощерён пиками, под наконечниками которых трепетали флажки и ленты, а впереди реял посреди метельной пурги разноцветный бунчук! Топот копыт, истерика криков — словно бы впереди был противник, которого следует сокрушить, раздавить, смести с земли... они летели в бешеной скачке — и не было им преград в этом мире!

В глаза Князю ударило показавшееся из-за гор солнце... он оглянулся ещё: всадники медленно летели по-над землёй, и лошади их плавно перебирали ногами, задевая пучки сухой травы, торчащие над снежною коркою, мёртвые кусты, заледеневшие валуны... солнце вдруг вспыхнуло на кирасах и шлемах! и над трепещущими в метели плюмажами разлилось облако нестерпимого, безжалостно поглощающего весь видимый мир света...

В ночь с 6 на 7 февраля 1961 года в небольшой съёмной квартире на окраине Бостона Анастасий Прокопьевич Загорский взял, по своему обыкновению, коробку с коллекционными солдатиками, одетыми в мундиры армии царской России, и с удовольствием расставил их на столе. Коллекция его за долгие годы приобрела небывалый размер, — хоть сейчас открывай общедоступный музей, и в посетителях не будет нехватки.

Он имел солдатиков Древнего мира, Средневековья, эпохи Наполеона и, конечно, вполне современные; гордостью бывшего дипломата были редкие наборы воинов македонской фаланги, варварских племён и армии Фридриха Второго Великого. Зная коллекционную страсть Загорского, знакомые его и друзья в течение многих лет торопились потратить старинку наборами солдатиков, привозимых из разных стран мира или приобретённых в Америке на блошиных рынках, а то и в дорогих сувенирных магазинах. Любовно трогая солдатиков, перебирая их и переставляя, он думал о плате за квартиру, о необходимости завтра непременно сходить в овощной магазин, о деньгах вообще, о стирке, уборке квартиры... о детях и внуках, живущих в далёкой Австралии... солдатики стояли невозмутимым строем... он встал, погасил верхний свет, достал свечу... огонёк её робко затрепетал перед маленькими героями... сегодня сороковая годовщина гибели атамана Дутова... сколько воды утекло с тех пор, и сколько воинов разных армий погибло за это время... Впрочем, во всё время существования мира солдаты гибли... и будут гибнуть... безвестные солдаты и офицеры, и даже высшие офицеры, блиставшие когда-то

на полях сражений и на светских раутах, чьи имена гремели в газетах, а в древности высекались на табличках из глины, — обладатели титулов, орденов, наградных шашек, шрамов, увечий... великие полководцы и правители, фараоны, экзархи, цари, императоры, короли, цезари, кайзеры, тагаворы, негусы, шахи, шейхи, султаны, халифы, эмиры, ханы, беи, падишахи, богдыханы и махараджи, удостоенные дворцов, храмов, мавзолеев, пирамиды памятных стел, — где они, эти люди? канули, оставив свои имена на скрижалях истории, понятных и интересных лишь академическим старцам, или вот — оловянные солдатики, бледные тени ушедших героев, искажённые вековой перспективой невзрачные идола... и он, восьмидесятилетний старик — тоже едва уже различимый призрак канувшего в бездну прошлого... всё кануло, все канули... черноморский герой Бакич ушёл со своим отрядом в Монгольский Алтай, бился там до последнего и осенью 1921-го попал в плен под Улангом; в следующем году красные монголы выдали его Советам, он был привезен в Новониколаевск, где его вскоре и казнили после краткого судебного разбирательства. Анненков... с Анненковым всё было хуже, ведь он запятнал себя страшными насилиями... весной 1924-го китайцы устроили ему капкан, благодаря чему он был пленён командующим Первой Китайской народной армией маршалом Фэн Юйсяном, а потом через Монголию вывезен чекистами в Семипалатинск; судила его в 1927 году Военная коллегия Верховного суда и признала виновным в массовых зверствах над пленными и населением захваченных территорий, приговор — расстрел, он и не мог быть иным. Игумен Иона... епископ Иона — служил в Пекинской епархии, потом в Манчжурии, занимался благотворительной деятельностью, основал школу, приют для сирот, амбулаторию и аптеку... умер нелепо: от ангины и полоскания керосином...

Убийцы же атамана, получив от высшего руководства ЧК наградное оружие и золотые часы с гравировками, все погибли в свой час в 1930-х — от рук своих, ибо кому-то невыгодна была правда об убийстве в Суйдине...

И остался лежать где-то в китайском краснозёме — без головы, без креста, да, впрочем, и без могилы вообще — забытый родиной выборный войсковой атаман Оренбургского казачьего войска и походный атаман всех казачьих войск, Генерального штаба генерал-лейтенант Александр Ильич Дутов...

ИГОРЬ ПОДГАЙНЫЙ

РАССКАЗ

КТО РЯДОМ С ТОБОЙ

Заявляю сразу, это не выдумка и не фантастика. Хотя, как ни крути, сильно на неё смахивает. Однако всё-таки – быль.

Ливень лупил как бешеный, и потому мы с приятелем за- сиделись далеко за полночь. Дачка у него, что надо, - стоит в красивейшем ущелье, прямо над горной речкой. В ясный день – чудо-картина. Но когда хляби небесные разверзнутся, а над горными вершинами молнии разрывают небо и гром грохочет, словно палат тяжёлые гаубицы, - уже не до красот. Скорей бы вниз спуститься, в долину, в свой родной и уютный город. В Бишкек, бывший город Фрунзе, в котором я вырос, прожил почти всю жизнь, а несколько лет назад покинул.

Но тогда мы сидели и попросту пьянствовали. Ну, не так, чтобы очень, - пили хорошее вино и закусывали парными кот- летами, которые Светлана – жена приятеля, наготовила ему впрок, прежде чем уехать на какой-то симпозиум. Так что он чувствовал себя холостяком, и, похоже, ему такое состояние нравилось. Конечно, чего бы не нравиться, - улетела только вчера и оставила полный холодильник котлет. Живи, ешь, ра- дуйся. А вот моей половины уже две недели не видно и не слышно. И связи нет. Опять в командировке и неизвестно где. Секрет. Военная тайна. Если бы я знал, когда женился, в ка- кой таинственной конторе она работает, семь раз бы подумал, прежде чем сделать такой шаг. Я её люблю, это правда. Но когда подъезжаю к полосатому шлагбауму перед глухим за- бором, за которым разместился их так называемый научный центр, то начинаю тихо ненавидеть всех и всё, что там скры- вается. Главное даже не в этом, ко всему можно привыкнуть, но вот готовить себе, а потом ещё посуду мыть...

В общем, мы с моим другом испытывали разные чувства и, наверное, из-за этого затеяли совершенно глупый спор. Причина его не стоила и выведенного яйца, по крайней мере, мне тогда так казалось. И возражал я скорее из вредности, серьёзных аргументов у меня не было никаких. Более того, прекрасно ведь сам знал несколько достоверных историй, говоривших в пользу доводов моего оппонента. Суть же сводилась к следующему. Между устьем ущелья и столицей пролегла узкая и длинная долина, вытянутая с запада на восток и отгороженная от города цепью довольно высоких пологих холмов. Место это издавна считалось в народе нехорошим и даже в какой-то мере зловещим. Друг мой, известный в республике литератор и издатель, ссылаясь на старинные киргизские легенды, доказывал, что дыма без огня не бывает, и здесь явно не обошлось без потусторонних сил, а может, и пришельцев. Свою теорию он подкреплял ещё и ссылками на часто возникавшие на пшеничных полях загадочные круги и на постоянно появлявшиеся в долине НЛО. О, если бы не его апломб, возможно, я бы согласился с ним и остался ночевать. Но нет! В пику ему приводил какие-то доказательства, напрочь отрицавшие возможность любых, неподвластных нашему разуму явлений. И главным моим доводом (ну, не дико ли?) служило то обстоятельство, что даже заведение, в котором служила моя жена, располагалось на этой территории. А ведь знал, что и пшеницу здесь перестали сеять по причине боязни фермеров, и что время от времени неизвестно куда пропадают люди и скот, и что даже туристы опасаются ставить на этой земле свои палатки. Ещё мой отец рассказывал, как перед самой войной на этой узкой полосе вместе с солдатами-коноводами исчез табун строевых лошадей. Поиски ничем не увенчались, и специально созданная комиссия пришла к выводу, что красноармейцы коней продали, а сами ударились в бег. Лишь спустя несколько месяцев один из «дезертиров» вдруг объявился - без обмундирования, в какой-то не нашего покроя одежде, весь заросший и совершенно седой. На все вопросы нёс совершенную околесицу и в результате был признан невменяемым.

В общем, всё-то я знал, но, как только дождь закончил свою барабанную дробь по крыше, засобиравшись домой. И никакие уговоры хозяина остаться не могли меня удержать. Известно ведь, что пьяному — море по колено. А про нечаянную

встречу с автоинспекторами даже и думать-то не хотелось. Какая ГАИ в два часа ночи? Небось, третьи сны досматривают. Чувствуя себя вполне бодрым, я распрощался с гостеприимным хозяином, забрался в свою выдавшую виды машину и потихоньку тронулся с места.

Вверх от разогретого за день асфальта тянулись причудливые струи испарений, похожие в лучах фар на фантастические цветы. Дорога змейкой вилась вокруг дачных домиков, причудливо разбросанных на горных террасах, взбирающихся по склонам яблоневых садов и виноградников. Всё вокруг было умиротворённо, тихо и спокойно. Чересчур тихо и чересчур спокойно, даже собаки не лаяли. И это настораживало. Какое-то неуловимо-тревожное чувство вдруг овладело мной: может быть, так подействовал вынырнувший из-за тяжёлых туч расплывчатый жёлтый диск луны, а возможно, сказывались последствия нашего нелепого спора. Так или иначе, но что-то явно вносило диссонанс в эту сельскую пастораль.

Я уже спустился в долину, когда за последним поворотом неожиданно вспыхнули огни встречного автомобиля. Если бы только они: на его крыше мелькали проблесковые маячки. «Ну вот, влип» — инспектор уже стоял на середине дороги, размахивая светящимся жезлом. Что делать — газануть или остановиться? Разгорячённое винными парами сознание требовало решительных действий. И я уже совсем было поддался порыву, когда встречный свет внезапно погас, а у меня отключилось радио и заглох мотор. Двигаясь какое-то время по инерции, я, к своему удивлению, не увидел ни патрульной машины, ни милиционера. Мысль ещё не успела до конца сформироваться, как ослепла и моя БМВ. Кромешная тьма мигом окунула в черноту весь окружающий мир. Правая нога сразу врезалась в педаль тормоза, и это, полагаю, меня спасло.

* * *

Горячее солнце мгновенно нагрело металлический корпус, от духоты стало трудно дышать. Пришлось выбираться наружу. И здесь меня вновь охватило неясное, неизвестно откуда взявшееся беспокойство. Что-то случилось? ... Да, случилось! Местность кардинально изменилась. Асфальтированное шоссе исчезло, машина стояла на плотной, слежавшейся земле, покрытой стеблями сухой полыни. Гор не было и в поми-

не, вернее, где-то далеко на горизонте просматривались их смутные очертания. Зато неподалёку – метрах в ста – как ни в чём не бывало стоял тот самый инспектор и, словно заведённый, вращал головой. Я не видел выражения его лица, но, полагаю, оно было таким же глупо-растерянным, как и у меня. Его коллега сидел за рулём, так и не решившись покинуть насиженное место. Наконец, кажется, моя персона привлекла внимание хозяина дорог, и он не спеша, сохраняя показное достоинство, двинулся в мою сторону. Пока дистанция между нами медленно, но верно сокращалась, моя мысль судорожно билась над вопросом: куда это нас занесло?

- Попрошу предъявить документы, - не представившись, потребовал лейтенант. Был он такой весь чистенький, гладенький, молоденький, словно птенец, только что вылупившийся из инкубатора милицейской академии. Я недоумённо уставился на него, - похоже, парню изрядно напекло голову.

- Да ты хоть понимаешь..? – Но он меня не услышал. В остеклевенных глазах застыл безумный огонёк.

- Предъявите документы! – вновь уже более жёстко произнёс доблестный страж дороги и положил руку на кобуру. «Ну, точно рехнулся. Ещё пристрелит нечаянно».

- Сейчас, сейчас, одну секунду, - в моих словах отчётливо слышался испуг. Похлопал себя по карманам (не переиграть бы без репетиций) – пусто. – Достаяю, уже достаяю, – я боком протиснулся в кабину и резким движением выхватил из отделения для перчаток «беретту».

- Ну, - ствол пистолета смотрел чуть пониже козырька форменной фуражки, - положи пушку на землю и ... пять шагов назад. Живо! – Да, нужно было видеть, как у молодца затряслись руки, он даже не мог ухватить рукоять. Пришлось самому выбраться наружу и забрать его «стечкин». – Стой и не шевелись! – Я вернулся на своё сиденье и через секунду уже мчался по гладкой, как доска, равнине. Куда? Откуда мне было знать? Паники не было, но и становиться жертвой обезумевших стражей порядка желания не возникало.

Через некоторое время впереди замаячила длинная тёмная полоса, местами прерываемая куполообразными наростами. Очень скоро стало понятно, что мой путь пересекает неширокий рукотворный канал. Вдоль русла тянулись густые камышовые заросли с вкраплениями низкорослых деревьев. Знающему человеку одного взгляда было достаточно, чтобы

понять, что перед ним окультуренный тутовник. Его тонкие, как хлысты, ветви регулярно срезаются для пищи прожорливым червям тутового шелкопряда. И канал, и характерные формы подстриженных деревьев до боли напоминали ландшафт Ферганской долины. Не хватало только бескрайних хлопковых полей.

Чтобы осмотреться по сторонам, пришлось взобраться на земляной отвал, образовавшийся при рытье траншеи. На другой стороне стояла запряжённая осликом старинная арба с колёсами в рост взрослого человека. Точно такую я видел в историческом музее Ферганы, где в молодости проработал несколько лет. Повозка до половины уже была заполнена аккуратно уложенными жёлто-серыми плодами. Непередаваемый аромат свежесобранных дынь ощущал даже мой нос, - нос заядлого курильщика. Посреди небольшой бахчи с великолепным экземпляром в руках стоял седобородый аксакал и внимательно всматривался в мою сторону. Видимо, он слышал звук приближающегося автомобиля, но подслеповатые глаза не позволяли ему разглядеть чудо немецкого автопрома. Это же надо, как повезло, что не в Африке очутился! А поскольку вся моя жизнь прошла в Азии, то киргизским языком я владел довольно свободно, узбекский же отличается в основном произношением, да и подучить его пришлось когда-то.

- Эй! Дедушка! – закричал я по-узбекски. - Ассалам алейкум! Как поживаете? Как здоровье ваших детей и внуков? Хорош ли был приплод у ваших овец? – Я делал всё, как положено на Востоке. Однако, похоже, мой узбекский сильно обветшал за долгие годы, потому что дед ничего не ответил. Вместо приветствия он положил свою ношу на землю и прытко засеменил к своему средству передвижения. Забравшись на телегу и приставив ладонь козырьком ко лбу, знатный бахчевод наконец-то меня разглядел. А, скорее всего, увидел машину. И тут в его поведении обнаружились признаки явного помешательства. С пронзительным криком «шайтан» он свалился с арбы, закрыл голову руками и, упав на колени, уткнулся носом в жухлую траву. Островерхий колпак скатился, оставив на стриженном затылке только мягкую чёрную тубетейку. Изпод растопыренных локтей донеслись заунывные завывания попеременно с неразборчивыми заклинаниями. И что его так напугало? Я уже стал переживать: не случилось бы беды. Но нет, старик оказался крепким орешком. Он внезапно вскочил

и стал дёргать своего осла за узду, намереваясь дать дёру. Однако строптивое животное упёрлось всеми четырьмя ногами, и над степью разнёсся его возмущённый рёв. Это была последняя капля. Скарёдный дед, даже в минуту мнимой опасности не забывший о своём имуществе, выпустил постромки и с отчаянной лихостью бросился наутёк.

Да, появился повод задуматься, и кое-какие мысли на этот счёт в моей голове уже зародились. Следуя им, я быстро разулся и, перебравшись по колено в воде на другую сторону рукотворной преграды, похитил свёрнутый в скатку ватный халат и брошенный впопыхах войлочный колпак. Нет, не похитил, - произвёл бартерный обмен. Взамен оставил свою «беретту», - зажигалка, даже если она сувенирная, всегда в хозяйстве пригодится. Мне-то она уже ни к чему, всё равно здесь сигарет нигде, пожалуй, не купишь. Ослик - вот умное животное - получив ответный дар, сам тронулся с места и зашагал вслед за своим хозяином. А я, прихватив ещё оставленную на земле дыню, - не пропадать же добру, - убрался восвояси. Теперь оставалось только придать лицу и рукам тёмно-коричневый оттенок, поскольку мой загар явно не достигал до местного стандарта. Но это уже дело наживное при таком-то пекле.

* * *

По пыльному шляху, в толпе спешащих на базар дехкан, брёл нищий бродяга с перемётной сумой на плече. Голову его украшал старый войлочный колпак, на голое тело был наброшен стёганный ватный халат, подвязанный цветастым платком, а вместо новых брендовых туфель на ногах болтались порывевшие от времени азиатские сапоги-ичики. Сума - особый предмет его гордости - была скроена из модной сорочки, купленной в голландском бутике. Таков был новый облик нашего путешественника, то есть меня. Шёл уже десятый день моего пребывания во владениях славного хана Ормона. Машина осталась надёжно укрытой за полуразвалившимся дувалом заброшенного мусульманского кладбища (других здесь и в помине не было), дыня давно съедена, а мучительные голодные позывы требовали новой пищи и толкали к энергичным действиям. В одном из кишлаков удалось сменять у старьевщика туфли на ичики, чтобы приблизить образ памирского киргиза,

за которого я себя выдавал, ближе к оригиналу. Заодно выцоганил у него и кушак. Перевоплощение более-менее сошло с рук, поскольку у памирцев голубые глаза не редкость. Да и мой корявый язык теперь не вызывал особых подозрений. Главное, я быстро сообразил, что нищим здесь подают. Если, конечно, грамотно попросить и вовремя упасть в пыль, когда муэдзин призовет к очередному намазу.

И вот теперь я шёл в столицу ханства, а в суме моей болтались две чёрствые лепёшки и завернутый в лист лопуха приличный кусок овечьего сыра. Голову вот уже который день будоражили только две мысли, если, конечно, не брать в расчёт требования желудка. Но это, как вы понимаете, к мозговой деятельности не относится. Так вот, первая мысль касалась моей бедной жены. Что она подумает, когда не обнаружит оставленного на хозяйстве мужа? Не дай бог решит, что он тихо сбежал к другой? Как ей потом объяснить? Развивать эту тему не было никакого смысла, но мыслишка настойчиво стучалась. Вторая дума была гораздо более прозаической. По некоторым признакам я делал вывод, что европейцев здесь ещё в глаза не выдывали. В книгах же приходилось читать, будто два ретивых англичанина, пытавшиеся проникнуть в столицу под видом странствующих дервишей, были обнаружены и живо лишились голов. Это обстоятельство серьёзно напрягало. С другой стороны, только в большом городе можно как-то устроиться, осмотреться, изучить нравы. Глядишь, какой-никакой бизнес удастся открыть. Опыт-то есть.

Среди попутчиков попадались разные люди. Кто-то мне поведал, что всю власть в стране прибрал к рукам главный визирь Мадамин-бек и сам Ормон-хан ему никогда не перечит. Этот визирь уже трёх правителей пережил. Другой абориген, погонщик небольшого стада мулов, посоветовал в главные ворота города не соваться, мол, охрана не пропустит такого оборванца. От него же я узнал, что в Коканд - а мы шли к нему - ведёт целая дюжина дорог и лучше войти через другие ворота со скотоводами. Совет показался мне дельным, только, к сожалению, у меня не было при себе ни коровы, - вот ведь оказия! - ни даже захудалой овцы. Идти же порожняком - слишком большой риск нарваться на ненужные вопросы. Ещё за бухарского шпиона или конокрада могут принять. Здесь с такими тоже не церемонятся. Призадумавшись, я шагал рядом с погонщиком, и как-то само собой получилось, разоткро-

венничался и поведал ему свою грустную историю. О тяжелой безрадостной жизни бедняка-памирца, о дырявой, продуваемой ветрами юрте, злых родственников и кровопийце бае, отобравшем за долги последнего барана. Чуть было не ляпнул, что баран, как реликвия, переходил по наследству из поколения в поколение, но вовремя спохватился. Иногда меня заносит, беда... Я помогал Юсуфу, так звали моего нового знакомого, подгонять отставшую скотину и одновременно слушал рассказы о жизни местного люда, о кокандских базарах, о ценах на дрова и об узбекских красавицах. Я, правда, ни одной не увидел, потому как местные женщины прикрывали головы такими густыми занавесками, что выглядели все на одно безликое лицо.

Так мы и шли, коротая время за разговорами, пока не достигли высоких крепостных стен славного города Коканда. Подобраться к нужным воротам оказалось не так-то просто: путь, на случай осады, преграждали целых три рва. Резко бил в нос застаревший смрад гниющих тины и водорослей, однако, похоже, данное обстоятельство никого не беспокоило. Перед единственным бревенчатым мостом, служившим переправой, царили шум, гам, толкотня, - все стремились пробраться вперёд, оттолкнув ближнего. Мы не лезли. Стойко терпели несколько часов и, выждав момент некоторого затишья, наконец-то проследовали внутрь цитадели.

Стражники, которыми меня пугали, к службе относились со всем рвением, им было не до нас: проигрывали в кости деньги, собранные за провоз товаров. Алебарды, за которыми никто не присматривал, валялись поодаль - можешь брать и уходить. Хорошая работа, что ни говори! Сам бы устроился, но имелись серьёзные опасения по поводу фейс-контроля.

На первом же перекрёстке я собирался попрощаться со своим разговорчивым товарищем, но он вдруг предложил помочь ему быстрее распродать живность. Наверное, нашёл во мне родственную душу. Честно говоря, о таком обороте можно было только мечтать. Пришлось отложить все срочные дела и согласиться. Как отказать хорошему человеку?

Мы остановились в обшарпанном, готовом рухнуть при первом же землетрясении, караван-сараях. Заведение служило приютом для таких же торговцев живым товаром и, очевидно, пользовалось широкой популярностью. Свободных номеров не было и не предвиделось. Подобные подарки судьбы здесь,

однако, никого не смущали, не смутили и Юсуфа. Что же касается меня, то я уже начал осваивать профессию – то ли бродячего нищего, то ли странствующего дервиша. Поэтому, загнав мулов в разделённый на отсеки загон, мы устроились рядом с питомцами. Из соседнего сарая натаскали старой соломы и устроили апартаменты под открытым небом. Получилось довольно изысканно и романтично: мягкое ложе, высвеченный азиатскими звёздами небосвод и музыкальное сопровождение с блеянием овец, всхрапыванием лошадей и басовыми нотами ревущих верблюдов. К этому в качестве бесплатной услуги стоит прибавить непрерывное жужжание вездесущих оводов-кровососов. В общем – экзотика. Ну, и, конечно, экономия средств. Не моих, понятно.

Несколько дней мы занимались только тем, что распродавали пригнанную скотину. Дело двигалось недурно, и её хозяин пришёл к выводу, будто я и есть тот самый счастливый случай, принёсший удачу. И, между прочим, без всяких намёков с моей стороны. В результате мною были заработаны первые деньги в этой стране – целых три серебряных тенге. Конечно, надо было бы их обмыть, но местный люд ничего не слышал о нашем древнем обычае, и потому они остались неистраченными.

Юсуф - спасибо ему, - прежде чем отправиться в обратный путь, не отказался послужить гидом и показать мне столицу. Хотелось увидеть её основные достопримечательности. Например, как выглядел ханский дворец почти два столетия назад. Но именно к нему проводник идти никак не хотел, и стоило большого труда его уговорить. Почему, стало понятно позже.

Мы долго шли узкими кривыми улочками меж приземистых глинобитных строений с плоскими земляными крышами. И на всём пути не увидели ни одного окна, обращённого наружу. Уже в конце своего променада по хлипкому деревянному мостику мы перешли тихую замутнённую речушку. По обоим берегам её, под тёмной зеленью плакучих ив, притулилось несколько стареньких чайхан – неприменных атрибутов Востока. День только начинался, но на дощатых помостах, скрестив ноги, уже восседало несколько аксакалов, обсуждавших за чашкой чая утренние новости.

А в воздухе уже витал многоголосый гул, далеко разносившийся по водной глади, - мы приближались к конечной

цели нашей экскурсии. На это же указывали и группы зевак, спешивших в одном с нами направлении. И уже совсем скоро выбрались на широкую площадь, где толкалась уйма народа. Если сказать, что открывшаяся панорама впечатляла, то не сказать ничего. В глаза сразу же бросалось величественное здание, украшенное великолепным порталом с высоченной аркой в форме нераспустившегося бутона. С обеих сторон дворца взметнулись высоко вверх два стройных минарета. И минареты, и сам дворец снизу доверху покрывал изумительный по красоте мозаичный орнамент. Во внутреннем дворе, прятавшемся за аркой, выстраивались в линию конные гвардейцы. Офицер, гарцуя перед строем, тщетно пытался добиться нужной слаженности. Я с сарказмом наблюдал за его стараниями, когда почувствовал сильный толчок в спину. Взгляд невольно переметнулся в сторону невоспитанного гражданина и... Что это? Дрожь пробежала по всему телу, слипшиеся от жары волосы сами собой зашевелились под колпаком. Было от чего содрогнуться: по всему видимому периметру площади, через равные промежутки торчали тонкие длинные шесты с насаженными на острия отрубленными человеческими головами. Тут уж стало не до красот, любоваться архитектурными изысками расхотелось напрочь. Я мгновенно сообразил, что, будучи европейцем, имею все шансы разделить незавидную участь бедных искателей приключений с берегов Темзы. Самое время сматывать удочки. Глаза забегали по сторонам, выбирая, в какую бы улочку удобнее нырнуть. Но сзади активно напирали, вновь подходящие любители поглазеть. Толчея и разногласия усиливались, гортанная речь и крики сливались с топотом и ржаньем лошадей неведь откуда появившихся всадников.

- Ханский конвой! Сегодня опять будут кого-то казнить, – прокричал в ухо провожатый. – Хан, конечно, справедлив, но я не могу на это смотреть. Напрасно с тобой пошёл. – Только теперь я заметил эшафот, представлявший собой невысокий помост, который почти полностью скрывала пёстрая, волнующаяся толпа. Между дворцом и лобным местом возвышалось ещё одно сооружение, устланное дорогим – сразу было заметно – ковром красно-коричневой расцветки. Явно – трибуна для высоких особ. А Юсуф дёргал меня за рукав: «Давай, давай уйдём отсюда, потом не выберемся». – Я в своей жизни, понятно, никогда не видел казни, тем более восточной. И, не-

смотря на природное любопытство, никакого желания не испытывал; здесь наши стремления с гидом совпадали. Изю всех сил, толкаясь локтями, мы начали пробираться назад сквозь людской поток. Не тут-то было. Нас разворачивало, крутило, вертело и несло, словно щепку в гигантском водовороте. В какой-то момент живая волна оторвала нас друг от друга и утянула в разные стороны. Больше Юсуфа я не видел. А в это время кто-то, перекрикивая вселенский шум, завопил тонким пронзительным голосом:

- Расступись! Дорогу Мадамин-беку! Расступись!.. - Сам великий визирь решил почтить своим присутствием кровавое зрелище. Море голов качнулось в одну сторону, в другую и, словно ледокол во льдах, в толпу, разваливая её надвое, врезалось несколько всадников верхом на прекрасных белых аргамаках. Все как на подбор, в белых ниспадающих плащах и пышных алых турбанах. Без устали, работая нагайками и круглыми щитами, они прокладывали дорогу затканному золотом закрытому паланкину. Четверо мускулистых рабов, шагая в такт, осторожно несли драгоценную ношу на могучих плечах. Три чёрных полуобнажённых африканца шли молча, а один носильщик, явно европейского происхождения, с прямыми русыми волосами и светлыми глазами всё время что-то бормотал себе под нос. Что именно, из-за адского шума расслышать было совершенно невозможно. И лишь когда носилки проплывали мимо, до меня донеслись такие родные, всем знакомые непечатные выражения великого и могучего.

- Земляк! — заорал я, совсем забыв от изумления, где нахожусь и чем рискую. Он дернулся всем телом, будто ошпаренный кипятком. Паланкин дрогнул. В тот же миг откинулся полог, до сей поры скрывавший знатного седока. На меня в упор уставились глубоко посаженные чёрные глазки на морщинистом широкоскулом лице. Щёки и подбородок закрывала густая, аккуратно подстриженная тёмно-рыжая борода, а на голове вельможи покоилась чалма зелёного цвета, украшенная огромным рубином.

Скрюченная коричневая ручка, очень похожая на высушенную куриную лапку, выползла из широкого рукава и ткнула в мою сторону. Её владелец при этом хитро подмигнул одним глазом, хотя, возможно, мне показалось. Волосной покров раздвинулся, открыв полный рот золотых (!) зубов, и главный визирь, всё так же глядя в упор, выплюнул несколько отрыви-

стых слов. К сожалению, их смысл пролетел мимо моих ушей. Немедленно один из нукеров развернул коня в мою сторону, и я интуитивно понял, что пора спасаться бегством. Пригнувшись, головой вперёд, бросился в толпу и - откуда такие силы взялись - продрался через частокол ног. Моя замечательная нищенская сума с остатками сыра оторвалась и осталась кому-то на память. Но сейчас было не до неё, требовались рекордные секунды. Я мчался во всю прыть, тараном сбивая припозднившихся зрителей. При одной такой сшибке что-то тяжёлое и твёрдое заехало мне под ребро. Ба, да это же миллицейский пистолет, засунутый за пояс, а я и забыл про него. И, - вы не поверите! - в эти минуты дикой погони, когда сзади уже был слышен топот копыт, когда полы халата мешали бежать, а войлочная шляпа пыталась упорхнуть, мои мысли занимали золотые зубы Мадамин-бека. Нет, ошибки быть не могло, они действительно были из драгметалла. Как это понимать?! И ещё, он действительно подмигнул или веко дёрнулось?

Жгучая боль ожгла шею - гнавшийся следом аскер, осадив коня, огрел-таки меня плёткой. Ну уж нет! Не на того напал! Я отскочил в сторону и выхватил пистолет. Первый выстрел, как полагается, был произведён в воздух. Но нападавшего хлопок и свист пули несколько не смутили - такого оружия здесь ещё не знали. Плеть вновь взметнулась гибкой змеей. В ответ палец плавно потянул спусковой крючок, и шикарный тюрбан покатился под конские копыта. Левая щека всадника мгновенно окрасилась кровью, а вместо уха остались рваные клочья. После этого ему оставалось только свалиться с лошади, что он довольно неуклюже и проделал. Теперь можно было спокойно уходить. Я и ушёл, забрав заодно и спрятав под халат клинок побеждённого противника. Уж извините, трофеев есть трофеев. Уверен, на моём месте так поступил бы каждый.

* * *

Уже вторые сутки в ожидании своей участи я сидел в ханском зиндане, душной подземной тюрьме. Наказание, по всей видимости, предстояло отнюдь не завидное: за незаконный переход границы, за нападение на представителя власти, за неуплату таможенной пошлины, за то, что - кяфир, естественно... Что там ещё? Незаконная предпринимательская деятельность? Безусловно, её тоже пришьют. Как ни кру-

ти, а казнь такому закоренелому преступнику обеспечена со стопроцентной вероятностью. Настроение, сами понимаете, было препоганое. Даже осознание того, что я – первый из современников, кто побывал в средневековой восточной тюрьме, не тешило самолюбия. Находясь в каменном мешке, я вновь и вновь перебирал в памяти все три недели кокандского счастья. Где и в чём была допущена роковая ошибка? Как будто в этом имелся какой-то глубокий смысл. Как будто от этого зависело моё спасение.

Казалось бы, все предпринятые мною действия совершались обдуманно. Солдатский палаш со всеми предосторожностями был обменен в маленькой убогой кузнице на национальный узбекский нож. Ещё и капитал возрос – в доплату прилагались пять тенге. В тот же день на одном из рынков я купил хну и выкрасил изрядно отросшие бороду и усы в тёмно-рыжий цвет. Одновременно совершил операцию по сбриванию ножом своей светлой шевелюры. Ночевал в кустарнике на берегу речушки. А уже на следующий день провёл маркетинг на самом большом кокандском базаре – прикидывал, чем можно заняться при моих скромных капиталах. Приценивался, торговался, выспрашивал – всё по науке. Заодно сторговал за полцены тубетейку вместо заметного поношенного колпака и почти задаром приобрёл помятый, зато большой кумган. Это такой длинноносый сосуд для воды. В тот же день удалось устроиться гастарбайтером к одному из чайханчиков. Резюме, как и трудовая книжка, не потребовались – с оформлением на работу в ханстве гораздо комфортнее, чем у нас. В мои обязанности входило встать в шесть утра, нарубить на куски твёрдого, как железо, саксаула, затопить тандыры и натаскать в бак воды из колодца. И всё – весь день в моём распоряжении. Вечером же требовалось выдраить три огромных котла. Всего только. Зато за ударный труд полагались двухразовое питание и постель в сарае, где личинки тутового шелкопряда пожирали листву и вили свои коконы.

Мы ударили по рукам, и полноценная трудовая жизнь началась. Утром и вечером я батрачил на хозяина, а днём занимался бизнесом. Средство производства в фирме уже имелось – тот самый немного помятый кумган, а рабсила досталась вообще дармовая, поскольку ею был я сам. Технологический процесс сложностью не отличался: набрать в сосуд

холодной воды, а затем бегать с пиалой в руках по клиентам и наливать, наливать, наливать... Рабочей площадкой служил огромный, даже по нашим меркам, азиатский базар. Народу - пруд пруди. Условия труда – дай Бог каждому: полная занятость, независимость и в придачу союзница в виде сумасшедшей жары. Сразу стало ясно, что выбор бизнес-проекта сделан правильно: монеты струёй текли в карман, предусмотрительно пришитый изнутри к халату. Уже скоро меди и серебра набралось так много, что по примеру Буратино пришлось часть металла закопать в надёжном месте. Фирма процветала, а накопление богатств засасывало. Наконец-то пришло понимание психологии олигархов. Справедливости ради следует признать и наличие некоторых негативных явлений. Ну, как без них обойтись? С одной из таких проблем – «наездом» алчного сборщика податей, разобраться удалось достаточно легко, благо опыт общения с налоговиками имелся. А вот со вторым явлением – завистью коллег по цеху, таких же водоносов, справиться оказалось гораздо сложнее. Чем активнее и быстрее я работал, тем большей злобой наливались их глаза. До мордобоя дело пока не доходило, но...

Мне, однако, требовалось продержаться ещё некоторое время. Я подсчитал, что при таких доходах и полном отсутствии трат через пару месяцев смогу купить арбу с ослом и к зиме заняться совсем иной деятельностью. Про нефть и газ в ханстве и слыхом не слыхивали, зато здесь в неимоверном количестве произрастал саксаул. Неподалёку. В пустыне. Бесхозный!!! Появилось страстное желание прибрать постепенно к рукам этот неиссякаемый запас топлива. А там глядишь... Дальше можно не продолжать, думаю, и так понятно.

К великому сожалению, всё рухнуло в одночасье: и работа, и планы, и свобода. Ночью приснилась жена: плакала и требовала немедленно прикрыть лавочку и вернуться домой. Я и сам чуть не разрыдался во сне. А спозаранку по мою душу явился чуть ли не целый взвод местных жандармов. Да все при оружии! Молча, без объяснения причин, без предъявления ордера, заломили мне руки и поволокли на заклание. Ясно, конечно, что такой отъявленный преступник был объявлен во всекокандский розыск. Но без улик да при изменённой внешности найти меня не смогла бы даже российская полиция. Нет, никак не могли меня выследить. Скорее всего, это

дело рук конкурентов. Они, они сдали. О времена! О нравы! И если первые меняются, то вторые остаются неизменными.

И только логические построения сложились в стройную конструкцию, как сверху в узком бутылочном горлышке моей камеры загремел засов и ржавая решётка открылась с пронзительным скрипом. Для чего её там приладили? Даже тренированная обезьяна и та не взберётся по каменным наклонным стенам. Сверху спустилась сучковатая кривая лестница, и грубый голос бесцеремонно приказал выбираться. Очевидно, там уже всё решили. Осталось только, как пишут в романах, достойно принять вызов судьбы.

Наверху дали умыться и вместо бывшего на мне продрванного во многих местах халата заставили накинуть другой – чистый и нарядный, наверное, только что из химчистки. Для чего устроили этот маскарад? Чтобы руководству представить как неуловимого вражеского агента? Заработать дивиденды? Возможно. Вполне возможно. Еле-еле успел узелок с праведно нажитым капиталом переложить в брючный карман. Всё с собой унесу, ничего не оставлю наёмникам тирана, – да не продлит Аллаха его дни. Вот пистолет, жаль, отобрали ещё при аресте, как бы мог пригодиться.

Конвоировали меня два стражника, экипированные словно бойцы спецназа. Один – с обнажённой саблей шёл впереди, другой замыкал шествие. Видимо, их надлежащим образом проинструктировали, потому как держались они на почтительном расстоянии. Но у меня и в мыслях не было совершать побег, куда тут убежишь? Можете не верить, но по пути я обдумывал речь, если предоставят последнее слово. Решил призвать народ к свержению режима и провозглашению ремесленно-дехканской республики. Каждый чайханщик сможет стать депутатом. А что? В конце концов, больше одной головы не потеряю, зато, глядишь, потомки этих людей когда-нибудь вспомнят и оценят.

Пройдя длинными и запутанными коридорами, мы остановились наконец перед широкой двустворчатой дверью. Конвоиры, как по команде, встали по сторонам и взяли клинки «на караул». В моём же воспалённом мозгу мелькнула жуткая догадка, что за порогом скрывается яма с голодными тиграми. А вокруг, на усталых коврах лежах, расселась вся кокандская знать в ожидании представления. Ну, конечно! Вот сейчас сделаю шаг... И не будет пламенного обращения к народу!

И не будет героического конца!

- Входите и перестаньте трястись, как бараний курдюк – приглушённо донеслось из-за двери. Надо же, как вежливо, - на «Вы». Я сделал глубокий вдох, мысленно послал всем близким прощальный привет и шагнул вперёд...

Глазам моим предстала удивительная картина. Она не показалась бы таковой, если бы дело происходило в другое время и при других обстоятельствах. За круглым столиком, уставленным всевозможными яствами, облокотившись на вышитые подушки, восседал... Нет, это не сюжет из сказок «Тысячи и одной ночи»! Передо мной в расшитом золотом халате, без чалмы, реально сидел могущественный вельможа – Мадамин-бек собственной персоной. Его круглый, как казан, череп украшал чуть-чуть отросший седой ёжик. Глубокие морщины, словно густая паутина, избороздили лицо, придавая ему близкое сходство с печёным яблоком. Зато запавшие в глазницах чёрные блестящие угольки выглядели удивительно молодо и, словно лазером, прожигали тебя насквозь. Я онемел и буквально прирос к полу. Готов был к чему угодно, но только не к такой встрече. Но это распустились ещё цветочки... А ягодки, ягодки повергли меня в глубочайший шок, когда старец на совершенно правильном русском языке предложил мне не очень стесняться и чувствовать себя по-домашнему.

- Ваше пре... пре - вос - хо – дительство, - выдавил я из себя. Но он перебил: «Чего уж там. Называйте меня просто Мадамин-ака. Мы же свои люди, Игорь Андреевич?! Не правда ли? – Чем дальше, тем становилось интересней. Мои глаза, чуть не выскочившие от изумления из орбит, вернулись на своё законное место. «Свои люди»? – Может, сейчас должность губернатора предложит?

- Да Вы присаживайтесь. Ешьте, пейте. Небось, оголодали в наших, так сказать, пенатах?!» - Вновь блеснули золотые коронки. «Где ему их поставили?»

- Не спешите. Время у нас ещё есть. – «Что он хочет этим сказать? На что намекает? Накормит, а потом..?» А он словно и не замечал моего замешательства.

- Что ж это Вы, голубчик, запропали? Вас ищут все, а Вы?... Убегаете, знаете ли.... – Язык уже мне повиновался – выручили сутки голодомора в зиндане. Отвечать с набитым ртом, конечно, неэтично, но другого выхода не было.

- Уважаемый Мадамин-ака, а не по Вашему ли приказу

меня, словно зайца, травили Ваши аскеры? Хлестали плётками, как какого-нибудь холопа. Саблями махали....

- М...да-а-а. Такого, как ты, зарубишь, пожалуй. - Он тактично перешёл к более фамильярному обращению. - Я, признаться, тогда ещё не знал, что ты приземлился у нас. Информация-то была... Да... Но думал, тебя в Бухару занесло. А ты, смотри, какой приткий оказался. - «Ну, лжёт ведь. Профессионально. Явно тогда на площади меня узнал, подмигнул даже».

- Извините, может, что не так скажу. Голова кругом идёт. Объясните, пожалуйста... - Выражение лица собеседника на мгновение приняло иное выражение, и мне показалось, что этого человека я уже когда-то видел. Раньше, раньше...

- Ну, да ты ешь, ешь. Не отвлекайся, - перебил бек, отхлёбывая зелёный чай из расписной пиалы, - а я подумаю, стоит ли? - «Он что, мои мысли читает?» А ясновельможный визирь надолго погрузился в размышления, давая возможность гостю без устали набивать утробу. Молчание он прервал минут через десять, неожиданно начав вводить меня в курс нелинейной или какой-то там физики. От такого кульбита в нашем диалоге я, честно говоря, чуть не подавился, но выдержку проявил и изумления не выказал. Более того, слушал внимательно, как нерадивый студент слушает профессора, втолковывающего тому прописные истины. Понял, конечно, далеко не всё, но кое-что всё-таки дошло.

Из объяснений следовало, будто время в философском понимании - это одно, а в физическом - нечто иное и имеет очень сложную природу. Время обладает рядом уникальных свойств, одно из которых можно в упрощённом виде представить как пружину сжатия - тот же обыкновенный амортизатор. Чем сильнее его сжимать, то есть погружаться в прошлое, тем с такой же силой оно будет выталкивать нас в настоящее. Но для того чтобы проникнуть вглубь веков и для того, чтобы возвратиться, требуются особые условия, которые природа не предусмотрела. Да и не могла предусмотреть, поскольку это противоречит её функциональному развитию. Зато разумные существа... впрочем, неподготовленному человеку это сложно понять.

Окончание его короткого монолога носило обращение непосредственно ко мне.

- Когда стартует НАШ космический челнок, Мы уводим его в прошлое с таким расчётом, чтобы по прибытии в задан-

ный район пространства он оказался уже в настоящем времени. Главное, пойми, что в физическом смысле у времени есть только прошлое и настоящее. Будущего нет, поскольку оно не наступило, а потому и проникнуть в него нельзя. Это всё ваши фантасты напридумывали... Только в прошлое! Только в прошлое! Сложно, да? Но ты ведь сам хотел спросить. Не правда ли?

- Ну, что Вы, Мадамин-ака, - ответил я, проглотив последний кусок, - всё очень даже понятно. Вы, значит, не человек, а пришелец. Присматриваете за нами, - вдруг что-нибудь создадим или изобретём такое, что вам может пригодиться... До чего сами не додумались. Короче, занимаетесь промышленным шпионажем. Только почему Вы лично забрались в феодальное прошлое, а не внедрились в какую-нибудь современную лабораторию? - Сытый желудок и отмена ожидаемого наказания придали мне нахальства. - Вышли на пенсию и - сюда, на заслуженный отдых? Почётное положение, власть, льготы. Что ещё по статусу полагается? Гарем, наложницы? - К моему удивлению, бек не обиделся, не рассердился. Его лицо расплылось в широкой улыбке. Мне же оно вновь кого-то смутно напомнило.

- А ты хочешь со мной поменяться? Хе-хе! Боюсь только, не утвердят тебя, знаний не хватит... Да и мозг ещё недоразвит. - Бек вновь надолго умолк, видимо, соображал, стоит ли продолжать со мной разговор на скользкую тему или же поставить точку. - Не могу никак понять, - изрёк он наконец, - ты меня сознательно провоцируешь или по недоумию?.. Ладно, так и быть, нарушу кодекс, всё же твоя... - И тут он осёкся. - Надеюсь, тебе всё равно никто не поверит. - «Что же твоя, что же твоя?..», о чём он чуть-чуть не проболтался? Нейроны в моём недоразвитом мозгу стремительно забегали во все стороны, пытаясь найти подходящий ответ, и не находили. А уши между тем внимательно ловили его откровения. Выходило, будто мы, то есть коренные земляне, не что иное, как посеянные этими ушлыми ребятами семена. И не просто семена, а, что называется, - плоть от плоти. Их цивилизация, по утверждению бека, очень старая и практически себя исчерпала. Вот они и пытаются её резко омолодить. И задаваться нам, то есть поросли, не следует, поскольку предусмотрительные селекционеры «засеяли» не только нашу планету. Мол, делайте выводы. Представители той самой цивилизации постоянно живут

среди нас, анализируют и координируют наше развитие, не позволяют превратиться, грубо говоря, в сорняки. Связь с их родной планетой, - говорил бек, - они поддерживают постоянно, и потому их корабли регулярно бороздят просторы вселенной. А уникальная стартовая система именно для того и создана, чтобы прибывать к месту назначения в реальном времени. Космический аппарат уходит в прошлое на столько лет, на сколько необходимо, чтобы за время полёта вновь оказаться в настоящем. Вот так и никак иначе.

Из изложения бека я всё понял или почти всё. И зря он сомневался в моём умственном развитии. Не уловил только, почему бек засел в феодальном прошлом, завёл себе рабов, рабынь и гвардейцев с саблями, что прятались за дверью. Об этом ему прямо и сказал. Чего уж теперь бояться – всё же представитель высокоразвитой цивилизации. Не обидит.

И вновь засмеялся своим кудахтающим смешком мой визави. И вновь мне показалось, что где-то когда-то я его видел. Прямо наваждение какое-то.

- Понимаешь, мой друг (о, я уже стал его другом?!), когда запускается механизм старта, когда корабль уходит в прошлое, возникают всевозможные возмущения времени. И очень часто всё живое, да и не только, что попадает в зону завихрений, тоже утягивается следом. К чему это приводит? Перерасход энергии, засорение прошлого... Улавливаешь? Потом ваши учёные находят какой-нибудь болт в меловом периоде, и всё! Сенсация! Переписывание истории! Бывало, бывало такое. Вот поэтому, чтобы очистить судно от хлама, существуют так называемые отсеки.

- Это я-то хлам?

- Ну, извини. Не так выразился. Это тебе за пенсионера. Хе-хе. Вот ты и попал ко мне – на первый фильтр. Теперь следует вернуть тебя домой. А для этого я, безусловно, должен обладать определёнными полномочиями... А то – рабы, гарем... Заладил как попугай.

- А если бы меня прикончили Ваши бодегарды? Вы бы выговором отделались? Да, кстати, со мной ещё попутчики залетели. С ними-то как?

- Про инспекторов знаю. Живы, живы. Посидели, поголодали и ушли к своим в горы. Найдут родичей, не маленькие. Ими и заниматься не буду. Ты - другое дело. Просят там, - он поднял указательный палец вверх, - требуют. «Любопытно,

кто это там за меня вступился?» Он словно читал мои мысли (а может, и впрямь читал). — Кто, не скажу, и не проси. А вот ежели с тобой что-либо приключилось бы нехорошее, то и здесь ничего страшного для истории. Кто ты есть? Бесконечно малая величина, вполне вписывающаяся в погрешность. И никаких выговоров, не ты первый, не ты последний. — Хороши, однако, нравы у наших попечителей. Где же их гуманизм? Хотел высказать, но промолчал. Наверное, поступил правильно.

За примерное поведение мне позволили отлично выспаться, наградили великолепным плащом, сапогами из крокодиловой кожи (тёмно-вишнёвого цвета тюбан я попросту присвоил) и дали во временное пользование довольно смирную лошадку. На прощание мой новый высокопоставленный друг предложил залетать в гости на чай и выпросил «стечкин» на память о моём пребывании. Я с удовольствием оставил ему презент, тем более что он и так уже прибрал его к рукам.

С двумя гвардейцами, приданными в качестве почётногo эскорта, распуская повозки и людей, бредущих по тракту, мы добрались до старого кладбища. Честно признаюсь, стал ещё лучше понимать психологию наших нуворишей. Даже меня, ещё недавно презренного нищего, а сегодня знатного господина, начало обуревать тщеславие. К счастью, это недолго продолжалось. Машина оказалась на месте, никто и не пытался её угнать. Я отпустил провожатых, предварительно по-хански их наградив. Пусть помнят щедрость приятеля их повелителя. Узелок с мелочью перекачовал в жадные руки туземных вояк, после чего, ведя в поводу мою лошадь, они расторопно исчезли в пыльном облаке.

Дальнейшие действия осуществлялись согласно полученной инструкции. Домчался, - слава Богу, бензина хватило, - до бахчи, где впервые узнал, что езжу, оказывается на шайтан-арбе. Дыни ещё не все были собраны. В благодарность за оставленную аксакалом экипировку положил для него несколько серебряных тенге, специально отложенных для такого случая, и помчался искать сложенную из камней пирамидку. Она должна была обозначать место моего приземления. Тур отыскался, когда бензин уже заканчивался и день клонился к закату. Однако успел вовремя. Закрыл, как велели, окна и в жуткой духоте принялся ждать, когда вихрь времени унесёт меня в неведомую даль.

Налетел ли вихрь или дунул слабый ветерок, то мне не

ведомо. Заснул и проспал всё самое интересное. Проснулся от стука в лобовое стекло. На капоте сидела чудовищного вида птица с огромным клювом и методично выдавливала себе дупло. Вот — ещё одна напасть! В первый момент я даже растерялся. Затем включил заднюю скорость и резко дёрнул машину. Монстр свалился вниз и, разинув страшный клюв, утыканный острыми, как гвозди зубами, ринулся в атаку. Позади него, в ямке, покоились три голубых в крапинку яйца. А, так у пернатой здесь гнездовье! Сбоку послышался жизнерадостный смех. Знаете, я уже перестал чему-либо удивляться, но, повернув голову, обомлел. Буквально в нескольких десятках метров среди папоротников мирно покоились две огромные летающие тарелки. НЛО?! Именно такими я себе их и представлял — серебристо-серого оттенка с круглыми иллюминаторами по всему периметру. За ними виднелось небольшое одноэтажное здание без окон, но зато оборудованное дверью. А рядом с моей машиной стояли два парня, видимо, пилоты, - курили и показывали пальцами на рассерженную квочку. Сигареты! За истекший месяц организм уже забыл их вкус. Я выскочил из машины, вовсе не думая, куда меня вновь закинуло.

- Ребята, дайте закурить! — Они не поняли, смотрели на мой замечательный тюрбан и продолжали веселиться. «Так они надо мной смеются!?» Один другому что-то сказал по-английски. Я, к сожалению, этим языком владею крайне слабо, но знакомое слово «факир», конечно, понял. При других обстоятельствах он бы тут же схлопотал за наглость. Но, во-первых, их было двое против одного, во-вторых, они были иностранцами, а кому нужен международный скандал, и, в-третьих, они пускали дым кольцами. Мило улыбаясь и применяя при этом всю ненормативную лексику в их адрес, я жестами указал на дымящуюся сигарету. Всё-таки действительно велик наш язык, курильщики всё правильно поняли и с возгласами «гуд, гуд» дали мне закурить. Потом похлопали по плечу и указали на ведущую к домику узкую тропку, всю скрытую в зарослях лопухов.

Отворив дверь, я воспитанно снял свой пышный головной убор и вежливо представился. Передо мной за большим столом, уставленным приборами, сидела симпатичная барышня. Всю стену напротив украшало несметное количество широкоэкранных мониторов. Почти все, кроме нескольких, темнели

серыми скучными пятнами. Только на двух очень чётко просматривался мой автомобиль, снимаемый с разных ракурсов. На двух других в отдалении виднелись утонувшие в сочной зелени летательные аппараты. Пилоты уже куда-то запропастились, наверное, забрались в свои тарелки. Девушка подняла на меня глаза, и её лицо - ничуть не приукрашиваю - выразило высшую степень восхищения. Ну, ещё бы – такой колоритный посетитель, куда там несчастным летунам? Однако где же я её видел? Может, у меня уже параноидальные симптомы появились? То золотозубый друг из Коканда, теперь эта? Пока красавица тихо восторгалась, я составил в уме фразу и на ломаном английском попытался выведать, на какой планете нахожусь. Она засмеялась, показав великолепные зубы, - о, хотя бы здесь натуральные.

- Вас ведь Игорь зовут? С прибытием. – Прекрасный русский, без всяких акцентов. Как они умудряются? – Вы находитесь на нашей планете. Называется Земля. – И вновь засмеялась, ещё раз показав ряд идеально белых зубов. - Мы в Триасе. – Тут же поправилась, - в Триасовом периоде. Отсюда стартуют корабли. А Вам, что, Мадамин Темирович не сказал? Наверное, поберёт Вашу психику. Отсюда, отсюда только можно вернуться. Пойдёте, так сказать, на прицепе у нашей тарелочки. Уже совсем скоро – через полчаса.

- Ничего себе путешествие, то назад, то вперёд!.. А птичка тоже со мной отправится?

- Не поняла. О какой птичке Вы говорите? – Я рассказал. Лучше бы промолчал, наверное. Девчонка в панике вскочила и заметалась по комнате. Потом, видимо, всё же что-то сообразила и нервно начала нажимать кнопки и клавиши на приборной доске. Слышно было, как она бубнила про какое-то поле. Одна стена внезапно сделалась прозрачной, и весь пейзаж открылся как на ладони. Откуда-то сбоку выползло механическое чудовище и сноровисто поползло по направлению к моей машине. На экране монитора изображение, постепенно увеличиваясь, достигло, затаившейся зубастой курицы. Та судорожно вжималась в землю и неотрывно смотрела на приближавшегося робота. Потом, не сходя с места, принялась отчаянно клевать широкую лопату, выдвинувшуюся из механических недр. Не помогло. Лопата вгрызлась в землю и подняла насадку вместе с гнездом.

Я обернулся. Девушка-оператор сидела на стуле, по

бледным щекам, оставляя мокрые дорожки, скатывались слезинки.

- Спасибо. Огромное спасибо. Вы даже не представляете, как помогли... Выручили... Я могла потерять работу. Никогда больше не доверили бы... - И слёзы потекли ещё обильнее. Понимаете, - всхлипывания усилились, - недопустимо, чтобы в реальное время несанкционированно попало живое существо, как эта... Не знаю, каким образом она пробралась через силовое поле? Всё в норме. Сигнализация не включалась. Но это никого не будет интересовать... Ой! – восклицание звонким эхом отразилось от стен. – Пора! Бегите скорее в машину!

- Как Вас зовут? – ответа я не расслышал. Опоздать же и остаться здесь никак не входило в мои планы.

В памяти отчётливо сохранился удаляющийся к линии горизонта робот.

* * *

Автомобили снижали скорость, некоторые сигналили. Из открытых окон высовывались любопытные, весело смеялись и щёлкали, щёлкали мобильниками. Мы с женой стояли на обочине с пустой канистрой и пытались перехватить у кого-нибудь пару литров бензина. День был безоблачный, солнце припекало, но мне и в голову не приходило снять свой прекрасный, расшитый золотыми узорами, халат. Замечательный тюрбан, правда, остался лежать на заднем сиденье БМВ. Жена искренне радовалась, глядя на мою физиономию, заросшую крашеной бородой, и ни о чём не расспрашивала. Я был ей за это благодарен и даже не выговаривал за то, что не догадалась прихватить бидончик с горючим. Впрочем, попробуй догадайся, когда тебе вдруг сообщают, куда подъехать и забрать своего благоверного. Она и такси-то отпустила, полагая... Да ладно, чего там, вон одна машина остановилась.

* * *

Прошло несколько месяцев. Уже полетели с деревьев багровые и ярко-жёлтые листья, темнеть стало значительно раньше. Осень. Жена опять находилась в командировке, и мне самому приходилось решать сложные задачи со стиркой и приготовлением пищи. В тот вечер я, как обычно, работал,

когда компьютер неожиданно завис. Так всегда бывает, если у тебя срочное дело. К счастью, необходимые документы имелись, вот что значит предусмотрительность, - в традиционном, распечатанном виде. Я полез в шкаф и, пытаясь вытащить нужную папку, неловко выронил целую грудку лежавших сверху бумаг и каких-то альбомов. Разноцветные и чёрно-белые листки стайкой разлетелись в разные стороны. Чертыхаясь про себя и ползая на четвереньках в попытках собрать беглянок, я вдруг обнаружил нечто, меня сильно заинтересовавшее. Это была фотография, выпавшая из какого-то альбома. Снялся коллектив сотрудников, видимо, на память. У нас любят делать такие снимки. При ярком свете настольной лампы, среди других сослуживцев, я сразу узнал милые черты родной жены. Ещё бы! Она стояла по правую руку усатого валяжного господина – очевидно, начальника. А за их спинами в широкой улыбке показывал свои замечательные золотые коронки... кто бы вы думали? Правильно, сам ясносельможный визирь правой руки и мой приятель Мадамин-бек. В верхнем ряду, куда затолкали самых молодых, со скромным видом школьницы-отличницы глядела в камеру девушка из Триасского периода. Так ведь я эту фотографию уже видел! И не раз! Значит, никакой паранойи, а моя любимая...

P.S. Иногда мне хочется залететь в гости к Мадамин-беку. Как-никак на чай приглашал. Но всё что-то мешает. Может быть, воспоминания о зиндане? Или опасения попасть в число бесконечно малых величин?

ПОЭЗИЯ

СВЕТЛАНА СУСЛОВА,
Народный поэт Кыргызстана

НЕЧАЯННОЕ

СТИХИ ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ

НА СПУСКЕ

Как спицы колеса, мелькают дни.
Велосипед судьбы уже на спуске.
И с колеи, увы, не сбиться – узкой,
Да и куда? – вокруг бывшего пни.
Душа к утратам стала привыкать.
Друзья уходят. С каждым годом – чаще.
И в памяти уже, как в старой чаще,
Меж сухостоя зелень не сыскать.
Не потому ли взгляд стремится ввысь –
Туда, где ноосфера ли, чертоги
Иль вечный храм, – куда ведут дороги
Из бытия в божественную мысль,
Которой загорелось нас создать.
Зачем? Не знаю. Но узнать пытаюсь
Я семь десятков лет, и этим маюсь,
Поскольку быть – ещё не значит стать,
Ведь бытие и статус – не равны,
Хоть грань меж ними в волос толщиной.
Не зря пришлось рачительному Ною
Спасать всех тварей парой в оны дни.
Но вновь вернёмся к вечному нигде.
Там – и друзья, и помыслы, и чувства,
Всё то, что мной привнесено в искусство
И что внесу ещё я в суете –
Да, вслед своим утратам торопясь,
Покуда не порвалась паутина –

Похожих душ незримейшая связь,
Покуда чувств не вытала льдинка,
Внезапной влагой лишь туманя взор,
Едва свернёшь к былому разговор.
Что делать, если всё скупее слёзы?
Что делать, если кровь уже давно
Впиталась в землю, напоила лозы
И превратилась в терпкое вино?
Что делать, если спуск последних лет
Становится всё круче и опасней?
Что делать, если взгляд всё чаще гаснет,
Меж туч высоких не найдя ответ?

ДЕТСТВО

Детство моё – перелётная птица:
Я ухожу – а оно возвращается,
Давней тропинкой в сугробах искрится,
Снегом с задетых ветвей осыпается.
Детство моё издалёка струится –
С белых просторов России заснеженной,
Чтоб в азиатские доли пролиться
Вешней водою, доверчивой нежностью.
Детство моё – золотая криница
Бьёт из-под бед, что судьбой предназначены,
Из-под надежд, что делами оплачены,
Чтобы в сегодняшнем дне воплотиться.
Детство моё – перелетная птица:
Я ухожу – а оно возвращается,
Памятью сквозь мои годы струится,
Голосом мамы моей отзывается.

СТАРОСТЬ

Сегодня я циник и скептик.
Смешна беспризорная грусть.
Потешен судьбой моей сплетник,
Утешен завистник. И пусть.
В провалы безлунные улиц
Тоска увлекает бродить.
Мне в прошлом нашёптывал умник,
Как важно талант не губить.

И слушала я, холодея
В предчувствии вечной тропы,
На память людскую надеясь
В тупом лабиринте судьбы.
Писала высокие строки
О Боге, о светлой любви.
Но только прозренья не в сроки
Приходит однажды, увы.
Запутавшись в бедах и склоках,
В придуманных кем-то мечтах,
Как горные реки – в порогах,
Как тропки лесные – впотьмах,
Добралась до старости всё же,
Сгибаясь под тяжестью строк.
Не проще ли было без ноши
Тащиться на смертный порог?

День или ночь? – не знаю.
Да и узнать не тщусь.
Грусть – без конца, без края,
Горькая, словно «пусть».
Слово пустое это –
Больше Вселенной всей –
Множится, словно эхо:
Хочешь – века засеи
Или тысячелетья...
Хоть миллиарды лет!
Так из сердечной клетки
Мы засеваем свет
Горечью, болью, блудом,
Прочим бурьяном бед, –
Словно ссужаем ссуду
Будням грядущих лет.
Только еще темнее
Заколосится блажь.
Вдоволь наевшись ею,
Все, что грядет, отдашь
За пустячок, безделку –
Этот минувший миг:
Хвост промелькнувшей белки,
Солнца живой родник,

Бьющий сквозь листья кроны
Прямо в твои глаза, —
Всё, что ты проворонил,
Всё, что вернуть нельзя.

Любовь? — как будто клещ,
Вонзится в дух и плоть.
Да хуже — словно червь,
Вгрызётся в сердцевину!
И ты — уже не ты,
А вялый глупый плод,
И жизни всей в тебе
Уже наполовину.
Но почему же вновь
Так хочется — упасть,
Взорваться, опустеть,
Пожертвовать собою?!

Судьба моя — любовь.
Уж лучше в ней пропасть,
Покуда разум в клеть
Не заточил собою.

Этот мир необъятный — подарок душе,
Даже той, что живёт на седьмом этаже,
Даже той, что смирилась с подвалом уже.
Ведь душа — это целого мира клише.

Как защитить,
О, как мне снег спасти
От гибели в разгар грехопаденья?
Он, тающий от нежности в горсти,
Не понимает, что ещё надеюсь
Его вернуть обратно, в рай небес,
Куда стремятся смертные усердно.

Об этом, впрочем, думать очень вредно:
Поймёшь, что жизнь — лишь выплеск,
а не всплеск!

ПИСЬМО В ПРОШЛОЕ

1.

Я положу в конверт осенний лист.
Его тебе доставит почтальон.
Моей нескладной шутке улыбнись:
Мой лист похож на лист других времен,
Что падал и кружился, как теперь,
Со всеми, кто беспечен, заодно,
И так же он стучал ладонью в дверь,
И так же он любил глядеть в окно, —
Приплюснув к стёклам жёлтое лицо,
Смотреть, как гаснет в комнате заря,
Как я на стук бросаюсь на крыльцо
И, задыхаясь, понимаю: зря...

2.

Подумаешь, — лист! —
То, что пришло из земли
И в земле растворится.
Быстрый, как лис,
Хитрый, — прикинется птицей,
Тёплым лучом,
Неводом, солнце влекомым,
Вдруг на плечо
Ляжет ладонью знакомой,
Или письмом —
Старой поблекшей страницей —
Явится в дом,
Жёлтой тоской притворится.

Мудрость и нежность приходят не сразу,
В нас пробуждая прощающий разум.
Ярость и гнев — словно вирус заразы —
Можно поймать в собеседнике разом.

ПРАВДА И ЛОЖЬ

Гола́ как со́кол правда.
В наши дни
Ей поклоняться стало так немодно.
Остановись и пристальной взгляни
На жизнь свою, не ставшую свободной
От денег, от начальственных причуд,
От подлости, прикинувшейся дружбой:
Ложь победила.
Лжи неправый суд
Весь мир ведет дорогою окружной
В глухое пекло щедро-мнимых благ,
Как кур – в ошип.
Для лжи мы – просто масса.
Но лишь для тех у лжи кредит и блат,
Кто правдой – впрок, как золотом, – запаса:
На каплю правды – бочка лжи,
И вот,
Рецептом сим законы попирая,
В провидцы лжец отчаянный ползёт,
И мир ведёт к вратам, увы, не рая.
Ложь победила?
Ложь всегда хитрей,
Чем правда, что идет, не прячась, к цели.
Об этом знал еще гиперборей,
Но ложь и к нам в умы отыщет щели,
Лишь каплей правды сдоблив сплетней чан,
Накормит толпы эдакой бурдою,
Что старый вздор кокеткой молодою
В бессонницу вербует по ночам,
А днем опять – началом всех начал –
Ведёт всё те же толпы к палачам –
На баррикады, в тюрьмы, на майданы,
Рядясь в одежды правды безустанно.

Но правда, хоть и голая, – она
Тот самый свет во тьме безлунной ночи,
Тот самый путь, что к счастью всех короче,
И та звезда, что сердцу лишь видна.

ТАЙНА

Я судьбу эту всю проходила
В прошлых жизнях, сдаётся, уже:
Ни разлуки, ни встречи не милы
Ненасытной на знание души.
Дней мелькающих мелкие чётки
Узнаваемы до тошноты,
И мечты, как рыбацкие лодки,
Для внезапной таможни пусты.
Сны – банальны, но где-то за ними
Тайна скрыта, разгадка близка,
И повтор, мол, её не отнимет,
Не задушит в объятьях тоска,
Ведь повсюду – намёки и знаки:
Лист упал или хрустнул ледок;
В сердце – боли внезапной атаки
И сомненья глухой шепоток.
Нет, – не хочется божьего рая
И в подземный не верится ад!
Жду – а может, ещё я сыграю
Незнакомую роль невпазд? –
Чтобы вновь вопрошать через будни
Для чего, мол, явилась на свет?
Жаль, что знаю: ответа не будет
Оттого, что и тайны-то нет.

ВЗГЛЯД

Весь двор зарос бурьяном, и уже –
Ни лада, ни покоя, ни уюта,
И дом – на дно ушедшая каюта,
И мысли все утоплены в душе.
В границах тела взгляду не дано
Существовать, как в отчине родимой.
Мы – странники, нас манит вдаль окно,
Мы есмь – вовне, хоть всё проходит мимо:
Живём, как лист, что треплет ветр времён, –
Дожей, снегов и зноя отголосок.
И каждый в мир, как часть его, рождён,
И взгляд людской – лишь страннический посох.

Что печальней всего на земле?
Быстротечность пылающей жизни,
Что, как уголь сверкая в золе,
Нас готовит с рождения к тризне?
Что дороже всего? Перечесать
Лет оставшихся хватит ли, право? —
И свобода, и память, и честь,
И мечта, и, конечно же, правда,
Радость творчества и бытия,
Первый шаг долгожданный младенца...
Для всего — лишь одна колея,
Никуда от наката не деться —
То поминки, то свадьба, то вновь
Умножаются семьи рождением.
Что такое — земная любовь?
Это мы — и полёт, и паденье,
Воскресенье и смерть на миру,
Что красна повтореньем в потомках.
Так живём — как сосёнки в бору,
И друг друга боимся в потёмках.
Что страшнее всего? Человек?
Зверь? Болезни? Утрата со взломом?
Страх? — тяжёлый и липкий, как снег,
Что с горы устремляется комом?
Что большее всего? Отыскать
Боли крепче не сыщешь, чем эта —
Кровь родная, предавшая мать,
Вся судьба под сыновьим наветом.
Что важнее всего? Пережить
Боль и страх, и — любви не теряя —
Всех от чистого сердца простить,
Слившись с миром от края до края.

Привыкают к уделу, как к воле Творца,
Привыкают и к делу, и к власти винца,
Привыкают к идеям любого глупца.
Лишь привыкнуть к беде не умеют сердца.

Лелею бессонные страхи.
Устали глаза от потерь.
Последние окна во мраке –
Свой миг выжидающий зверь.
Глаза его алчные смутны,
Нацелены в душу клыки.
Но слабости – даже минутной,
Дарить мне ему не с руки.
Проходят бессонные ночи,
Зато не проходит любовь,
И что-то подспудно пророчит,
Что встреча назначена вновь
С единственно милым на свете,
Что сердцу уставшему люб.
Внезапный предутренный ветер
Касается ласкою губ.

СЛОВО

Я ведь старше любого – на столько ночей,
В скольких я не сомкнула бессонных очей,
И насколько – невечное тело губя –
Торопила я время, что дарит судьба,
В каждой строчке сгорая почти что дотла,
Не печалась, что прошлое – словно зола –
Облетает, шурша, за моею спиной,
Что взмывает душа –
Этот феникс хмельной, –
В пустоту, начиная всё будто снова;
Так на гареве всходит невинно трава,
Так младенец, убивший рождением мать,
Никогда не вернёт это таинство вспять:
Жизнь, увы, – нерушимых законов печать,
За которые выпало всем отвечать.
Впрочем, я – о стихах.
Ведь не зря столько лет

Я ношу это странное имя – «поэт»,
Продолжая ненужные подвиги тех,
Кого в вечность отправил, угробив, успех,
Да и тех, кто, вкусив бесполезность тщеты,
Сам туда же ушел из тенет суеты,
Пустоты –
Кто в Елабуге, кто и в Москве:
Белый свет ни светлее не стал, ни новей,
Вечность всем отпустила ошибки, грехи,
Чувств костры погасив.
Но остались стихи.
Слово было вначале. И будет потом,
Когда смолкнет людской наш забывчивый дом,
Геростратов и гитлеров новых взрастив.
Станет мир наш золою.
Но – старый мотив:
Слово будет в начале каких-то миров,
Что наш ум и придумать сейчас не готов.

ТЕНЬ

Я – твоя ученица прилежная:
Я стараюсь молчать о любви.
Только сердце, как бабочка нежная.
Бьется в клетке – до звона в крови.
Тень твоя! – я тобою обронена
И твои очертанья храню.
Но себя я в ночи проворонила
На потеху всему воронью:
Разлетелась по свету несметно я,
Стала бабочкой, ветром, дождём
И зарей – неожиданно светлою.
Ты остался лишь с тенью вдвоём.

Рисует только тень:
Она – провал и штрих.
А свет любви везде,
Как нерожденный стих.

Безнадёжно угрюм и ясен
Профиль мой на стекле окна.
Что поделать – года не красят.
Ну, а мудрость – кому нужна?
Что могу я добавить больше?
Отблеск солнца решетит пол.
В душу мне, как сквозняк на площадь,
Взгляд скучающий ваш вошел,
Побродил, пошуршал в обрывках
Старых лавров, афиш, страниц,
На мгновенье мелькнул в улыбке
Лёт тяжелых картавых птиц –
Словно все отпылало вовсе:
Пепелище, покос, стерня.
Бесконечной свободы осень
Подхватила уже меня.

НА СКЛОНЕ ЛЕТ

*«На склоне лет у зноя плит
Не вспомним мы тех мест, где бьют нас.
Всему в ответ в большой дали
Шумит крылами наша юность»*

В. Шаповалов. 1966 г.

Ты знаешь, друг, а всё ведь помнится:
Паденья, слёзы, свет удач,
Хоть жарких лет промчалась конница
И нам отбой поёт трубач.
Не то чтоб были мы злопамятны,
Но каждый камень под ногой
Сегодня лёг в незримый памятник,
Что воздвигался сам собой
Ночами долгими, бессонными
Под стрёкот «Эрики-делюкс»,
Где наши строчки эскадронами
И чувств, и мыслей мчали груз.
Под дых цензура поддавала нам,
Бросали близкие порой.

И пепелища, и развалины
Стихов – опять! – рождали рой.
Мы были, нищие, богатыми
Как Крез и даже как Мидас:
Всю жизнь со словом слово сватали –
Вот всё, что волновало нас.
Пикник наш, нет, не у обочины:
Наш путь с дерзаньем – монолит.
И крылья в общем-то не сточены
На склоне лет у зноя плит.

ДМИТРИЙ САГАЙДАК

Время – назад

Воспоминания

Всё как в нардах - по воле кубика.
Я пытаюсь не нервничать, выступая на публику,
но не могу держать спину прямо.
Где-то там в голове, под грудямихлама
покрывается пылью мой
две тысячи вроде восьмой
с наивностью, противной, как скрежет зубов,
Когда пытался не писать про любовь,
дилетантствовал от недостатка опыта,
усмешки мэтров слушал безропотно...
Люди вокруг заискивают, набирают висты,
а для меня все больше точек на карте
превратилось в кресты
на могилах. Дома, где бывал, – осиротели,
отзываются ломотой в теле воспоминания.
Рабочие моменты воспринимаются как цунами,
а потери близких сбивают дыхание,
не калечат, рушат планы и только.
Рву фотографии без разбора и толка,
все равно они не исчезнут с полки моей памяти...

Город молится

Город молится
всем божествам сразу.
Всё вокруг производит священный дым

с запахом пластика, табака, резины,
с примесью свинца,
дым, окурывающий улицы,
застилающий глаза.
Все причащаются дымом,
омывают ноги
жижицей талого снега
в разноцветных бензиновых пятнах
просят денег, времени, сил,
вещей подороже, чудес помасштабнее.
Трудятся во славу портретов
на разноцветных бумажках.
Строят молельни,
где продается вера
в завтрашний день,
в однокомнатный уют
и в свою платежеспособность.
Рубят деревья,
расчищая дороги к святыням,
где можно потратить
намоленные купюры.
Потоки машин
дорогих и дешевых
давят друг друга,
чтобы люди успели на службу
всем божествам сразу.
Умирают не старыми,
сплевывая черные легкие,
не в силах молиться
и вдыхать священную копоть...

Предчувствие

Бессонница рисует чудовищ.
Образ беспомощного
и необустроенного будущего
укоризненно смотрит в глаза, улыбаясь беззубо...
Энная овца прыгает через забор,
сон приходит на несколько часов.
Завтра утром меня смоем в канализацию
улиц и перекрестков,

телефонных линий и высокоскоротного соединения.
Звонить, писать письма, отчеты, читать распоряжения,
ради чувства выполненного долга,
чтобы было не так страшно.
Обыденный вечер, и снова бессонница
с предчувствием холода, слабости,
липкого немытого тела и вкуса железа во рту.

Усталые люди

Усталые люди.

Одни монотонно бубнят,
другие сатанеют от скуки.
Одним уже поздно переучиваться,
другие - учатся не тому.
Одни слепили подобие рынка
из обломков серпа и молота,
едва не сойдя с ума от перемен.
Другим здесь жить
и, наверное, что-то строить
или под кого-то подстраиваться.
Одни пьют водку, закусывая теленовостями,
Другие с усмешкой потягивают вина,
ретушируя улыбающиеся фото себя.
Над перекрестком горят желтым
старые электронные часы.
Они ожили после 20 лет молчания,
чтобы вновь показывать время
и температуру воздуха
спящим усталым людям.

КРИСТИНА УБАЙДУЛЛАЕВА

Дикий сад

В этот вечер на всякий вопрос заготовлен ответ,
Но любые слова прозвучат тяжело и нелепо.
Если хочешь узнать, что творится в моей голове,
Размешай свои краски и выплесни в темное небо.
Ты увидишь тропинку в запущенном диком саду,
Где бушует, кипит и бесчинствует юная зелень,
В этих кущах запутался май, словно пьяный колдун,
Одурманенный приторным запахом собственных зелий.
На прохладной земле отпечатались лапы зверей,
На замшелых камнях - непонятные цифры и знаки,
А вдали притаился таинственный дом без дверей,
Говорят, там живут привиденья... Наверное, враки.
Время спит в колыбели, покачиваясь на весу,
И как будто ничто этот мягкий покой не затронет,
Но медовый густой полусвет предвещает грозу,
И ветра все смелее листают высокие кроны.
Скоро будет ненастье. Трава запоет, как свирель,
Содрогаясь от гулких ударов тяжелого грома,
И блестящие капли размоют твою акварель.
Только ты ни о чем не волнуйся. Мы все-таки дома.

Бывшие ангелы

На изношенной старой футболке
Нарисованы белые крылья,
А свои – в шифоньере на полке,
Вместе с болью, и молю, и пылью.

Бывшим ангелам трудно привыкнуть
К притяженью. Не спится ночами.
По привычке поводят плечами –
И сжимают кулак, чтоб не вскрикнуть.

Не спешат и не смотрят под ноги,
Чаще – на облака и на звезды
Оттого возвращаются поздно,
Даже не разбирая дороги.

И, наверное, только под утро,
Сквозь прозрачную сеть полудремы,
Им привидится млечная пудра
На пороге далекого дома,

Звездный свет из бесчисленных окон,
И родная крылатая стая...
Бывшим ангелам так одиноко,
Не будите их: пусть полетают.

Песня менестреля

Я мог бы петь о том, как пенятся ручьи,
О том, как песня соловьиная звучит,
Но в марте ночи так темны,
Что мне совсем не до весны,
Я лучше снова воспою
Красу твою.

Моя любовь, я так хотел бы рассказать,
Как в миг блаженства зеленые твои глаза,
Но в марте ночи так темны,
Что очи милой не видны,
Воображения вполне
Хватает мне.

Твои ворота под охраной лютых псов,
Твой старый муж закрыл все двери на засов,
Но в марте ночи так темны,
Что мне преграды не страшны,
Легко найду я все равно
Твое окно.

В исповедальне мне твердил святой отец:
«Не возжелай чужой жены, не смей, юнец!»
Но в марте ночи так темны,
Что я не чувствую вины
За эти песни в твою честь
И твою честь.

Уж слишком манит огонек твоей свечи,
Напоминая, как объятья горячи,
У нашей страсти нет цены –
Перед любовью все равны,
Ведь в марте ночи так темны
И так нежны.

Лягушка

Распрямилась тетива тугая,
Ввысь стрелу заветную пуская,
Пусть летит от края и до края,
Да найдет царевичу невесту.
За престольным градом, за деревней,
На болоте, что за лесом древним,
Квакает лягушечка-царевна,
Получив нежданную повестку.

Все глядит лягушка, не мигая,
Как стрела на солнышке сверкает,
Эх, накрылась юность холостая,
Медным тазом, липовым ушатом.
Вот придет царевич, хлопочет,
Завернет в нестиранный платочек,
По жаре потащит в терем отчий,
Лишь бы не остаться неженатым.

А потом завертится пирушка:
Шить рубахи, печь хлеба да плюшки,
Будь ты хоть царевна, хоть лягушка -
Подавай дизайн и спецэффекты.
Распрощайся с жизнью земноводной,
Будь красоткой, наряжайся модно,
Докажи, что из чего угодно
Ты способна вылепить конфетку.

А в болоте теплая водица,
Вдоволь естся, сколь угодно спится,
Может, ну их к черту, этих принцев,
За которых делать всю работу?..
Третий день царевич не уймется –
Ну никак невеста не найдется,
Лишь лягушки греются на солнце.
А стрела лежит на дне болота.

Море

Рассыпало, разметало,
По небу седые тучи,
По морю – стальные кольца,
А мне этот цвет металла,
Холодный, густой, могучий,
Милей позолоты солнца.

Пусть ветер лютует зверем
И гонит в безумной пляске
Серебряные отряды,
Пусть волны штурмуют берег,
Бросаясь с тяжелым лязгом
На каменные преграды.

Не выберутся на сушу
Лихие морские кони
И чудища из преданий,
Лишь вой, леденящий душу,
Надменной земле напомнит
О хрупкости мироздания.

Рассыпало, разметало
По небу седые косы,
По морю – стальные звенья,
И где-то в прибрежных скалах
Пульсирует отголосок
Морского сердцебиенья.

А. К.

Сорок ночей. Бессильно
Бьется в пыли рассвет,

А на земле могильной
Мой след.
Вечный покой и память
Тем, кто мечтал жить век.
Я лишь хотел растаять,
Как снег.

А капли падали,
Такие крупные,
Сквозь запах падали,
На пятна трупные.
Не плачь, крылатая
Моя красавица,
С такой расплатою
Тебе не справиться.

Сорок ночей. Бессильно
Рвется душа вверх, вниз.
Не снизойдет мессия на бис.
Шею свернув до хруста,
Я заглянул за край.
Там ни души, там пусто,
Там – Рай.

А капли падали,
Такие крупные,
Сквозь запах падали,
На пятна трупные.
Прощай, крылатая
Моя красавица,
Смирись с утратою,
Живи, как нравится.

Разноцветные песни

Вниз и вниз, по течению серой реки
Ускользают мои разноцветные песни.
Улыбнись и поверь: это все пустяки,
Я придумаю что-нибудь поинтересней.

Из прозрачных осколков, цветных лоскутков
Соберу тебе новую добрую сказку,

И никто не заметит воздушных стежков
И замазанных трещин под глянцевой краской.

Мне уже не впервой начинать все с нуля
И мечты разрывать на бинты и заплатки,
Собирать из расколотого хрусталя
Витражи – и, как видишь, со мной всё в порядке.

Где-то там, где река ускоряет свой бег
И срывается вниз живописным каскадом,
Разноцветная дымка сплет о тебе
Перед тем, как проститься с коротким закатом.

АЛЕКСАНДР КЕРДАН

У ДОМА ПИСАТЕЛЕЙ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

На улице Пушкинской липы в цвету...

В.Т.Станцев

Учитель написал про улицу и липы,
А там тогда росли сплошные тополя...
Но он-то был – поэт, воистину – великий,
И вещие слова услышала земля.

Навеки мы его однажды проводили,
И сразу опустел писательский причал...
А после тополя на Пушкинской срубили,
Здесь липы зацвели, как Станцев обещал...

Так пусть живёт в веках пророческое слово,
Таится в немоте и расцветает вновь,
Как верный знак, что жизнь светла в своей основе
И нежности полна, как поздняя любовь,

Которая глядит на мир смиренно, мудро
И не винит судьбу, что дней в запасе нет...
По улице спешит доверчивое утро,
Как будто в первый раз, вдыхая липы цвет...

В ГОРАХ

1

Мы изменились, а горы — все те же.
Их изменения нам не видны...
Купол Эльбруса все так же заснежен,
Звезды над ним, как снега, холодны.

Войны и голод, победы и тризны
Не переменят высокой судьбы.
Вечный покой — вот поэзия жизни,
Хоть и рождаемся мы для борьбы.

2

Увидеть Млечный путь над головой,
Базальта твердь почувствовать стопою,
Чтоб осознать, что ты — еще живой,
И все живое все еще с тобою.

Когда по кругу пенится бокал,
И песня путешествует по кругу,
Чтоб осознать, кем был ты, кем ты стал,
Пожми тебе протянутую руку.

В разверзнутую пропасть загляни,
Где звезд полет венчается рекою,
Чтоб осознать, что считанные дни
Даны тебе до вечного покоя.

Живи и пой, пока твоя звезда
В ряду других сияет добрым светом!
Не вечен ты, но это — не беда:
До смерти можно позабыть об этом.

3

В горах Кавказа, Богом избранных
Для сохранения человечества,
Легко себя представить изгнанным
Из своего Отечества.

Легко поверить уверениям,
Что здесь твой век, иссякнув, кончится.
Но понимать, что жизнь — мгновение,
В раю земном совсем не хочется.

Вот и живем, любовью лечимся
Под пологом ковчега Ноева...

Еще — не странники во Млечности,
Уже — не пыль пути земного...

* * *

Сердце чувствует дождь,
Задышается, бьется,
Как манометр, взявший шкалу
до конца.
Только — капельку, чуть и —
Прибор разорвется.
Бесконечно не служат сердца.

Я по случаю здесь —
Станционный смотритель...
С той лишь разницей:
Если рванет, то — конец!
Задышается сердце:
К любимой пустите
Только так продлевается жизнь
у сердец!..

Там — хоть зной, хоть гроза —
Ничего мне не страшно.
Здесь, любая погода — почти что
инфаркт...
Дует ветер с востока, горячий
и влажный.

Сердце чувствует дождь.
Будет дождь.
Это — факт!

Будет дождь.
Будет — теплый,
Как слезы при встрече.
Без которых, наверное, было б
честней —
Умереть, обнимая, как милую, ветер,
Тот, который приносит мне
Вести о ней.

ВИШНЯ ЗАЦВЕЛА

Пока мы спали, вишня зацвела...
Проснулись и — округу не узнали:
От кончиков ветвей и до ствола
Деревья бело-розовыми стали.

И над землей качается туман,
Как утро — юный,
 словно страсти — древний...
И запеленуты в него дома
Нас приютившей маленькой деревни.

И кажется, что мы — уже не мы:
Не гости, не влюбленные — соседи!
И навсегда здесь жить убеждены,
И никуда отсюда не уедем.

Куда бы нас дорога ни звала,
Какие бы нас ни манили дали...
А это просто вишня расцвела,
Пока мы спали.

* * *

А ты могла бы написать,
Когда бы было что сказать,
Да, видно, нечего...
Что ж, и без писем проживём
Мы с одиночеством вдвоём
Весь день до вечера.

Напьемся чаю вечерком,
А там — накатится, как ком,
Снегов пророчество...
На окнах — стужи письма,мена,
Что не нужна совсем весна
Нам с одиночеством.

Под ветра сиротливый вой
Остаться бы самим собой –
Судьбе на милость...
Нет писем, что же – всё равно:
Всё, что исполниться должно,
Уже случилось.

* * *

Мы с тобой – такая парочка,
Что на зависть всем вокруг.
Ты изящна, будто чарочка:
Миг и – выскользнешь из рук...

Я же прост, подобно братине,
И прожитых дней зола, –
Седина, как будто патина,
На виски мои легла.

Жизни миг с тобою празднуя,
Как ведётся на миру,
Мы сошлись, такие разные,
На одном, земном пиру,

Где мечта блуждает тщетная,
Что на свете счастье есть...
Тост. Касанье чуть заметное.
И опять: ты – там, я – здесь...

* * *

Стали птицы жаться к людям,
Даже те, кто жил в лесу.
Словно знают: что-то будет,
Перемены – на носу.

Катаклизмы неизбежны –
Наводнения или зной,
При которых ждёт нас, грешных,
Ад морской и ад земной.

Вряд ли птиц я успокою,
Если посулю весну...
Лучше, уподобясь Нюе,
В дом к себе возьму одну.

Может, птаха песней звонкой
Достучится до небес,
Чтобы нашим жить потомкам
Без трагедий – мирно – здесь...

* * *

Стихи знакомого поэта
Читаю, развернув газету...
Поэт – хороший! Ну, а я?
А я не стою ничего,

Пока молчит душа моя,
Душе сочувствуя его...
Иль всё же стою, потому,
Что так сочувствую ему,

Что, о себе забыть готовый
И позабывший в этот миг,
Всем сердцем впитываю слово,
Как будто истину постиг...

* * *

Искусство...
Что, скажите, в нём такого,
Чего в живой природе как бы нет?
– Любовь, преобразованная в слово,
И тьма, преобразованная в свет.

* * *

Я был бы вправду одинок,
Когда б меня сочла обузой

Поэзии негромкой муза,
Или лишил терпенья Бог.
Когда б оставили меня
Сиротствовать на белом свете
Мои старинные друзья –
Берёзы, сосны, дождь и ветер.

Когда б на всей большой Земле
Моей бы не было России,
И очи мамины во мгле
Мне б не светили...

К НОВЫМ ЕВРОПЕЙЦАМ

Вы теперь говорите иное –
Позабыли, какую ценою
В сорок пятом, победной весной
Заплатили, чтоб жить в тишине...

И полезла вся нечисть из схронов,
Развернула нацистов знамёна,
С факелами шагает колонной
Прямо к новой всемирной войне.

Ну, а мы? Изменились мы сами,
И бессильно разводим руками,
Всё талдычим про совесть, про память...
Толерантность... Господь нас прости!

А случится подняться в атаку,
«Толерантные», сможем без страху,
На груди по-отцовски рубаху
Разорвав, до Берлина дойти?..

ТОПОЛЁК

Тополёк за домом рос –
День за днём всё выше.
И мечтал молокосос
Дорасти до крыши.

И ещё мечтал малец
Стать могучим древом,
Чтоб увидеть, наконец,
Что там, за пределом.

Всё свершилось, как хотел:
Вырос, стал могучим...
Только вдаль взглянуть успел –
Налетели тучи,

Хороводы завели,
Ураган примчался...
Изогнулся тополь – и
Затрещал, сломался!

И уже в последний миг
Он, на землю сбитый,
Откровение постиг:
Дом служил защитой...

Прежде было невдомёк
Размышлять об этом –
Рос счастливый тополёк,
Наслаждался летом.

А теперь подумал он,
Тихо умирая:
Был бы заново рождён,
Жизнь была б иная.

Оставался б вечно мал,
Осторожен, скромн...
Но тогда б он не узнал,
Как наш мир огромен.

Как простор к себе манит,
Жизнь зовёт иная,
Как светло звенит зенит –
Высота сквозная...

ТАЛАНТ ДЖОЛДОШБЕКОВ

ВЕСНА

Ведь мы стремимся не совпадать не из боязни многоголосья и шума меж собой. То есть не потому что мешаем друг другу и не из интимности родственных чувств, а лишь потому, чтоб другие не услышали чудовищных для чужого уха повторов, нашей непреодолимой раз от раза пустоты и истощенности родственных отношений.

Владимир Маканин

Ещё чуть-чуть наклонится планета,
И я отправлю куртку в гардероб.
Весна – любимая пора поэта.
Раздую-ка на сердце костерок.

Пусты ли дни грядущие, полны ли,
А я тепло по-прежнему храню.
Несчастные, продрогшие, больные,
Присаживайтесь к моему огню.

Уже и чувства мёртвые ожили,
И дверь в чудесный сад отворена.
А что хозяйничают там чужие,
Так то, простите, не моя вина.

Подсчитывать и взвешивать потери
Не стоит, право, если прямо тут
Те самые две мудрые пантеры
За каменной стеной сидят и ждут.

Давайте хоть на полчаса проснёмся
И вспомним заповедный уголок,
Где всем хватало и земли, и солнца,
И мы не понимали слово «рок».

Давайте из прекрасного далёка
Посмотрим на сегодняшних себя,
Таких поднатаревших на уроках
И знающих теперь, что есть судьба.

Уже ли изменились мы на столько,
Что в золоте одну лишь видим ртуть?
Уже ли нам от чистого истока
Ни капли доброты не зачерпнуть?

А между тем из листьев прошлогодних,
Из сора векового, из трухи,
Не замечая прихотей погодных,
Рождаются весенние стихи.

Горьки они, как ценное лекарство,
И сладостны, как первый поцелуй.
И это несравненное богатство
У ваших ног я нынче постелю.

О, сколько всюду музыки и света!
А вы, моя болезная родня,
Призвать хотите каждого к ответу,
Кто задолжал вам хоть аршин рядна.

Погрузимся и мы когда-то в Лету,
Успеете друг друга наказать.
Пока же отогрейтесь у поэта.
Молчите — значит нечего сказать.

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

Я видела Ангела

Быль

В детстве я очень любила воскресные поездки за город. Собиралась довольно большая компания: наши родители, их друзья и мы – детвора. Куда только ни ездили! На плотину, на речку, в горы. Повсюду, где нас ждали тенистые полянки в зарослях ивняка или арчи у подножия зеленых холмов, и сверкающие снегом вершины притягивали взоры, а ветерок приносил чудные ароматы горных цветов и трав. Взрослые расстилали огромную скатерть, из сумок доставалась снедь, и начиналось пиршество, где каждый был и хозяином, и гостем у импровизированного стола, а дети резвились, как жеребята, в душистой по пояс траве или купались в прохладной речке... Как давно это было, а помнится будто вчера.

Уже нет на этом свете родителей, их веселых и шумных друзей, ушли в мир иной старший брат и младшая сестренка. Наступили другие времена. Развал Союза, безработица, обрушившиеся на меня болезни. Заботы мрачных и безжалостных лет поглотили меня без остатка. Какие уж тут поездки и пристрастия?! – «не до жиру, быть бы живу».

Горе и безысходность переменяли мой характер: я сделалась нелюдимой и равнодушной к живым развлечениям, почти не замечая, как осень сменяла лето, за ней наступала зима, а потом весна и снова лето. Однообразно и постыло текли дни. Жестокие нравы изменили людей: озабоченные выживанием или обогащением, они мало обращали внимания друг на друга. Всем было абсолютно все равно, кто и как выкарабкивается из опрокинутой жизни. Мой сузившийся мирок трещал по

швам от неуютных мыслей, но все плотнее окутывал ослепшую душу в глухой кокон безнадежности и тупого безразличия не только к идиллическому восприятию прошлого, но и ко всей чехарде и воплям новых мессий о демократии и грядущей эре всеобщего благоденствия.

Обращалась ли я к Богу? Скорее нет. Но в подсознании он был всегда, даже в счастливые годы. Любой вредоносный пустяк вызывал невольное: «Прости!», «Помоги, Господи!», интуитивно я искала защиту и спокойствие в непроизвольной молитве. Увлечение атеизмом на определенном этапе бесшабашной молодости было скорее данью уважения к необыкновенному человеку. Его энциклопедические знания заволаживали, а неверие в Бога покоряло легкостью философских, бескомпромиссных суждений. Но однажды кумир женской половины группы университетской кафедры атеизма, оглядывая предвечернее небо и окружающую природу, освещенную предзакатным солнцем, вдруг сказал: «Посмотрите, какая красота! Кто, кроме Бога, способен создать такое?! Ох, девоньки, не пришлось бы нам отвечать за неподтвержденные постулаты!» Я посмотрела на огромный, еще слепящий пламенным блеском круг у горизонта, окутанный полупрозрачной дымкой, на косматые облака, подсвеченные багрянцем медленно угасающих лучей заходящего светила...

Пелена с глаз исчезла так же мгновенно, как и появилась. Метаморфоза! — я вдруг почувствовала сопричастность к миру, существующему за пределами человеческого сознания, но присутствующему в каждом мгновении нашего бытия. Больше никто из новоявленных «атеистов» меня ни разу на занятиях не видел. Странно, но наш милый руководитель и не напоминал одной из лучших своих слушательниц, что ее ждут на кафедре, и при встречах говорил обо всем, кроме моего отречения от его «постулатов». Умница!

Эпизод из счастливой жизни так и остался всего лишь зарубкой в памяти, не более — истово верующей я не стала.

Но вот когда привычный мир будто сорвался с цепи и надеяться было не на кого, я соприкоснулась с таинством знаков, предвосхищающих задолго ту невероятную встречу в Аламединском ущелье, которая и подтолкнула меня к рассказу обо всем этом. Как-то соседка по базару (в моей жизни было и такое — не у меня одной!) протянула мне листочек, шепнув: «Возьми, поможет». Я развернула бумажку, исписанную мо-

литвой «Отче наш», переведенную со старославянского на русский язык. На мой удивленный взгляд современная женщина, бывший врач, закивала: «Поможет, поможет. Вот увидишь».

Через несколько дней другая соседка с противоположного прилавка, сконфуженно улыбнувшись, достала из сумки сверток: «Не знаю, как ты к этому отнесешься. Взяла специально для тебя, когда гостила у сына в Москве. Невестка работает в издательстве. Принесла мне несколько экземпляров, я освятила их в Храме Христа Спасителя и привезла домой. Думаю, тебе они пригодятся», – сверток переключал в мои руки. Внутри были иконы святых, Иисуса Христа, Божьей матери с младенцем, отпечатанные на плотной бумаге. Красочные и завораживающие, они будто льнули к рукам, мне даже показалось, что от них исходило живое тепло. Я благодарно посмотрела на дарительницу.

Удивительное совпадение с разницей в два-три дня! Тем более что ни одна из этих женщин не слышала от меня жалоб на мучившую в последнее время язву, на не вполне благополучную обстановку в доме, и вдруг такое проникновенное участие к почти незнакомому человеку. Я постаралась вопросом скрыть охватившее, как и в случае с Молитвой, волнение:

– Твоя невестка в московском издательстве работает? Интересно, в каком?

– Название я не помню. Да мне оно и ни к чему.

Знакомое слово «издательство» напомнило мне прежние годы, когда писались стихи, печатались книги и я стала членом Союза писателей СССР. Стало грустно, но где-то на грани подсознания появилось чувство предстоящих перемен к лучшему.

Вскоре базар пришлось покинуть. Болезнь и престарелая мать забирали все силы, но теперь со мной были Молитва и освященные иконки, перед которыми я не молилась, просто святые лики каждый день смотрели на меня с книжной полки и, когда я проходила мимо, мой взгляд невольно задерживался на них. Помогало ли это мне жить и надеяться в беспредельном хаосе грабительских реформ и обмана растерявшихся людей? Думаю, да.

Смерть матери я приняла стоически, как неизбежность. «В мире ином она будет снова молодой и счастливой вместе с любимым мужем, горько оплаканным сыном и рано ушедшей

из жизни младшей дочерью», – думалось мне, и комья сухой глины, падающие на крышку гроба, не сопровождались рыданиями в одночасье состарившейся сироты.

Я почти забыла, как мне жилось в последующие годы, но отчетливо помню приснившийся тогда сон: в кипящем небе клубились грозовые тучи. Сверкающие молнии, сопровождаемые раскатами грома, устрашающе прорезали клочущий мрак. Он опускался все ниже и ниже, окутывая меня плотнее и плотнее. Внезапно эта вязкая, липучая масса втянула мое дрожащее тело в свою бездонную глубину. Такого ужаса я больше не испытывала никогда – ни до, ни после. Задышавшись, я рванулась вверх и вдруг оказалась в ослепительно сияющей синеве. Паря в беспредельном сиянии, словно ангел, я ощущала рядом присутствие Бога, и моя душа пела невероятно прекрасную мелодию.

Как продолжение волшебного сна в моей бесцельной и однообразной жизни вдруг наметились сдвиги к прежнему творческому состоянию: сначала какие-то редакторские правки, переводы случайных авторов, которые приучали мысли и руку к практически забытой работе. Затем в моей голове стали появляться рифмованные строчки. Они бредили сознание, исчезали и, возвращаясь вновь, будили уснувшее вдохновение. И оно проснулось: стихи, будто накопленные где-то в глубине меня, вдруг хлынули потоком – оставалось их только успевать записывать. Объемная рукопись написалась на одном дыхании, и было совсем неважно, что с ней произойдет дальше.

Слава Богу, рядом со мной находились мой названный брат и его бесподобная жена (действительно бесподобная – много ли найдется жен, которые выделяют из семейного бюджета довольно значительные средства на «воздушные замки» мужа и его не от мира сего сестры?!).

Наташка, Наташечка – дорогой мой человечек, неизменный друг и поклонник моего возродившегося творчества, подарившая мне еще один знак – образок с молитвой Ангелу Хранителю внутри! Она не только стала спонсором книги, но и ввела в мой дом Галину с Верой – истовых почитательниц природных красот Кыргызстана и любопытных памятников древней земли. Подруги с упоением рассказывали мне о поездках по окрестным местам, по близлежащим красивейшим ущельям и горам, по волшебным окрестностям Прииссыккуля.

Мое воображение уносило меня за пределы бетонных стен, и сердце откликалось на зов отеческих истоков, звучащий в увлеченных рассказах.

Как-то Галина – автолюбительница и заводи́ла в компании путешественниц – позвонила мне накануне очередной поездки:

– Теть Свет, ты не хочешь поехать в Иссык-Ату? Покупаемся, устроим пикник. Чуток отдохнешь на природе. А то совсем засиделась в четырех стенах. Дыхнешь свежего воздуха, откроется второе дыхание – шедевры писать начнешь!

Что-то в ее возбужденном голосе, в благожелательном призыве заставило меня моментально согласиться:

– А что?! Мне же еще не сто лет! Поеду!

– Завтра с утра жди.

Иссык-Ата, Кегеты, «Семь быков» и «Разбитое сердце», ущелье «Сказка» и Григорьевская расселина – за два года, прошедших с того достопамятного приглашения, я побывала в таких чарующе бесподобных местах родной, но доселе почти незнакомой земли киргизской, что моя душа переполнилась любовью, а воображение не устает рисовать картины прошлого и будущего, соразмеряя их с настоящим, представшим перед восхищенным взором.

Бум! Это место настолько поразило меня, что мысли о нем постоянно колыхались в моем сознании, вновь и вновь возвращая к увиденным «развалинам», к чудным видениям, смутившим очарованный разум. Крик восторга потряс ущелье, когда я наконец-то разглядела каменного медведя на вершине скалы.

Какой простор вдохновению! Какая потрясающая панорама воображаемых событий! Через два месяца я села за стол и буквально выплеснула на бумагу легенду, зародившуюся в конце, как говорят, самого длинного в республике ущелья перед диковинными руинами и одиноким медведем.

А парящий Акшумкар над горами у Белогорского водопада! Разве он не достоин стать героем очередной легенды?! Еще как достоин! Но вдохновение само выбирает первоочередность моих фантазий, которыми управляет то ли разум, то ли рука свыше, и я подчиняюсь мистическому состоянию души, улетающей за пределы сознания и земных реалий.

В один из вечеров осени восемнадцатого года раздался очередной звонок неугомонной Галины:

— Теть Свет, ты как там поживаешь? Что-то мы давно никуда не выезжали. Как считаешь, не засиделась ли ты за своим столом?

— Еще как засиделась. Вы обо мне совсем забыли, — приторно вздохнула я. — Глоток горного воздуха не помешал бы. Из бетона не вылезая.

— А куда хочешь поехать?

— В любую сторону твоей души. Ты же знаешь, куда скажешь, туда и поеду.

— Заметано. Утречком подъедем. Ничего не готовь. Верка мясо замариновала — шашлыки будем жарить.

Голубое солнечное небо, легкий морозец поздней осени и равномерное покачивание легко одолевающей километры машины переполнили мое сердце радостным предчувствием необычайных встреч и полного слияния с природой, одетой в золотой с багрянцем наряд, расцвеченный вечнозеленой каймой островерхих елей и пышных сосен вперемежку с колючей арчей.

В Иссык-Ате мы окунулись в горячий бассейн, в Кегеты полакомились шашлыками, любясь заснеженными вершинами и бурлящей у ног студеной речкой. Поздоровались еще с уймой доброжелательных земляков, набираясь от них искусства общения и душевной щедрости. По дороге домой Галина вдруг спросила:

— Теть Свет, ты не очень устала?

— Я?! Это ты, мое солнце, весь день за рулем, а мне что? — сиденье мягкое, красотища вокруг неимоверная. К чему ты задала этот вопрос?

Вера усмехнулась:

— Галке все нейдет!

— Серьезно. Если вы не устали, давайте заедем в Аламединское ущелье?

Мы согласно кивнули:

— Хозяин — барин! Куда ты, туда и мы.

Аламединское ущелье! До конца дней я буду помнить эти отроги и уступы с признаками человеческого присутствия! Мимо мелькали высоковольтные линии на гребнях высоких холмов, одинокие домишки и комплексные строения в несколько этажей. Базы, гостиницы ждали своих туристов. Мы все дальше удалялись от них вглубь колоритных гор. Галка выбрала место стоянки на берегу заросшей арчей речушки.

Мы вылезли из машины, спустились к воде, вымыли руки, попили чаек, уплетая остатки снеди. Потом решили пройтись по живописной округе. Галка, как всегда, принялась снимать красоты осенней природы, меня и зримую панораму величавых гор.

Я медленно шла по довольно сносной рукотворной дорожке, оглядывая арчовник, дальние сосны, осыпи и разрезы причудливых холмов. Но вот мой взгляд устремился вверх. Необъятное небо, чаруя синевой и золотом косых лучей все еще сияющего солнца, было так близко и недостижимо далеко от моей протянутой к нему руки. Вдруг я заметила в самом дальнем его пределе белую точку, которая, постепенно расширяясь, приближалась ко мне. «Белеет парус одинокий в тумане неба голубом. Что ищет он в краю далеком?..» – почему-то вспомнились строки Лермонтова. Шепчущие губы внезапно замерли. Я увидела что-то живое, летящее с безбрежной высоты к земле. Оно все яснее приобретало очертания...

– Галка, смотри! Ангел!

– Ха-ха-ха! Верка, у тети Светы крыша поехала. Надышалась озоном до ангелов в глазах! – саркастический смех, казалось бы, должен был отрезвить мое разыгравшееся воображение, но нет – ангел не исчез, он приближался и почти достиг середины неба над моей головой.

– Да смотри же, – почему-то я забыла слово «машет», – он крыльями движет!

В огромном размахе рельефных крыльев я отчетливо видела каждое перышко. Волнистое колыхание кипенного пуха под ними было похоже на развевающееся по ветру полупрозрачное кружево, сплетенное из серебристых пушинок сказочной красоты. Над выписанным блеклыми красками лицом волнами развивались до плеч поблескивающие стальными оттенками волосы. Выражение лица не было ни веселым, ни хмурым – каждым штрихом кисти Высшего художника оно подчеркивало значимость своего появления.

– И правда ангел! – шепот за спиной был полон изумления и восторга.

С моих губ срывались экзальтированные обрывки фраз, звучание бессвязной молитвой, а скорее восторженным экспромтом преклонения и благодарности:

– Господи, спасибо! Ангел! Боже, благодарю тебя! – мой голос дрожал, глаза увлажнились намернувшимися слезами.

– Спасибо, Господи, что ты явил мне Ангела! – заклинания, то затихая, то усиливаясь, зывали к вдруг расщедрившимся небесам. – Ангел! Ангел! С какой вестью ты прилетел? Что принес ты на крыльях своих? – меня переполняли эмоции, ладони рук тесно прижались друг к другу, запястья прильнули к груди, мысли, опережая слова, проносились в голове с удивительной скоростью: «Я вижу Ангела! Я на самом деле вижу Ангела. Боже мой, неужели передо мной настоящий ангел?! Да! Да! Да! Я не сплю. Галка тоже видит его».

Ангел на несколько мгновений завис высоко в небе прямо над моей головой, затем повернул к вершинам ближних гор и медленно скрылся за ними.

Потрясенная, я еще долго смотрела в том направлении, потом обернулась к Галине, держащей наведенную на опустевшую синь камеру.

– Ты снимала?!

– Снимать-то я снимала, но камера его не зафиксировала. Ангел исчез с экрана, как только я начала съемку!

– Вы чего там застряли? – крикнула Вера, открывая дверцу машины. – Пора ехать!

– Верка, мы только что видели Ангела, – закричала в ответ Галка.

– Ангела?! Почему не позвали меня? – сразу поверив в сказанное, обидчиво спросила Вера.

– Да мы обе просто ошолбенели, глядя на него. Я не успела прийти в себя, как он уже исчез, – оправдывалась Галина. Я молчала, потому что мне наоборот казалось, что время замедлилось, когда мой взгляд погрузился в Богом явленное чудо.

Всю дорогу до самого города Вера корила подругу, а мое сердце пело, вспоминая мельчайшие подробности с начала и до конца волшебного полета в небе над Аламединским ущельем.

Дни шли за днями, мои мысли вновь и вновь возвращались туда. Я не знала покоя – не уставая, рассказывала приятельницам, заглянувшим ко мне на чашечку чая, об Ангеле, потрясшем меня. С каждым разом воспоминания становились все ярче, детальнее в описании Аламединского дива. Вдруг нестерпимо захотелось, чтобы о нем узнало как можно больше людей. И настал день, когда я решилась наконец передать свои впечатления бумаге. Так появились первые строчки карандашных набросков, затем исписанные мелким почерком

листы легли на стол перед компьютером и тщательно отредактированный текст отразился на мониторе.

Ангел снова летел в сияющей синеве, пытаясь о чем-то предупредить или разделить со мной путь, предначертанный мне Богом и судьбой. Кто знает? Но так хочется верить, что Ангел над Аламединским ущельем возвестил всем нам – людем этой благодатной земли – благую весть о грядущем ее расцвете, о грандиозном подъеме талантов многочисленных народностей, совместно проживающих на ней.

В моем подсознании мечты становились реальностью. Летящий надо мной Ангел, ни на минуту не исчезая, продолжал в них свой фантастический полет и манил меня в неохватную высоту. Моя душа парила рядом с ним, устремляясь все выше и выше. Бог улыбался мне, а земля призывала вернуться...

Я видела Ангела.

Детективные истории

Тельняшка

...Американцы называют это «вьетнамским синдромом». Мы – «афганским». Не суть важно. Психиатрам и криминалистам давно известно, что вернувшиеся после боевых действий бойцы зачастую «пускают кровь» – убивают, калечат, не задумываясь...

Описанный ниже случай, похоже, – наглядное тому подтверждение.

... 1980-й, Иссык-Куль, Рыбачье. Воскресенье, базарный день. По рынку, расталкивая покупателей и задираясь с торговцами, неведомо куда бредет подтянутый парень в тельнике. Алкоголем не пахнет, но расширенные зрачки выдают любителя «травки».

Народ шарахается: знамо, спецназ неделю как дембельнулся. Повоевать успел, рукопашкой владеет, на спор, в прыжке, чуть не на двух метрах на карагаче толстенный сук ногой снёс – как топором срубил. Нож в десятку с разворота мечет.

С таким свяжись – себе дороже.

И все же когда «десантник», будто не видя, беременную толкнул, муж вступился. Да только руку поднять успел, как ребро ладони бедняге кадык сломало. У всех на глазах! Мужик тут же и задохнулся...

Будто очнувшись, убийца, дико заорав, издал боевой клич и, введя в ступор и без того обездвиженную толпу, – наутёк...

Город содрогнулся. Семью парня в тельняшке здесь хорошо знали – нормальные работающие люди. Но, так и не появившись дома, где ждала засада, беглец в горы подался. Пытались искать – куда там!

А вскоре в округе разбои пошли. Один за другим. Некто с карабином наперевес нападал на беспечно спавших дальнобойщиков, грабил сельчан. Не брезговал ничем: сигареты, съестное, одежда, бухло. В одной машине даже полбутылки арака прихватил.

Фоторобот явно указывал на спецназовца. Но откуда оружие?! Выяснилось, у чабанов украл: нарезной ствол не был зарегистрирован, потерпевшие о краже не заявляли. Вместе с винтовкой вор, будто к войне готовясь, более сотни патронов унес...

Первыми на след вышли рыбачинские милиционеры. Обложив, пошли на задержание. Пытаясь выбить оружие, в схватке пал опер Кубатбек Ибраев - вечная Слава!

Бандит опять скрылся.

Для задержания особо опасного преступника создали спецгруппу во главе с профессионалом сыска, боксёром Николаем Секуном. Под его началом информацию добывали пятеро оперативников, среди которых и опытный Кульчоро Доненбаев, и мой друг, тогда еще молодой розыскник Кадыр Давлеталиев.

Впрочем, сведения поставляли вся милиция, лесничество и охотники окрест. Группа же анализировала и аккуратно проверяла ее: случайных жертв допустить больше было нельзя...

Кочкорка, Нарын, Джумгал. И вот наконец Тон...

Окружив заросли, где пасшие овец мальчишки якобы заметили полосатую тельняшку, милиционеры вели проческу. Стройная цепь вскоре распалась, кто-то ушел вперед, кто-то, обшаривая лощину, замешкался.

... Сунув тому ствол прямо в рот, перед сержантом вдруг возник преступник: хорошо замаскировавшись, злодей хотел пропустить поисковиков, но в последний момент решил покачать удадь.

Пожалел – не убил. Но оглушил. Забрал табельное оружие с двумя обоймами.

Отсутствие сотрудника заметили быстро. В бинокли, благо стало светать, бегло осматривали местность. Берегом не

торопясь шёл косяк лошадей. Кабы знать, что к невидимой стороне крупа трёхлетки-вожака и прилип убийца! Ещё и движением управлял: пустись в рысь иль в галоп, кони б наверняка внимание розыскников привлекли...

Так и ушел.

... Назавтра, прочесывая гористые берега Орто-Токоя, Кадыр, поскользнувшись, в пропасть сорвался. Спас жерганак: успел ухватиться. Обняв цевьё калаша, коллеги Андрея (оперативный псевдоним Калмак), кое-как выбрался, но ногу вывихнул.

Слёг.

... Тельняшку взяли уже без него. Через неделю в Каменке. В логово пробрались столь тихо, что тот даже не успел проснуться...

Жемчужина Андижана

... С очередным этапом в колонию-строгач, где начальником оперчасти служил тогда мой друг Коба Кудайбергенов, прибыл типаж, ранее дважды судимый за мошенничество, некто Хайрулла.

Ну что же, масть эта обычно на зоне погоды не делает, потому сразу в поле зрения «кума» он не попал. С учетом технического образования трудоустроен был в отдел главного механика на завод – тогда производство в колониях всю работу. С обязанностями справлялся, да еще и «вольным» инженерам подсказывал.

Обжившись, пришёл однажды зэк к руководству, и так, исподволь, «шантажнул»: дескать, зарплату нашим занижаете, и если я не в доле, всё, дескать, им расскажу. А там и до бунта недалеко...

Та история до оперативной части дошла.

Коба, как и всегда, сначала всё досконально проверил. Убедившись, что обмана нет, удивился: чтоб сиделец столь нагло администрацию шантажировал! Изучил личное дело. Последний приговор за многоэпизодное мошенничество в Андижане и Оше показался каким-то невнятным. Особенно настораживало то обстоятельство, что хотя большинство пре-

ступных эпизодов свершилось в Узбекистане, суд состоялся в Оше, в другой республике.

Решив не ходить вокруг да около, оперативник вызвал Хайруллу на беседу. Тот знал, к кому идёт: капитан Кудайбергенов – служивый со стажем, справедливый, но жесткий, законы и иерархию лагерную знает досконально. Это тебе не «техническая интеллигенция» из заводоуправления. Такому не зачешешь!

...По душам поговорить удалось только через пару месяцев. И тогда, за пиалой крепкого чая, услышал мой друг потрясающей рассказ...

«Основные криминальные деньги сегодня на приписках делаются. Главным образом, хлопковых. И, конечно же, миллионы те не дехканам простым достаются, а чиновникам разным. Вокруг них такие, как я, и промышленяи.

Долго возле андижанских партбоссов кормился. В общепите по мелочи подворовывал, звёздного часа ждал. И однажды на тое у руководителя, что в тройку крупнейших входил, его дочку увидел. Слухи о её красоте витали давно, но такого... Сказать Шехерезада – ничего не сказать. Одни голубые (!) глаза на прекрасном азиатском лице бриллианта-карбункула стоили...

А ещё заметил, как на девушку мужики смотрят. И возник в моей забубенной головушке план «разводки». Без деталей пока.

... Была в Шымкенте подруга одна. Влюбилась в меня, фатового, еще в свои восемнадцать, три года назад. Попрошу – всё для меня сделает. Фигурой, лицом, даже походкой на Андижанскую Пери походит. Одежду вот только подобрать, грим и макияж соответствующие.

Но где глаза сапфировые, глубин немыслимых, взять?!

В конце концов, и это решили. В Москве тогда уже линзы ставили...

Как подвёл девчонку под олигархов – история особая. Троицу средней руки маслокрадов в Ташкент, на партактив, привёз. В «Голубых куполах», самом шикарном по тем временам ресторане, под звуки «Яллы», они «андижанку» с подружками и увидали. Боялся, слюной захлебнутся: мало девушка-фиалка нежная, сама мысль, что с дочкой Всемогущего любовь крутишь – выше небес возносит...

Дальше – дело техники. Снял квартиру в столице, где та якобы в престижном вузе училась. Аппаратуру установил. Видео к нам ещё не дошло, но фото цветные тоже достаточно откровенными получились.

Ими и шантажировал. Приходил в кабинет, «вещдок» показывал. Большинство понимали, что с ними разъярённый отец-«башкарма» сделает. Платили, не торгуясь. От пятидесяти до ста тысяч. Кто тут же из сейфа вынимал, кто пару дней, чтоб нужную сумму собрать, на коленях выпрашивал.

Один, правда, возник. Не боюсь, дескать! Ну, я тоже не пальцем деланный: к папе не пойду, жене твоей отнесу! Тут же он в тайник за картиной полез, но сумму я уже вдвое больше назвал...

Год бабло косил. Немерено. Подругу на всю жизнь обеспечил. И себя не забыл.

Поняв, что хватит, в соседний Ош перебрался. Через полтора года за аферы в тамошней автосети попался. В СИЗО чалился. Про Андижан уж и позабыл почти.

Напомнили...

Фотографии шантажные и негативы я честно уничтожал – такими вещами не шутят. Один только раз слабину дал: ишак облпотребсоюзковский мне нехило доплатил, чтоб «память ему, старику, оставил»! А когда того за хищение брали, чекисты тамошние при обыске картинки и нашли. Жадность фрайера сгубила...

Слышал, даже отец реальной Пери тем «вещдокам» поверил. Сгоряча чуть дочь не прибил, а когда разобрались, велел, чтоб нашли и наказали меня, но «без шума и пыли». Поэтому-то судили в Киргизии, за кордоном. И только по одному эпизоду.

И подругу на три года свободы лишили. Она в колонии женской сидит...

Под предлогом про друга выведать Коба сиделицу ту навестил. Даже после зоновской еды, недосыпа, барачной скученности, антисанитарии, без косметики, парфюма и исык-кульской глазури в очах она ему Нефертити запомнилась...

Значит, история эта правдивая.

Пропавший табун

... Внештатный вызов к министру ничего хорошего не сулил. Топая по начальственному коридору, «важняк» Жан Магзамов в уме перебирал грехи, достойные экзекуции «на ковре». Так ничего и не вспомнив, уткнулся в сановную дверь из мореного дуба.

Вошёл строевым – сказывался плац карагандинской «Вышки». Доложил по уставу. Боковым зрением отметил присутствие трёх замов, начальников отделов по борьбе с хищениями социалистической собственности и следственного. Ого!

Значит, по делу. Ругать не будут. И всё же – не расслабляться!

Зачитали приказ: назначить начальником оперативно-следственной группы по расследованию пропажи государственного имущества в особо крупных размерах – более 200 000 рублей, баснословные по тем временам деньги. Чтобы было понятно, за них в том далеком 1984 году можно было купить ... 40 авто «Жигули»!

А санкция – смертная казнь.

Дело такого масштаба контролировала Алма-Ата, а то и сама Москва. Это предполагало еженедельные спецсообщения о ходе расследования.

Влип!

И вот что он мне рассказал:

«Вышел, смыл пот, разбираюсь. В казахстанском животноводческом хозяйстве, расположенном у черта на куличках, пропало ... 220 лошадей. Недостачу установил всемогущий в те времена Комитет народного контроля, и, взяв под козырёк, прокуратура возбудила уголовное дело и даже успела арестовать табунщика, зоотехника, ветврача, директора совхоза.

Но вскоре выяснилось, что доказательств их вины нет. И вообще, есть только бумажная недостача двухсот двадцати голов. Кто конкретно виновен? Кому сбыли похищенное? Где прятали соврасок, как перегоняли? Сплошные вопросы...

Дело надо было спасать.

Ставлю задачу: найти доказательства вины всех четырёх узников. Встав во фронт, комиссия ревизоров из облсельхоз-

управления, специалисты-животноводы из столицы и оперативники по борьбе с хищениями в очередной раз, но теперь уже по весьма конкретным, определенным мною параметрам, взялись за изучение документации.

Я же с приданной ротой внутренних войск прочесываю местность. Не царское дело, скажете? Да, в том, что табун не блуждает в бескрайней степи, что его не загрызли волки, решил убедиться лично.

Обследовали более тысячи километров – лошадки как в воду канули. У ревизоров тоже ни-че-го. Табунщик, отец 11 детей, депутат районного совета, за решёткой почти шестьдесят дней, ничего объяснить не может.

Иль правду не говорит?!!

Прошел кропотливый месяц. На горизонте - незаконный арест четырёх человек со всеми вытекающими последствиями. В инстанции пошли жалобы, по ним начались проверки...

Вся ж ответственность, как Уголовно-процессуальный кодекс определил, - на мне.

...Живем в совхозе, до цивилизации – 370 км. Спим в наскоро побеленном складе, работаем в сельсовете. Хорошо изучил специфику «казахского аула», где все друг другу родственники, сваты, соседи.

О твёрдой свидетельской базе и не мечтай!

... Откуда семья табунщика узнала, что его должны конвоировать на допрос – для меня до сих пор загадка. Но в тот день, сменяя друг друга, у сельсовета дежурили дети, мал мала меньше.

Отца увидеть...

Наконец, конвой. В коридор прорвалась рыдающая жена табунщика, размазывая сопли вперемешку со слезами, громко орут младшие. Подозреваемый расчувствовался, глаза мокрые прячет.

Как вдруг...

Размахивая камчой, в кабинет врывается аксакал лет девяноста. «Дурак, - кричит, - на весь наш род позор навёл. Будь твой отец, с которым мы вместе на фронте были, живой, он бы сам тебя отхлестал. А так я это сейчас сделаю!»

Подследственный в комок сжался, поник ...

Ругаясь последними словами, старик продолжал: «Ты ж сам лошадьми с детства занимаешься. И отец табуны пас, и дед. А прадед так вообще известнейшим барымтачи был, с лошадьми на их языке разговаривал. Так как же ты, безмозглая башка, утверждаешь, что от ста кобыл сто жеребят получишь? Неслыханно, такого ни природа, ни Ленин, ни Брежнев, ни даже Сталин сделать не могут. Позор! Хорошо, твой отец не слышит. Лучше о детях подумал бы, вот расстреляют тебя, кому они нужны будут?!»

Кое-как с конвойными выпроводил «агрессора»...

Но слова его в голову запали. Выскочив вслед, затащил атаке в соседний кабинет, успокоил, чай налил. «Отец, вы же всю жизнь при лошадях. Ну вот куда 220 голов деться могли!??»

И тут этот не имеющий диплома ревизора, зоотехника или ветврача «эксперт» мне все бесхитростно разложил:

«Лошади эти – на бумаге только. Чтоб выполнить план, начальство их просто-напросто приписало. Любого специалиста спроси, если от 100 овцематок до 160 ягнят получить удаётся, от 100 коров – до 95 телят, то на лошадей эти правила не распространяются. В идеальных условиях, в элитном конезаводе, от 100 кобыл максимум 50 жеребят приплода, так сам Всевышний определил...»

Крепко пожал я мудрому аксакалу руку. И допросил как свидетеля. Во всех деталях. Потом зачитал протокол главному ревизору. Выйдя из ступора, тот обложил дипломированных ветеринаров и зоотехников такой отборной бранью, какой я даже от матерых уголовников ни до, ни после не слышал.

Те оправдывались, что, дескать, в сельхозинституте их репродуктивным способностям отдельно взятых видов животных, и в частности, лошадей, не обучали – профессор болел.

Что за лепет по подрасстрельной статье?!!

На всякий случай всех опросил, заставил сознаться в вопиющей некомпетентности. В дальнейшем инициировать наказание по партийной и служебной линии не стал. Пожалел. И заручился авторитетным мнением известных учёных, подтвердивших правоту старика-табунщика.

А получив акт документальной ревизии и заключение судебно-бухгалтерской экспертизы, переqualificировал особо крупное хищение в злоупотребление, приписки и халатность.

И вместо расстрела получили мои фигуранты до двух лет лишения свободы, табунщик даже условно.

Повороту такому способствовало и то обстоятельство, что родня всем миром вынуждена была «добровольно» погасить даже этот мнимый ущерб. Коровами, баранами, конями. Вся эта живность сравнивалась с весом «бумажных» двухсот двадцати лошадей, была пересчитана в «мясо средней категории» и оприходована в совхоз.

Такое время было...

Аарон—следователь

«Как вы лодку назовёте, так она и поплывет»...

Каким, ну скажите, каким человеком должен был быть ребёнок под сенью библейского имени Аарон?! Наичестнейшим и наипорядочнейшим, живущим исключительно по законам Небес...

Так и вышло. Правда, чудом избежавший сталинских репрессий дед-богослов, знавший Священный Коран наизусть и в совершенстве владевший арабским, назвал младенца Гаруном-аль-Рашидом. Видать, известный мулла желал своему внуку судьбы легендарного халифа-праведника.

Шёл 1956-й, и когда родители пришли в загс за метриками, их высмеяли, заявив, что советского ребенка так называть нельзя. И протянули растерявшимся справочник имён народов СССР. Первое попавшееся, Аарон, показалось созвучным... Братишку, кстати, позже Рашидом назвали.

... В 1974-м, удивив и родню, и друзей, наш герой стал слушателем Карагандинской высшей школы МВД СССР. Зубрилкой не был – и без того интересно. Прогульщиков к экзаменам натаскивал. Да так, что один бооольшой генерал-мырза громогласно заявляет, что диплом получил только благодаря ааронову «репетиторству»...

Мечтал об уголовном розыске – не сложилось: место, что ему выделили, один «маклёвый», чей отец солидный пост в те времена занимал, перехватил. И волею судьбы стал наш Аарон следователем...

Со временем – следователем от Бога.

За двадцать лет сотни уголовных дел расследовал, а уж скольких негодяев за решетку, куда им и дорога, отправил – не счесть. На сделку с совестью не шёл никогда. Улик не фабриковал, невиновных, несмотря на грозные окрики «сверху», крайними не делал, Закон соблюдал. За что его не только коллеги, но и уголовные уважали.

И лишь однажды...

Аарон тогда в транспортной милиции служил. Работа особо трудная и сложная. Вот только представьте, совершена, допустим, кража в скором поезде Алма-Ата - Москва. Попробуй накоротке не добыть доказательств, не опросить свидетелей, не глубоко место происшествия осмотреть – по всей стране великой, что в те времена одну шестую часть всей суши занимала и СССР звалась, потом метаться будешь. И совсем не факт, что найдёшь.

Однакошник мой, несмотря на возраст и стаж, к тому времени уже асом слыл. И потому именно ему поручили расследовать резонансное дело о кражах-грабежах из железнодорожных вагонов, совершенных в 1981-1982 годах. Приказом министра внутренних дел специальную группу создали, и его, старлея, руководителем над шестью майорами-подполковниками назначили!

Больше месяца Аарон тома запylённые изучал. Все они были похожи, как под копирку: на десяти километрах, от 7-го до 17-го, близ станции Отар, поезда из-за специфического рельефа местности снижали скорость до 5 км/час. Движение здесь было интенсивным, товаров перемещалось великое множество.

Этим и пользовались преступники. В основном ночью, но зачастую и при дневном свете вооруженные обрезамы шесть-восемь «абреков» на ходу сбивали пломбы и выбрасывали из вагонов всё, что под руку попадет: ковры, холодильники, стиральные машинки, магнитолы... Затем весь дефицит этот подбирался, сортировался и, по версии следствия, складировался, затем постепенно реализовывался через перекупщиков и барахолки.

Не свойственный коммунистической идеологии термин «организованная преступная группировка» тогда только-только нарождался. Но дерзость обнаглевших грабителей, их нечеловеческое, позволявшее уворачиваться от засад и погонь везение свидетельствовали о сплоченной, как тогда говорили, банде. Членов которой, по всей видимости, должны были

отличать недюжинная физическая сила и специальная подготовка.

Именно поэтому руководитель оперативно-следственной группы отошёл от шаблона и не стал шерстить «рядовой» криминалитет – наркоманов, ранее судимых, бродяг. Решил – и по тем временам такой подход был инновационным – потрясти спортсменов, уже начавших возвращаться из горячих точек дембелей и им подобных окрест.

Только начали – «повезло»: за разбойное нападение на бензоколонку с убийством заправщика попался некий десантник-афганец, слегка контуженный под Баграмом. Того всюду крутила прокуратура и убойщики, но зацепиться никак не могли.

Тогда к подозреваемому подпустили «железнодорожника» Аарона...

На вопрос, как общий язык найти удалось, следак ответил просто: «Работать надо». Но факт остается фактом: уже через неделю задержанный привёл к отрытому в земле глубокому схрону, откуда один за другим извлекли вещдоки по более чем пятидесяти кражам!

... В условленном месте в лесополосе налётчиков ждал трактор с закрытым прицепом. На него грузили добытое, отвозили в «склад», привязывали к транспортному средству размашистую сосновую лапу и в буквальном смысле заматали следы.

Следствие установило, что трактором управлял 15-летний братишка десантника. Вот его-то, пообещав «сознанку», тот и попросил убрать из дела. Посовестившись три дня, следователь так и поступил...

А вскоре бандиту и убийство на заправочной станции доказали. И поделом получил тот «вышку»...

«Отмазанному» судьба старшего брата уроком послужила. Уехав на Север, подальше от знакомых и родных мест, тот шахтером стал. Заслуженным. С Аароном до последнего времени связь поддерживал. Медалью «За доблестный труд» очень гордился..

А мог бы на зоне сгнить.

О том своём решении наш друг Аарон Тампишев ни разу не пожалел.

«Японец» на Памире

Ещё сравнительно недавно у ошской грузовой автобазы памятником самому себе стоял на пьедестале отечественный автомобиль грузовик-полупортка, первый поднявшийся на Памир в начале 1930-х годов.

Рядом же впору было бы водрузить... наш «анти-наркотический «Крузак» № 1».

... Одним из международных контрнаркотических проектов в регионе был «Ошский узел». Тогда, в 1990-х, ООН наивно полагала, что, поставив заслон наркотрафику на высокогорной трассе Хорог - Ош, можно будет решить эту проблему...

Объективности ради отмечу, что установить, по крайней мере, подобие контроля на самой дороге кое-как удалось. Другое дело, что героин теперь стал проникать не только по ней, но и через всю 800-километровую границу. Надёжно закрыть межгосударственный кордон невозможно даже сегодня.

Официальное название проекта было длинным и скучным. Мне, его офицеру, удалось придумать живое и быстро закрепившееся название: «Ошский узел», накрепко связавшее наркотрафик, незаконную миграцию, торговлю оружием, а также зарождавшиеся радикализм и терроризм.

Мотались много. Амбициозно пытались собрать разваливавшуюся, ещё недавно единую и мощную советскую систему правоохраны. Для поездок на Памир идеально подходила «Тойота». Но руководству видней – выделенных средств едва хватило на УАЗ.

Слышал, японцы когда-то сказали об этой гордости советского машиностроения примерно следующее: чтобы не строить дорог, русские ... сконструировали уазик! Наш голландский шеф тут же окрестил машину «танком» и, прокатившись разок-другой, заявил, что, не случись боевые действия, он больше в эту жёсткую тарактелку не сядет.

Уж и не знаю, как удалось убедить Штаб-квартиру, но вскоре нам разрешили приобрести «японку». Но нашему удивлению не было предела, когда в ответ на закупочный реквест из Оша Страна восходящего солнца ответила категорическим отказом: в условиях-де высокогорья, помноженного на бездорожье, «Тойоты» зарекомендовали себя не лучшим образом. Поэтому, чтобы не терять лицо, их поставки на Памир прекращены.

Чисто японский подход: честь самурая дороже всего на свете...

Но отдадим должное голландцу: методично, день за днём, по каналам диковинной еще в регионе электронной почты, он стал забрасывать производителя письмами, по два-три ежедневно.

И через месяц мне рассказали, что в городе с «совершенно секретной миссией» появился ... инженер из Йокогамы. Наняв за огромные деньги «Ниву», он смотался на границу. Осмотрелся, провёл рекогносцировку и тихонько слинял воссояси. А вскоре, вслед за «добром» на покупку, прибыл наконец наш «Крузак»...

Не забыть растаможку: такая машина в те края заводом-изготовителем была отгружена впервые. Шикарный контейнер, внутри авто на деревянном поддоне, для верности закреплено растяжкой из прочнейших конопляных канатов. Будто запыхавшийся после долгой скачки жеребец арабских кровей, «Крузак» был покрыт тончайшим парашютным шёлком...

Куда мы только на том «Крузаке» ни мотались! В воющую Тавильдару, на контрабандные тропы Мургаба, через все перипетии гражданской войны из Хорога в Душанбе...

А однажды, ради этого случая и было задумано мое повествование, красавец «Крузак» нам реально жизнь спас.

... Одним из самых дорогостоящих моментов «Ошского узла» было установление надежной связи от Бадахшана на Памире до Андижана в Ферганской долине, включая Ош. Опытнейшие эксперты из местных посоветовали транкинговую связь: в горах в определенном порядке устанавливаются вышки, передающие сигнал от одной к другой.

Разработали схему, определили место для каждой конструкции. Дело - за международным экспертом, кто, согласно правилам, должен был приехать, проверить и дать добро на строительство. Но начались обычные бюрократические проволочки. Иностранец всё не ехал, партнёры жаловались...

Появился «знаток» только через пять месяцев. Оказался спецом в радиосвязи, но в местных условиях не ориентировался абсолютно. Мне предстояло сопровождать его на Памир. Наступала зима. В горы средней высотой в 3 000 метров (максимальная – свыше семи!) в это время года без особой нужды не едут!

А тут еще шеф «затупил». Ему в Ташкент нужно было, и ехать туда он решил с повышенным комфортом на «Тойоте». Нам же приказал взять уазик. В столицу Узбекистана по накатанной, да в обжитой Ферганской долине можно было бы и на автобусе, а не на «танке». В памирской же эпопее разница между этими двумя «транспортными средствами» могла стоять жизни.

И я уперся. Как оказалось, не зря...

... В поездку, мало ли что, скидывались и всегда брали ящик водки: что в кишлаках, что на погранзаставах сорокаградусная была самой твёрдой валютой. Накормить-то гостей всегда накормят, а вот с «непалёным» спиртным, овощами да фруктами в горах проблема. Потому грузили еще помидоры-огурцы, яблоки-груши, лимоны, что в Оше водились вне зависимости от сезона, и 200-литровую бочку солярки – «запас беды не чинит»...

В тот раз случайно заметил, как водитель бережно паковал стеклянную банку с домашним консервантом: ягнёнка-козу утушили до трехлитровых объёмов. Я ещё пошутил: в голодный край собрался?

И - сглазил...

Программа была выполнена, поездка заканчивалась. На обратном пути заночевали у старых друзей - мургабских пограничников. Легли пораньше, с рассветом в путь, тогда поздним вечером можно уже и о теплом душе в Оше мечтать.

Но в 5.30 – посыльный: «Снежный шторм со стороны Хоргоа идет, вот-вот здесь будет. Предложено отъезд отложить, переждать». Какое там, уже неделю трясемся!

... Ураган накрыл уже в Кыргызстане, в узком ущелье, когда огоньки заставы уже видны были. Будто небо обрушилось! Какое-то время, ерзая взад-вперёд, еще пытались пробиться, но встали. А еще через двадцать минут «Крузак» наш двухметровый сугроб накрыл.

Ладно, хоть от ветра ледяного спаслись... Мотор не глушили, тепло держали. За бортом – минус 28, в салоне же, хватала японскому машиностроению, + 19. А представляете, будь мы в УАЗе?!!

Короче, двое суток пили водку, играли в карты и анекдоты травили. Время от времени брались за накрепко молчавшую рацию. Однажды, правда, – о, чудеса природы – на наш SOS

ответила... метеостанция пакистанского Фаизабада, в тысячах миль от «места происшествия»...

Раз, когда эксперт иностранный, чтоб нужду справить, самостоятельно дверцу открыть не смог, он натурально расплакался: «По страховке за мной в любую точку должны прилететь, забрать. А я тут сижу, даже связи нет». Отшутились, дескать, раньше бы приехал, уже везде бы мачты стояли. Мог бы из самой Женевы иль Вены самолёт вызвать. И нас с собой прихватить...

... Ягненок в банке закончился. Лепешки съели давно, и, когда я рукой загреб голимый, без единой мясной прожилки, бараний жир, водитель «прикололся»: «Ну что, товарищ полковник, пригодилась «закусочка»?!

«Спасение утопающих – дело рук самих утопающих»... Едва метель утихла, подручной тойотовской лопаткой пробили мы наст и выбрались наружу. Стоя на крыше «японца», огляделись: насколько хватал взгляд, стелился и резал глаза девственный снег...

Затем несколько часов тропинку сквозь заносы торили. Больше всего доставалось первому. Менялись...

К ночи добрались до заставы. Усталые – не то слово, вдобавок мокрые и продрогшие. Там накормили, напоили, обогрели. Чуть всё не испортил начальник, российский старлей: «А я видел ваши огоньки». Втроём, поднявшись одновременно, мы чуть не порвали его! «А что я мог сделать, вон, стоит в гараже «Урал»-вездеход. А бензина – ни литра, уже неделю даже границу не охраняем»...

Реалии, мать их...

Пошёл я искать участкового. С ним вместе отправились по домам, бензин у местных выпрашивать: «Ака, горючка позарез нужна». Заправили «Урал», и на следующее утро, когда немного подтаяло, вытащили наш «Крузак». Всего-то метров восемьсот на буксире, а дальше он уже и сам из плена снежного выбрался...

В Гульче, как обещал сельчанам, собрал я все наши командировочные и направил им полтонны бензина.

... Шефу по возвращении о снежном плене иностранец рассказал. Думаю, приукрасил. Пряча глаза, тот извинился.

В сущности, он неплохим мужиком был...

Кровь родная – не водица?

... Труп в урочище неподалёку от села обнаружили местные пацаны. Испуганная ватага прибежала прямо в сельсовет: в горах под камнем чернокожий лежит! Ничего себе находка для Тонского района, что на южном берегу Иссык-Куля!

И точно – негр, констатировали местный участковый и гаишник с ближайшего стационара. Вплотную к телу, чтоб не уничтожить следы преступления, они подходить не стали – визуализировали метров с сорока. Отзвонились в дежурку. Те подняли на ноги область.

Через два часа на месте происшествия проворила оперативно-следственная группа из Пржевальска. С ней прибыли и вездесущие кагэбэшники. Правда, вскоре чекисты перевели дух и отъехали: кровь прилила к лицу, потому-то оно и казалось черным. Особенно если издалека, да с испугу...

Личность установили быстро: свой, односельчанин Токешев, 49 лет. Ушёл вчера утром якобы в соседний аил, с друзьями повидаться. Ночевать не пришел, но такое и раньше случалось. Потому-то домашние тревогу не били...

Сначала заподозрили ДТП. Дескать, могла сбить машина, а потом, испугавшись, оттащили труп подальше от дороги. Но судебно-медицинский эксперт нашёл странгуляционную борозду.

Удушение...

На похоронах мать призывала на голову убийцы все кары небесные, голосила. Ей вторила сестра убитого. А на кладбище братишка покойного во всеуслышание поклялся найти и собственноручно казнить нелюдя. Учитывая, что «кровник» отбыл семь лет за убийство и освобожден совсем недавно, сельчане отнеслись к угрозе вполне серьезно.

Слышал её и следователь Байтиков, что шёл в траурной процессии по долгу службы. И что-то ему в тех словах не понравилось: бравада явная...

А на третий день, в горе, мать наложила на себя руки...

Жизнь меж тем продолжалась. А вместе с ней и следствие. Искали очевидцев, тех, кто видел Токешева, направлявшегося на остановку. Но хоть путь его и пролегал через центр

села, где в это время обычно многолюдно, никто его там не заметил.

Решил прогуляться? Семь километров пешком? Но и в этом случае должны были быть свидетели. Опросили водителей рейсовых автобусов, машин, что в это время возили щепь из карьера, – результат тот же.

Зато нашлись те, кто слышал, как убитый скандалил с младшим братом. Один свидетель видел даже, как они, когда старший спросил, когда тот наконец работу найдет и с материнской шеи слезет, подрались.

А тут еще пришёл ответ из колонии, где Токешев-младший отбывал срок. Его характеризовали скорым на расправу злостным нарушителем режима, не вылезавшим из штрафного изолятора, чуть не агрессором.

Всплыли также старые подозрения, что задолго до отсидки за убийство он был причастен к «безвестному исчезновению» еще одного дальнего родственника. Тогда, после буйной ссоры с подозреваемым, пропал племянник Токешевых. Труп его не нашли, ограничились объявлением в розыск.

Кстати, фамилия братишки, в отличие от остальных членов семьи, была Такешев. Объяснялось это ошибкой сельсовета, выдавшего почти сорок лет назад свидетельство о рождении.

Взвесив все обстоятельства, следовательно, отбросив другие версии, решил сконцентрироваться на внутрисемейных отношениях.

«Слабым звеном» была сестра Айша. Её пригласили в районный центр и там допросили. Женщина заволновалась уже тогда, когда следователь встретил ее у райсобеса – разборки с органом социального обеспечения и были выбраны как официальный предлог для вызова в Тон.

А когда капитан Байтиков зачитал ей свидетельские показания о драке, ознакомил с другими материалами следствия, а главное, будто бы случайно «засветил» фотографию трупа, Айша расплакалась и...

«Байке все ругал Сапара. В убийстве племянника винил, требовал, чтобы он скорее работать начал. Тот же все говорил, что от зоны отдохнуть должен. Но с каждым разом всё более сатанел. А в тот день пришел пьяный, стал меня, детей

задевать. Тут старший, на горе, пришёл, вступился. Дом наш на обочине стоит, братья во двор вышли. Я малышей укладывать стала.

А через час примерно Сапар вернулся и рассказал об убийстве. Я в обморок свалилась, матери мы ничего не сказали. Потом-то она, конечно, узнала...

Почему сразу не рассказали? Да боялись... и я, и апа. И за себя, и особенно за детей-внуков. Трое их у меня, сын и две девочки, мал-мала...

...Труп племянника, несмотря на комплекс оперативно-разыскных мероприятий, обнаружить так и не удалось. Но, основываясь на показаниях Айши, нашли причинно-следственные связи доведения до самоубийства.

Ну и, само собой, лишение жизни брата. Под тяжестью улик подозреваемый в конце концов сознался. И превратился в обвиняемого. Плюс уже отбытый срок за убийство.

Такешева расстреляли.

Судьбу определил ... «Макаров»

В 1988 году в рамках очередного административного эксперимента Иссык-Кульская область объединилась с Нарынской. Территориальное образование это заняло сорок девять процентов территории республики. Меня, тогдашнего начальника областного уголовного розыска, друзья в шутку еще долго звали «Мистер 49»... По существующим правилам главный сыщик обязан был лично участвовать в раскрытии серьезных, резонансных преступлений. И, поскольку область из конца в конец более тысячи километров, а криминальная обстановка в связи с возросшей миграцией обострилась, мотались мы тогда крепко, практически жили в машине. Но и обучали коллег настоящему. Стреляли, к примеру, не в тире, а в «обстановке, приближенной к действительности» - в горах, с двух рук «по-македонски», прямо из машины на скорости. Отрабатывали рукопашный бой. Действовала и школа оперативного мастерства, всерьез изучался опыт ветеранов, выпускались бюллетени, достоянием гласности становился механизм раскрытия каждого серьезного преступления. И это давало результаты. Особо заботились о молодых сотрудниках. За каждым закре-

плялся наставник, я лично побывал дома у каждого новичка УР. Беседовал с родителями, женами, рассказывал о специфике работы, важности нашей службы. И домашние невольно проникались уважением к профессии. ...

В Ак-Талинский РОВД, где тогда была лишь одна штатная единица сыщика, назначили молодого выпускника школы милиции. Умелый, теоретически подкованный, тот быстро завоевал авторитет, поставил себя. Особо ж поднаторел в раскрытии скотокрадств. Опыт лейтенанта изучался и пропагандировался по всей области. И тут перспективного офицера заметили ... в службе по борьбе с хищениями социалистической собственности, БХСС. Той самой, что, согласно популярному в те годы милицейскому слогану, «сладко спит и сладко ест...». И, суля всякие блага, коими в уголковке и не пахло, давай перетягивать парня к себе... Поддавшись, тот написал рапорт о переводе, который мне предстояло завизировать. Признаюсь, жаль было терять хорошего опера, да и вложили в него немало. Решил побеседовать лично, поехал в Ак-Талаа. «Конкуренты» потрудились на славу - лейтенант стоял на своем, несмотря на все мои аргументы... И тогда, цепляясь за соломинку, предложил я вверить судьбу ... пистолету Макарова...

— Хорошо, поехали постреляем. Пусть всё решит мишень. Обстреляешь — подпишу рапорт, а нет — остаешься в угро. Идет, офицер? — предложил я. Отказаться по тогдашним понятиям было невозможно... Стрелял я разве что не плохо, лейтенант же стрелком слыл отличным. Наверное, легко согласился еще и поэтому. Вышли мы на безлюдье, достали «табельные»... .. Короче, обстрелял я его. Всего на пару очков, определивших дальнейший путь Бакыта Джусубалиева. Пройдя все ступени, стал он со временем начальником Главного управления республиканского уголовного розыска, полковником, членом коллегии МВД Кыргызстана.

А еще говорят, «пуля - дура»...

***КУЛЬТУРА.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ***

ВЕРА КАЛМЫКОВА

«...МЫ НАДРЕЗ НА ГРАНИТЕ, МЫ КРОХИ ЗАПЁКШЕЙСЯ КРОВИ...»

(Рецензия на книгу: Вячеслав Шаповалов. Евроазис. М.: Воймега, 2017)

30 сентября 2018 года в Центральном доме литераторов прошла торжественная церемония вручения Международной премии имени Фазилия Искандера в четырёх номинациях: «Проза», «Поэзия», «Драматургия» и «Киносценарий». Первой премии в номинации «Поэзия» удостоена книга Вячеслава Шаповалова «Евроазис».

...Сходу, сразу: такое название — какие ожидания оно вызывает? О, мы знаем: европейское, западное начало — аналитическое, разъединяющее. Азиатское, восточное — синтезирующее. Запад ясен, Восток коварен. «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут». В знаменателе — Евроазис, где кровь льётся и слева, и справа, но свет с Востока достигает Запада, а западные смыслы проникают восточную броню.

Меж тем ассоциации недорабатывают: в лирике Вячеслава Шаповалова нет почти ничего общего с философией евразийства, кроме разве что географической привязки да корней двух слов, лишь отсылающих к месту, точнее, двум местам действия; в данном случае всё решают род существительного и суффикс. Мужское начало в названии культурного континента, обозначенного в заглавии книги стихов Шаповалова, и неизбежно возникающий по ассоциации оазис — вот, собственно, два ключа к его поэзии. Ибо она, конечно, возвращена традицией русского киплингизма, включающего идею мужского долга и «бремени белого человека»; и при этом по-мандельштамовски взывает к мировой культуре, к единству более крепкому, чем панмонголизм или панславянство; и при этом

поэтическое слово полагает в качестве некоторой святыни, места-времени, когда-где происходит парадоксальная встреча-невстреча антагонистов, вечно длящаяся и не знающая ни начала, ни конца. Всё это вместе с тонкими стилизаторскими приёмами, почерпнутыми из народной киргизской поэзии (Вячеслав Шаповалов, толмач с большим стажем, переводил эпос «Манас»), придаёт небольшим по объёму стихотворениям «Евроазиса» некую эпичность, более воспринимаемую, чем понятную рационально.

Предыдущая книга Шаповалова, «Чужой алтарь» (2011), была написана по свежим и в буквальном смысле трагедийным следам событий в Кыргызстане, где жили три поколения семьи поэта. Потомок русских переселенцев, он ощущает себя кровно связанным и с Россией, и с Киргизией; а как многие, рождённые в СССР, долгие годы отождествлял себя — пусть, как и многие, ненавидя, кляня и любя — с той государственностью, которой больше нет на картах. Но какое дело сознанию до карт! У него своё пространство и своё время, оно растянуто между любым количеством точек во всяком мыслимом хронотопе, свободно от действительности и ограничено своей, только своей реальностью.

Потому «Чужой алтарь» сложно читать, как трудно присутствовать при чужой исповеди или смотреть на психологически достоверный портрет: обнажение души всегда подвиг — но и испытание для постороннего. Далеко не каждый найдёт в себе силы признаться, например, так:

Кого же нам винить, принявшего муки за всех?

Крикну: я родился в азийском круге! —

безразлично шумит орех.

Вдоволь не сумели с огнем наиграться,

натешиться не смогли —

снова наступает пора миграций.

А завтра —

с земли?..

Души наши, покинув тела, воспаряют

до облаков?

Не лукавь:

да как они только взлетают —

на каждой столько грехов!

(«Азийский круг»)

Теперь события пережиты, кровь ушла в землю и стала опытом, опыт — искусством. В книге «Евроазис» всё сбалансировано, словно в древнеэллинской трагедии. Отсылка к античности здесь куда как не случайна: свой поэтический континент Шاپовалов видит восприемником давней классической традиции. Вот европейская рефлексия наследства: «О каком грядущем своим восплачем? — // счёт проплачен, только чужой аортой, // карфаген у каждого здесь утрачен // или рим — какой уж? никак четвёртый?» («Гнездо аиста»). А вот какова азиатская: «в базиликовом воздухе плакала эгейская синь, // звенела пронзительная полынь анатолийской долины, // откуда бегут перед лодкой рыбацкой вечные три волны» («Над планетой кукушек»). Последнее стихотворение, кстати говоря, посвящено знаменательному факту — возвращению турецкого гражданства Назыму Хикмету, крупнейшему турецкому поэту XX века, спустя 45 лет после его кончины (2009). В стихотворении «Гончар» (памяти Мелиса Убукеева) Азия неожиданно показана как область, имеющая морскую границу с Элладой:

Кружись, удел мой, коль ты не поруган,
и отзвук духа дерзкого разлей,
тьма в амфорах откликнется покою,
коль глина стала пламенем в руках! —
к рассветным землям и тревожным рудам
льнут флаги финикийских кораблей,
зерно, оливки, сплав лозы с грозой,
и боги дремлют юные в волнах!..

Конечно, в книге есть стихи, раскрывающие биографические реалии. Детские воспоминания пятидесятых, младенческое видение Москвы, первые впечатления от прочитанного, от пережитых книг:

Где вы, дети капитана Гранта, океанов синий коленкор! —
я поеду к капитану Гранту, мне отец и мама не указ,
я уже готов к борьбе за правду, я уже окончил первый
класс,
я спасаю этот мир отныне, где томится полная любви
юная красавица-шахиня — что-то там реза-де-пехлеви!..
И тут же — реконструированный взгляд старших, деда и
родителей:

Стало веселее жить на свете, ночью воронок тебя не съест,

для отца ослабла хватка смерти, отпартовал двадцатый съезд,

долгог век, не вычерпан колодец — спёртый страх потерянной толпы,

парочки рабочих и колхозниц тащат золотистые снопы,
над марьинорощенской тоскою гипсовое дыбится весло,
щурится ведьмачье воровское местное бесхитростное зло.

Не ходынку вспомнит бедолага в мутной мглой размазанные дни —

сытое кошунство вурдалака, кунцевские редкие огни...

(«Тёплое лето пятьдесят шестого»)

Или другая, уже следующая эпоха, для лирического героя и автора — юность, для страны — оттепель и её скорое окончание:

Бивариантны сыскарей труды,
надежд стигматы и галош следы,
кенедианты в старом водевиле,
рейганомонстры, шляпы крокодилы,
андропофаги с черепом во рту —
все бдят: — Евреи тут не проходили?
— Дык вон они, отплыли поутру!

(«Пешечный гамбит»)

Есть и современность во всем её абсурдном, бессмысленном и беспощадном неглиже:

ан всё это игра и горек привкус грусти
в повапленных церквах пошаливают pussy

арабская рука их с глаз не убирала
ласкает либерал — meinlieber! — либерала
что шёпотом стучал да оборзел с оглаской
теперь у их в шкапу скелет и станиславский

ну аки лемминги гуляют толпы геев
мне тьфу на мужиков а баб вот жаль кенжеев

ну опрокинут мрак на этот блеск солярный
однополярный брак и мир многополярный
(«Нам не дожить, Кенжеев. 4»)

Однако лейтмотив «Евроазиса» не здесь, не в лично прожитом, не в воспринятом с телеэкрана или иных плоскостей СМИ. И даже не в осмыслении истории и судьбы страны, пришедшей к логичному итогу и заодно приведшей к личностному краху столь многих.

Парадокс поэтического мира Шаповалова в том, что он двуполярен и, как следствие, многопространствен. Далее: если реконструировать мироздание поэта, то увидим иерархию: с одной стороны Азия, с другой Европа (можно и развернуть, разницы нет), а над ними — Иерусалим и христианский свет. Этот мотив звучал уже в «Чужом алтаре», теперь возникает и в «Евроазисе», но иначе: аксиоматичное триединство (поклонники философии могут сказать: всеединство) составляет самую сущность культур, и поэт видит это ясней и понимает глубже, чем получалось раньше: «наша не наша ли эра / зачем же с тобой // вера нездешняя мера безмерная боль — // вдруг ниоткуда прольётся и вспыхнет ясна // словно Звезда из колодца // в канун Рождества» («Чуйский тракт»). Неслучайно упоминаний ни о земном, ни о горнем Иерусалиме, ни о других местах святой Земли в «Евроазисе» нет. Они и не нужны, ведь то, что принято называть «христианскими символами», ушло в кровь и плоть лирического героя.

В этом смысле показателен текст «На старых раскопках». Что копаем, что собираемся найти? Кто здесь жил, какой именно народ?.. Определить невозможно: каждый-всякий-любой. Напев киргизского комуза льётся над шатрами «абрамзона иль скажем бернштама», он же бедуин; читательское восприятие обмануто единственной литерой — сменой ожидаемой «р» на внезапную «м»: «нервной руною камень изранен // Был // Летел // Побеждал // Умерщвлён // заблудившийся измаильтанин // альфа дней и омега племён». Евангельское «альфа и омега» прочитывается здесь так, как и было написано: в общемировом безграничном — широкопространственном — контексте.

Вопрос в том лишь, признаём ли мы, будто древний ацтек, убогий чухонец или какой-ни-то ещё всяк сущий язык, творящую силу поэтического слова; верим ли — в ситуации, когда каждый горазд рифмовать и выпускать книги — в единствен-

ного, редчайшего поэта-демиурга; принимаем ли безусловно, что слово есть и дело, и вещь, и весть. Если да, то для нас «Евроазис» станет чем-то дорогим и важным (не говорить же «откровением»: патетика нам точно претит). Неужели крах СССР был необходим, чтобы хотя бы один русский поэт ХХI века увидел мир без границ и различий? Неужели цена не чрезмерно завышена?..

Ответ автора предвосхищает вопрос читателя: «коль единственен и познаваем // мир поскольку и Божий, и наш», — то и общее единство предсказуемо-логично. Тогда снимается вопрос не только пространственных, но и культурных, но и жизненных границ: «вижу стяги усталого клана // и на них проступают слегка // кедр ливана берёза ивана // череп сакского боевика». В этом стихотворении интернационализирующим началом неожиданно выступает вода, «безымянная речка»:

безоглядная речка сбежала
вся взхлёб и от счастья слепа
в постановке эм что ли бежара
или эм как его петипа
вековое прогорклое зелье
в чёрных пальцах голодной вдовы
сладкий вкус проторившей ущелье
молодой удивлённой воды

В «Пророке» истина открывается караванщику, погонщику верблюдов, также бедуину-измаильтянину-израильтянину по национальной принадлежности. Как и гончар, погонщик верблюдов есть и будет всегда, эта профессия вне времени. Смысл откровения смертельно страшен, безмерен и вселенски огромен; обнадёживающего нет ничего в единстве, космической картине бытия народов. Подробности поражают сознание, оно блуждает в них и запутывается, теряя себя:

Великий и Шёлковый, Северный или ещё
начертанный клипером под парусами пассатов
путь! — лживая истина, плача, уткнулась в плечо,
но кто же поймёт её? — нет на земле адресатов,
и скудный, безадресный, брошенный — мечется дух,
к щенячьей душе устремилась игла серафима,
и атомный жрец, и адам, бедуинский пастух,
родятся из праха и пеплом взлетают незримо,

когтистая лапа впиается в мёртвый излом,
советский восток неприметной усыпан золою,
и суфий-молчальник летит, соблазнившись Путём,
на кожистых крыльях, подёрнутых адскою мглою.

Печальный вопрос «зачем» тонет в бездне времён, и путь начинается снова.

Дорога вперёд возможна, потому что есть сила, преодолевающая кровавую историю — язык. Шаповалов грезит об общем праязыке, образ которого, или след, или призрак проходит через множество стихотворений: небывалый и существующий лишь в фантазиях лингвистов, такой язык становится единственной реалией мира, точкой опоры и отсчёта: «неведомую жизнь итожа, в своём глумливом далеке // услышать тщимся слово Божье на беспредметном языке» («Языкотворец»). В нём слиты мужское и женское начала: «материнская речь породнит своим плачем миры, / а отцовская речь будет чуждую кровь леденить». Он есть цель и надежда, он основание бытия Евразиса:

Только жизнь так мала, чтобы в небо ворваться без крыл!
вспомним близких, ушедших — надежды отчаянной миг,
что когда-то постигнем тот вещий всеобщий язык,
на котором с пророками молча Господь говорил...
(«Языки»)

Недаром эпическим героем становится именно сказитель, Саякбай, и смерть его «посередине мира, которому имени нет», обретает характер планетарной катастрофы. Но имя есть у эпоса, а значит, и у народа, породившего эпос, и значит, весь не умрёт никто:

трава потомков — тростник — словно в последний раз,
вспомнит бойцов простых — тысячелетних нас,
века пребудет с тобой вселенское имя Манас,
нездешнее имя Манас, небесное имя Манас,
стозевное имя Манас, подземное имя Манас,
твёрдое имя Манас, гордое имя Манас,
пламя из гневных глаз, свет, что скоро угас,
мечты, прямые, как сталь, в груди так странно тая:
смятенная карма твоя, смертельная рана твоя!..
Имена и названия, экзотические в русском тексте — Те-

нир, ЧонКазат, ЧонЧабуул, Арууке — знакомые по звуку советским детям, в изобилии читавшим сказки народов СССР, и почти неизвестные ныне, привносят в текст особенную древнюю магию, волшебство чужих напевных слов, по редкости употребления кажущихся красивой родных.

Мировая античность, мировое христианство, мировой Восток с его огромным, непреодолимым пространством — всё это составляет «Опиумную тропу» (название раздела в книге «Евроазис»). Поэт имеет в виду, конечно, не путь, проторённый наркобаронами — это было бы слишком пошло; нет, перед нами, вслед за грёзой об общечеловеческом языке, поиск вселенской религии, всеобщего, если вспомнить бессмертные слова классика марксизма-ленинизма об «опиуме народа», обмана, оказывающегося единственной правдой в мире, где ни одна из социальных перемен не приводит к лучшему. Одно из пронзительнейших стихотворений раздела (в него входят, кстати говоря, и «На старых раскопках» и «Пророк», и «Языки», и «Смерть сказителя Саякбая», и «Гончар») называется «Киргизия. Кукурузный Христос». Лирическая ситуация абсурдна — фабулой стало случайное созвучие искажённого «Кокорус» (кукуруза) и «Христос». Но в чувственной памяти, основанной на вкусах и запахах, оно гарантирует стабильность мира: «узбек ва таджик, верблюжий кадык, // ва-алеякуму-ассалам // с одышкою пополам! — // во дни сомнений гремит сквозь ад // бездомный имперский язык, // блещет стёганный рваный халат, // в курджуне — яблонево́й сад». Так глоссолалия преподносит смысл бытия...

Следующий раздел книги назван «Исцарапанный свет». Эта метафора (далеко не единственная, кстати сказать, в книге) передаёт ещё одно важное единство, уже подготовленное мотивом языковой общности; теперь Шаповалов осмеливается говорить о тождестве разных видов материи, обращаясь всё к тому же — единству бытия. Кажется, что на уровне синтаксиса той же идее служит отсутствие знаков препинания в его текстах. Лирический герой восклицает: «вот бы мне только вдох выдохом завершить!» («Демииург»), — а автору, похоже, не хватает дыхания прерываться на паузы, продиктованные запятыми.

Сегодня, говоря о книге стихов, мы не можем игнорировать одну из ведущих концепций Серебряного века русской поэзии: книга понимается как целостный текст, единое, с первой и до последней строки, высказывание. «Евроазис» выполнен

именно как книга: достаточно сопоставить первое и последнее стихотворения, «Элегия» и «В глубоком колодце...». В первом «кобыла, не зная зачем, поднимается медленно в гору», и за счёт полуанекдотической коллизии начинается восхождение всего корпуса текстов к вершине, которую видит автор и тщится уловить рецензент. Во втором речь идёт о чёрной колодезной воде (внизу), из которой со временем родится песня. «Элегия» начинается с того, что «На лету умирает комар, прозевавший летнюю пору»; «В глубоком колодце...» показывает ещё одну малую тварь, птицу, отваживающуюся петь. В обоих текстах можно найти ещё множество зеркальных-обратных перекличек-взаимоопровержений: не хочется лишать читателя этого удовольствия.

Хочется заметить только одно: и в первом, и в последнем текстах ведущими становятся идея полёта, образ летучего существа.

Собственно, летуче ведь и поэтическое слово.

ЕЛЕНА ШНЫРЕВА

Неувядающая сила цвета

Я хочу рассказать о Талгате Миррахимове – мастере лирического пейзажа, продолжателе традиции реализма в киргизском изобразительном искусстве.

Мое знакомство с его творчеством имеет свою предысторию. Мы познакомились в середине семидесятых в мастерской Джамбула Джумабаева, художника, известного своим ярким талантом и неуживчивым характером. Беседуя о том о сем, мы не заметили, как раздался стук в дверь. Хотя Джамбул, активно участвовавший в разговоре, периодически прислушивался. «Я жду одного человека, – сказал он, – это хороший художник, придет время, он войдет в силу и кое-кому составит мощную конкуренцию. А на сегодня у него нет мастерской, так что будет работать здесь». Это было сказано так категорично, что не вызвало сомнений: надо либо покинуть помещение, либо принять в компанию еще одного собеседника.

Вообще-то у художников не принято делить свою мастерскую даже с лучшим другом. И вот, поди ж ты, такой случай. Талгат вошел тихо, улыбочиво со всеми поздоровался и через короткое время приступил к работе, скрывшись за дверью. Мы продолжали светскую болтовню, вовсе забыв о нем. Пройдут годы, и эта способность Миррахимова – уметь концентрироваться в любой обстановке – откроет перед ним двери многих выставочных залов и частных коллекций в Европе.

Была у нас еще одна короткая встреча. Я тогда работала координатором детского творчества, приглашала художников для участия в проектах благотворительного фонда «Мээрим». Талгат привел своего сына, юного художника, принявшего участие в конкурсе детского рисунка, и заодно протянул мне

буклет своей персональной выставки. И не где-нибудь, а в Великом Герцогстве Люксембург. Это было в конце девяностых, когда художники за рубеж почти не выезжали. Они, как и вся творческая интеллигенция, оказались без средств к существованию, каждый выживал как мог. А тут стоит передо мной Миррахимов, по моему тогдашнему убеждению – один из многих, и улыбаясь своими восточными глазами рассказывает какие-то странные истории, демонстрируя цветной буклет своей персональной выставки в Российском культурном центре имени А.С.Пушкина в Люксембурге...

На этом эпизоде в наших отношениях наступила пауза длиной в двадцать лет. И мы едва узнали друг друга, встретившись лицом к лицу в вестибюле Дома художников. Передо мной стоял седовласый среднего роста мужчина со знакомым взглядом улыбающихся глаз. Талгат первым протянул мне руку и, понимая мое замешательство, первым спросил: «Елена, это ты?! Трудно поверить! Говорили, ты уехала на Запад, в Америку?» «Да, так и есть, приехала вот, погостить, может быть, надолго, а может, навсегда», - расплывчато ответила я. Но Миррахимов не придал никакого значения моим разбежавшимся мыслям и скороговоркой продолжал: «Помнишь моего сына Фархата, ты еще предрекла ему большое будущее. Он поверил в себя и пошел учиться дальше. Теперь оформляет крупные объекты, его офис украшен моими картинами, и мне это вдвойне приятно». «А ты как?» – спросила я из вежливости. Кто знает, может быть, он пишет понемногу для своего удовольствия. Возраст у него преклонный, да и творческая жизнь в некогда сильном творческом коллективе пришла, похоже, в упадок. О каком творчестве может идти речь, когда каждый теперь сам по себе. Критерии творчества размыты, место картины заменила сувенирная картинка. В залах музея может выставиться каждый, кто заплатит за аренду зала. Грустно, особенно когда есть что вспомнить из прошлого, когда Союз художников был в авангарде культурной жизни республики. С этими мыслями я уже готова была проститься, но Талгат неожиданно пригласил меня в мастерскую. «Я все эти годы работал. Накопилось кое-что», – сообщил он, показывая свои работы.

Живопись Миррахимова поразила меня экспрессивно радостной силой. В этом многоцветном, пронизанном солнечным светом мире живут простые люди, занятые повседневными заботами; своеобразие природы Восточного Туркестана

чередуются с великолепными видами горных далей и не постижимого в своей красоте озера Иссык-Куль. Признаться, не ожидала я увидеть в работах Миррахимова такого мощного прорыва в стихию цвета. Юные девушки изображены в мягкой цветовой гамме. Принаряженные в яркие одежды и украшения, они похожи на роскошные цветы. Неувядающая юность смотрит на нас с картин «Подруги» (2007), «У реки» (1992). Как-то сами собой вспомнились слова К.Паустовского: «Краски и свет в природе надо не столько наблюдать, сколько ими жить. Для искусства годится только тот материал, который завоевал прочное место в сердце».

Раннее детство Талгата Миррахимова прошло в древнем городе Кульдже, расположенном на живописном берегу реки Или в Восточном Туркестане. (В настоящее время – Синьцзян-Уйгурский автономный округ КНР.) Кстати, именно в этих местах в свое время русский художник-баталист В.В. Верещагин написал несколько этюдов, которые впоследствии были положены в основу его знаменитого полотна «Апофеоз войны» (1871 год). Судьбе было угодно, чтобы талант одаренного подростка расцвел и сформировался в других условиях и в другой стране. Второй родиной для семьи Миррахимовых стала Киргизская Советская Республика. В 1968 году Талгат успешно защитил диплом в художественном училище и поступил на работу в Художественный фонд при Союзе художников Киргизии. Ему приходилось заниматься праздничным оформлением улиц и площадей столицы республики, участвовать в подготовке интерьеров республиканского исторического музея, печатать плакаты и многое другое. При этом время, проведенное за мольбертом, проходило как одно мгновение.

Вскоре после нашей встречи мы договорились с Талгатом посетить музей национального искусства имени Г.Айтиева. Была середина октября, стояла чудесная пора желтых листьев и мягкого солнечного света. В музее всегда одна и та же погода, а настроение весны или осени создают картины. Наша прогулка по залам музея превратилась в воспоминания о целом отрезке жизни, начиная с 60-х годов прошлого века. О тех, кто стоял у истоков киргизской живописной традиции, и сегодня не забыты и продолжают жить в музейной тишине, заметно влияя на новое поколение художников. Ведь это неоспоримый факт – художник развивается, становясь на плечи своих предшественников, а потом, если он достигнет результатов, кто-то встанет на его плечи. У картин наших современников

мы почувствовали, что искусство способно хранить память о человеке-художнике как о живом участнике событий нашей беспокойной жизни. Именно здесь, в музее, становится пронзительно ясно, что прожить свою жизнь в служении искусству способны далеко не многие. Мне, как автору материала о художнике, было интересно узнать, у чьих работ остановился Миррахимов. Вот пронизанный горячим солнцем пейзаж С. Акылбекова «На полях Киргизии» (1954). Он напомнил Талгату студенческие годы, когда он, еще первокурсник, впервые увидел своего педагога не в классной комнате, а на натуре с этюдником в окружении студентов. «Сабырбек Акылбеков вел у нас живописное мастерство. Он был тонким знатоком тона и нам старался передать все, что сам чувствовал, советовал присматриваться к изменению света на ближнем и дальнем планах. Возился с нами, хотя мы этого, по правде говоря, не заслуживали».

Мастерству построения композиции обучал Д.Н. Флекман. Его картина «Михаил Фрунзе в камере смертников» (1958) была для студентов учебным пособием по организации холста. Талгат часто ходил в мастерскую своего педагога за советом. С шутками и прибаутками старый художник щедро делился своими знаниями с теми, в ком видел задатки творческой личности. Давид Натанович любил читать студентам свои стихи. Достанет, бывало, из кармана листочек и читает вслух: «О! Живопись! Коварная сеньора! Владычица моих тревожных дум!» – А потом подмигнет и скажет: картина – сложный организм, это если хотите, роман в красках. Сочинить и написать картину – дело не простое».

В зале Чуйкова, кажется, даже сам воздух заряжен энергией оптимизма и светлой надежды. Здесь у Миррахимова есть свои заветные работы: «Девочка с тюльпанами» (1943), «Дочь чабана» (1948-1956), «Вечерние лучи» (1964), «Прикосновение к вечности» (1974). Колористическое богатство тонов, свободное владение законами передачи световоздушной среды, свойственное Чуйкову, занимает внимание Миррахимова. В самом слове «Прикосновение» Чуйков дает намек для расшифровки тайны, заложенной в его произведении: можно обладать талантом, но понимание колорита и закономерности цветовых созвучий приходит как особый дар в процессе постоянного изучения живой природы. Не слепое копирование, а сердечная встреча с живой природой способна гарантировать успех. Познать вечность удавалось редким творцам в мире

искусства, прикосновение к ней делает художника Победителем.

В музее время течет незаметно, то останавливаясь, то утекая вспять. За окном осенний день 2018 года, а в музейном зале мы оказываемся в семидесятых годах XX века. Тогда общественную жизнь союза киргизских художников определял всеобщий настрой служить процветанию культуры и искусства своей страны.

Молодое поколение в ту пору испытывало повальное увлечение западным искусством. Талгат, как и все его сверстники, варился в этом котле новых веяний и вкусов. Он тоже прошел через период поисков и сомнений. Изучал импрессионистов, заимствовал формальные приемы у влюбленного в Азию и Восточный Туркестан русского художника Павла Кузнецова (1878-1968). Кстати, живописные полотна Кузнецова входят в собрание сокровищ местного музея. При этом самобытный талант Миррахимова не рассеивался, как это бывает, когда художник бездумно склонен к подражанию. Напротив, в нем пробуждалось внутренне знание, подкрепленное опытом. С тех пор как к нему пришло понимание, что цветом можно лепить форму и эта форма обладает всеми качествами и свойствами реальности, которая тебя окружает, Миррахимов точно глотнул свежего воздуха. Он почувствовал материальность цвета. Произошло и чудо проникновения в таинство смешения цветов на палитре, и встреча с новым для него состоянием полной уверенности.

Тема Азиатского базара во все времена привлекала внимание живописцев: одни восхищаются разнообразием форм и цвета плодов земли, других занимает сама экзотика восточного базара. В живописи Миррахимова – это живой пульсирующий организм. «Базар в Турфане» (2008) для него прежде всего пластически выразительный объект, интересный синими крышами палаток, голубыми и синими платьями женщин, синими от небесной синевы бликами на глинистой поверхности земли. Горячее полуденное солнце растекается по холсту светлыми оттенками розового, голубого, золотисто-коричневого, контраст света и тени усиливает впечатление восточной сказки... Примечательна в этом смысле и небольшая работа «Крытый базар» (1989). Композиция строится так, что зритель оказывается внутри довольно мрачного пространства. Сквозь крышу кое-где видны лоскутки неба. Сумрачно и сыро, как в

таинственной пещере. И вот на фоне этого полумрака с разных сторон выступают женские фигурки, похожие на цветные тени. Но какие! Бирюзовые, коралловые, нефритовые, цвета глубокого лазурита, да еще в придачу сверкнет рубиновый с проблесками старого золота. Впрочем, каждый увидит в этой работе что-то свое. Бывает, воображение зрителя порой довершает работу художника, от этого оба, и художник и зритель, только выигрывают.

О музыкальной культуре уйгурского народа сложены легенды, которые живут в народной памяти с давних времен. Отец художника – мастер ювелирного дела, был большим знатоком уйгурских мелодий. Его чувство гармонии плавно перетекло в живописную поверхность картин сына, когда тот стал зрелым мастером. Так со временем возникли поэтичные образы молодых исполнителей в картинах «Музыканты» (1996), «Девочка с равапом» (2008) «Юноша с равапом» (1996). Музыкальным ритмом отмечен цикл картин, посвященных юным хотанкам. Изображая замечательных людей уйгурской науки и культуры, разделенных границами государств, художник следует своему гражданскому долгу – сохранить в памяти потомков образы представителей уйгурской интеллигенции наших дней. Среди портретируемых мы видим Героя Советского Союза Сульхи Лутфулина, удостоенного высокого звания за отвагу на фронтах Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.); портрет врача Акима Джапарова, взявшего на себя заботу о системе здравоохранения в Восточном Туркестане в тяжелое лихолетье 1940-1950-х годов. Образ народной артистки Казахстана Гульвиры Разиевой привлекает женственностью и праздничным настроением.

В ряду портретной живописи совсем не случайно появляется автопортрет художника. Перед нами путник, видно, дорога была долгой, и теперь он стоит неподвижно, как вкопанный. Да ему, собственно, и некуда идти, его путь лежит не вонне, а внутрь себя, ему дорог его собственный внутренний мир, завоеванный многими часами, месяцами и годами труда над собой. Руки, опирающиеся на посох живыми подвижными пальцами, выдают скрытую потребность взять кисть и прикоснуться к холсту. В лице старика есть намек на портретные черты, но художник не хочет быть узнанным. Уйдя в себя, странник, кажется, задается извечными вопросами: все ли сделали эти руки, о чем мечталось в молодые годы, что оставит он в назидание детям и внукам, будут ли помнить потомки, как сле-

дует жить, чтобы сохранить то, что было завещано дедами и отцами. Очевидно, что образ дервиша-странника возник в период размышлений зрелого мастера о смысле жизни. Такое настроение свойственно творческим людям. В действительности Миррахимов – большой жизнелюб. Не успел выпасть первый снег, как он уже собирает этюдник для поездки в предгорья, и легкий морозец с ветерком ему нипочем – новый, пахнущий зимней свежестью этюд, для него важнее. А когда зима вступит в свои права, он будет писать из окна мастерской волшебные снежные мотивы. Здесь следует остановить внимание на сложившиеся в кругу киргизских художников традиции писать этюды на пленэре. Для таких поездок нет лучшей поры, чем осень, когда краски земли особенно яркие. Миррахимов любит вспоминать, как много почерпнул он, работая в таких творческих группах. Несколько лет подряд они выезжали вместе: Алексей Каменский, Владимир Буторин, Дамир Конгурбаев, Жылдыз Молдахматов. Лучшее время для этюдов – до полудня и на закате. Вечером сидели у костра, делились впечатлениями, обсуждали работы. Художники любят пленэр как возможность увидеть себя со стороны, оценить творческие находки других, а если повезет, этюд прямо на натуре может перерасти в картину.

Возьмем, для примера «Село в горах. Жети-Огуз» (2008). Казалось бы, ничего особенного: на переднем плане желтая выжженная солнцем земля, а дальше домишки, утопающие в зелени деревьев, горы тяжелой массой вырастают из земли и врезаются в небо. На ребристых склонах этих великанов горят краски заката. Солнечные блики сверкают кое-где в листве тополей. Кажется, тело Земли греется в лучах заходящего солнца, которое ласкает его светом последних лучей. Уходя, оно прощается с небом. В темнеющей синеве вечернего неба краски заката сгущаются, но свет еще продолжает свою игру с наступающей темнотой, то здесь, то там вспыхивая розовато-серыми фиолетовыми бликами. Секрет состоит в том, что, соприкасаясь с привычным и даже обыденным, художник силой своего чувства преображает мотив и предлагает нам, зрителям, посмотреть его глазами на окружающие нас предметы и явления. Уйдет, спрячется за горами солнце, и нависнут над селением скалистые громады. А наутро все будет иначе, и снова ему предстоит невидимое сражение за мотив, чтобы, сохраняя верность натуре, подобрать свой ключ к живописному решению пейзажа.

Важное место в творческой биографии Миррахимова занимает событие, к которому художник шел многие годы. В 2015 году ему была предоставлена возможность показать выставку своих произведений в Москве. Надо признать, что подготовка этого важного события потребовала мобилизации всех жизненных сил художника. И успех превзошел все ожидания. Художник был приятно удивлен, когда в аэропорту Шереметьево его встретили, позаботились об устройстве в гостинице, транспортировке и доставке картин в центр Москвы, на Крымский Вал, в выставочный зал Новой Третьяковки. Выходит, и в Москве есть почитатели его таланта, ими оказались талантливые в своем деле предприниматели и меценаты Анвар Габазов и Джурат Закиров. Выставка не случайно получила название «Мотивы Азии», в экспозиции были представлены пейзажи Киргизии и сюжетные композиции, посвященные современной жизни уйгуров Восточного Туркестана. Почитатели таланта Миррахимова отметили его способность видеть в киргизской природе и в патриархальных улочках древних уйгурских поселений и городов на Великом шелковом пути жизненно близкую и одновременно универсальную красоту мира. Его картины о том, что культура каждого народа уникальна и вместе с тем понятна каждому. В торжественной обстановке выставочного зала, на фоне картин, излучающих краски Востока, было сказано немало добрых слов и пожеланий.

Ныне яркий самобытный живописец готовится к большой персональной выставке здесь, в родном Кыргызстане. За плечами – более сорока лет творческой деятельности, на пороге – юбилей. В этом, 2019 году Миррахимову исполняется 75 лет. Предстоящая выставка его произведений в залах музея изобразительных искусств имени Г. Айтиева, без сомнения, станет значимым событием в культурной жизни республики, а для художника – очередной победой над любыми препятствиями, без которых настоящему творцу, как известно, не обойтись.

Кратко об авторах

Кадыров Виктор

Родился в 1955 году в Бишкеке (Фрунзе). Окончил Политехнический институт по специальности «Инженер-электрик». С 1992-го работает в книжном деле. Им создана книготорговая сеть «Раритет». С 1988 года возглавляет издательство «Раритет». Кадыровым подготовлено и издано более 60 книг о природе, истории и этнографии Кыргызстана. С 2003-го издательство выпускает сборники сказок и сказочные повести, написанные Кадыровым на основе кыргызских народных эпосов. Им также изданы прозаические сборники «Коровы пустыни», «Золото Иссык-Куля», «В поисках дракона», «Иная планета», «Знаки неба», «Родиться в небесах», «Тайны Иссык-Куля» и др.

Крячун Александр

Родился в 1951 году в селе Ленин-Джол (ныне село Ноокен) Джалал-Абадской области. Там же в 1968 году окончил 10 классов. Служил в армии, в ракетных войсках. В 1974 году окончил Фрунзенский политехнический техникум. С 1974-го по 2002 год работал в топографо-геодезических экспедициях по Средней Азии. Как самодеятельный художник, он неоднократно выставлял свои картины на выставках Бишкека.

Выпустил книгу прозы. Живет и работает в Смоленске. Ежегодно приезжает в Кыргызстан. Неоднократно публиковался в «ЛК».

Лидский Владимир

Родился в Москве в 1957 году. Окончил ВГИК. Поэт, прозаик, драматург, историк кино. Автор романов «Русский садизм», «Избиение младенцев», «Сказки нашей крови», повестей, рассказов, сборников стихов, нескольких киноведческих книг. Лауреат Русской премии (2014 и 2016 гг.), а также премий «Вольный стрелок: Серебряная пуля» (США), Премии им. Алданова (2014 и 2015 гг., США), «Арча» (Киргизия), Премии им.

Хэмингуэя (Канада), драматургических конкурсов «Баденвайлер» (Германия) и «Действующие лица», финалист «Национального бестселлера», Премии Андрея Белого, Бунинской премии, Волошинского конкурса, лонг-листер «Русского Букера», премии «НОС» и др.

Член Союза кинематографистов Кыргызской Республики.

Подгайный Игорь

Родился в 1948 году. Окончил Фрунзенскую физико-математическую школу № 61, а затем Ленинградский политехнический институт. Прошёл путь от главного механика Киргизского полиграфкомбината до заместителя министра Министерства печати и информации Киргизской Республики. Уйдя с государственной службы, занимался бизнесом. В 2010 году переехал в Санкт-Петербург (Россия).

Его рассказы, статьи публиковались в «ЛК», выходили во многих сборниках в издательствах «Кыргызстан» и «Адабият». Написан авантюрно-фантастический роман, который пока не опубликован.

СУСЛОВА Светлана

Родилась в Забайкалье, с 1952 года живет в Кыргызстане. Окончила филфак Киргосуниверситета. Автор 15 оригинальных поэтических сборников и более 20 переводных. Лауреат Всесоюзной премии Ленинского комсомола, кавалер ордена Дружбы и ордена «Данакер». Заслуженный деятель культуры КР. Заместитель главного редактора «ЛК», ведущий специалист НЦ «Перевод» КРСУ.

Сагайдак Дмитрий

Родился в 1989 году в городе Фрунзе (ныне Бишкек). Окончил школу-гимназию № 26 с углубленным изучением французского языка. В 2012 году окончил Бишкекскую финансово-экономическую академию по специальности «Бухгалтерский учет, анализ и аудит». Работает в аудиторской фирме.

Увлечаться поэзией начал в школе. Публиковался в газете «Слово Кыргызстана», в журнале «Литературный Кыр-

гызстан». Ведет свой блог в Интернете, где публикует собственные стихи, фотографии, а также рецензии на творчество музыкальных групп.

Пишет стихи на русском, английском и французском языках.

Лауреат литературного конкурса «Золотая табуретка – 2012» в номинации «За лучшее философское отражение мира в поэзии».

Увлечения: литература, фотография, рок-музыка, футбол.

УБАЙДУЛЛАЕВА Кристина

Родилась 27 ноября 1988 года в Оше. В 2011-м окончила Кыргызско-Российский Славянский университет по специальности «Филология». В настоящее время – редактор в бюро переводов TRANSLATOR.KG и по совместительству внештатный корреспондент медиацентра «Россия» (вкл. редакции печатных изданий «АиФ-Кыргызстан», «МК-Азия», информационного портала News-Asia и представительства РИА «Новый Регион-Азия»).

Стихи публиковались в «ЛК» и поэтических сборниках, в том числе в сборнике «Новые писатели», изданном в Москве в 2014 году, а также были представлены на различных конкурсах и фестивалях.

Кердан Александр

Родился 11 января 1957 года в городе Коркино Челябинской области. Окончил высшее военное училище, военную академию и адъюнктуру Военного университета. 27 лет прослужил в Вооруженных силах. Полковник запаса. Доктор культурологии. Автор 61 книги стихов и прозы, вышедших в России и США. Стихи переводились на английский, итальянский, немецкий, болгарский, азербайджанский, белорусский, башкирский, коми, хантыйский и другие языки. Лауреат Большой литературной премии России, всероссийских и международных литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ. Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Живет в Екатеринбурге.

Джолдошбеков Талант

Родился 12 января 1962 года в городе Фрунзе. В 1981-м окончил Республиканскую школу-интернат для слепых и слабовидящих детей. В 1986 году – факультет русской филологии КГУ. С 1986 по 1990 год работал учителем истории в Орловской средней школе Таласской области. В 1990-е годы занимался частным предпринимательством. В 2000 году некоторое время работал заместителем директора радио «Восст». В 2007 и 2008 годах давал мастер-классы в летней школе Чингиза Айтматова. Участвовал в различных проектах. Иногда пишет песни для наших эстрадных исполнителей. Занимается переводами с кыргызского на русский. В прошлом году перевел поэтическую часть книги Сагындыка Омурбаева «Великая смута». С 2011 года работает директором Кантского учебно-производственного предприятия Кыргызского общества слепых и глухих. Женат. Имеет трёх сыновей и одного внука. Член Союза писателей КР. Стихи пишет с детства.

Луговая Светлана

Родилась в Оше. Окончила иностранный факультет КГУ. Работала преподавателем английского языка. В 1978 году перешла на работу в Бюро пропаганды художественной литературы СП Киргизии режиссером-организатором.

Член Союза писателей СССР и НСП Кыргызстана. Автор 16 лирических сборников и легенд, 15 детских поэтических книжек-раскрасок, двух прозаических книг сказочных рассказов для детей.

«Золотое перо» Кыргызстана.

Зеличенко Александр

Родился во Фрунзе (ныне Бишкек) в 1957 году в семье офицера милиции. Окончил Высшую школу МВД СССР (Казахстан) и Академию МВД СССР (Москва). Начав службу в уголовном розыске, затем последовательно возглавлял городской отдел внутренних дел, уголовный розыск области, республиканскую службу по борьбе с наркобизнесом, Государственную комиссию при правительстве КР по контролю наркотиков, Главный штаб МВД КР, Департамент паспортно-

визовой работы и Центр реформирования МВД Кыргызстана. Являлся советником председателя Республиканской службы по контролю наркотиков. Полковник в отставке, кандидат исторических наук.

Печатается с 1981 года. Публиковался в Кыргызстане, Казахстане, на Украине, в России, Великобритании, США, Швеции, Польше, Израиле, Сербии на русском, английском, кыргызском, казахском, сербском и польском языках.

Член Союза журналистов, Союза писателей Кыргызстана. Награжден двумя медалями ООН «За службу во имя мира», Государственной наградой Кыргызской Республики, медалью «Эрдик» («Мужество»), юбилейными медалями.

Живет в Бишкеке (Кыргызстан).

Калмыкова Вера

Литературный и театральный критик, кандидат филологических наук, член Союза писателей Москвы, главный редактор издательства «Русский импульс», шеф-редактор электронного журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Область научного интереса — вопросы теории поэтического языка, компаративистика. Автор и редактор ряда книг, член авторских коллективов «Литературного словаря», «Поэтического словаря», энциклопедии «Русские писатели, XX век», «Мандельштамовской энциклопедии». Критические и публицистические статьи публикуются в журналах «Арион», «Вопросы философии», «Дружба народов», «Зинзивер», «Знамя», «Культура и время», «Литературная учёба», «Наше наследие», «Нева», «Октябрь», «Собрание», «Урал», *TorontoSlavicQuarterly*. В 2004 году в Милане вышла поэтическая книга «Первый сборник», в 2010-м в издательстве «Русский импульс» — книга «Растревоженный воздух».

Шнырева Елена

Родилась в 1947 году в Новороссийске в семье военного. Раннее детство прошло в Забайкалье, в первый класс пошла в станице Кореновской Краснодарского края. Дальше были Краснодар, Свердловск, и наконец в середине 60-х годов прошлого века семья переехала в город Фрунзе, ныне Бишкек. В 1972

году после окончания исторического факультета в Свердловском государственном университете им. Горького получила профессию искусствоведа. С 1972 года работала референтом в Союзе художников Киргизии, научным сотрудником отдела живописи в Киргизском государственном музее изобразительных искусств, в течение 15 лет преподавала историю мировой художественной культуры в Киргизском государственном художественном училище имени С.А. Чуйкова. Как член Союза художников Киргизии опубликовала несколько монографий о киргизских художниках, в периодической печати публиковала статьи о творчестве мастеров Киргизского изобразительного и прикладного искусства, вела телевизионные передачи по истории советского и мирового искусства на Киргизском телевидении. В течение нескольких лет работала координатором детского творчества в благотворительном фонде «Мээрим». Неоднократно выезжала за рубеж с выставками произведений киргизских художников. В течение ряда лет жила и работала на Западе. Наступил момент, когда родная сторона властно позвала. Теперь вновь открывает для себя старые мотивы и немногих верных искусству друзей.

*Корректурa Ольги Николаевой
Компьютерная верстка и дизайн Таланта Абдрахманова*

Подписано в печать 29.04.2019 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial.